

НОВАЯ ПОЛЬША 3/2013

Содержание

1. КАБАНА Я УБИЛ...
2. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
3. ГОРДИЕВ УЗЕЛ ДЛЯ МНОГИХ НАРОДОВ
4. ВТОРОЙ УКОС «ВИСЛЫ»
5. ПЕТЕРБУРГСКО-ВАРШАВСКИЕ АРХИТЕКТУРНЫЕ СВЯЗИ
6. ПЕТЕРБУРГСКИЕ ТВОРЕНИЯ МАРИАНА ПЕРЕТЯТКОВИЧА
(1872-1916)
7. СОВРЕМЕННЫЕ СВЯТЫЕ И МУЧЕНИКИ
8. КУРОПАТЫ — ОБЩАЯ БОЛЬ ПОЛЯКОВ И БЕЛОРУСОВ
9. «ГЕКТОГРАФ — ЭТО ТАКАЯ ЭЛЕМЕНТАРНАЯ ЖЕЛЕОБРАЗНАЯ
ШТУКА...»
10. ПОЛЬКА ИЗ МОСКВЫ
11. КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА
12. ОПЕРНАЯ ДИВА ВСЕМИРНОГО ПРИТЯЖЕНИЯ
13. РОСТРОПОВИЧ
14. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ
15. ПОБЫСТРЕЙ БЫ ОТСЮДА УБРАТЬСЯ
16. В СПЕШКЕ

КАБАНА Я УБИЛ...

— Современной политике требуются не слишком сообразительные граждане. Легче управлять дурачками, чем творческими, креативными людьми. Может быть, ваше министерство уже превратилось в политический балласт?

— Я не разделяю этого мнения, хотя доля правды в нем есть. Но ведь сотрудничество с людьми творческими, интеллигентными, креативными доставляет также и удовольствие.

— Но они создают проблемы, пишут письма, протестуют, да что там, выходят на улицы, думают, паразиты...

— Но самая приятная работа — именно с людьми требовательными, творческими. А при сотрудничестве я смотрю не на удобство, а на результат. И самых высоких результатов мы добиваемся не в сфере промышленности, новых технологий или науки, а как раз в сфере культуры.

— Вы говорите, что самая приятная работа — с людьми творческими, у которых много идей... Вам, наверное, очень скучно на заседаниях правительства?

— Я не дам себя впутать...

— ...в дешевый наезд на коллег?

— Так называемое скучное правительство — это эффективное правительство, а эмоциональное правительство нельзя назвать вполне ответственным.

— Я не дам себя втянуть в эту хитрую дихотомию, которую мусолят уже несколько лет — мол, либо нервное и слабое, либо скучное, спокойное, предсказуемое. Между этими двумя есть еще, например, правительство, которое определяет четыре-пять приоритетных направлений и работает над ними с железной последовательностью, веря, что это даст результаты. У этого правительства таких приоритетов нет.

— Есть, но вернемся к культуре.

— Почему?

— Потому что я отвечаю за нее.

— Раз вы отвечаете за культуру, то я, честно говоря, ожидал бы от вас чего-нибудь в стиле: встаете вы на заседании совета министров и говорите: «Дорогие коллеги-мегаломаны, нам не суждено стать ни промышленной, ни технологической, ни технической державой — это невозможно! То, что у нас хорошо получается и стоит не слишком дорого, — это искусство! У нас есть хорошие художники, уже известные на весь мир. А у поляков есть особое чутье на творчество. И своего рода культ художника. Я обращаюсь к господину премьеру с просьбой воплотить в жизнь лозунг «Творческая Республика Польша»! Господин министр, давайте уговорим каждого поляка, чтобы он что-нибудь создал! Если человек что-нибудь создаст, что угодно, то это его меняет, он становится совсем другим человеком, потому что чувствует в себе почти что силу демиурга!»

— Отлично, беру...

— Отдаю даром.

— ...хотя должен сказать, что львиная доля моей деятельности направлена ровно на то, о чем Вы говорили.

— А вы не пробовали на заседании совета сесть на колени министра образования и сказать ей: «Слушай, детка, давай-ка сделаем «уроки творчества» на каждой ступени образования, для всех...»

— Я сделал больше. Не садясь на колени Катажине Халь, я сумел быстро уговорить ее вернуть музыку и рисование как обязательные предметы в начальной школе. А для того, чтобы у нас действительно была радость творчества, должны быть выполнены три условия одновременно: во-первых, необходима инфраструктура — театральные, оперные, концертные, музейные залы, пространство для творчества...

— Это довольно интендантская логика...

— Второе условие — образование самих художников, определение талантов тогда, когда им по четыре, пять, шесть, семь лет — это очень важно.

— В музыке — да, но в других областях это еще не тот возраст, чтобы искать таланты.

— Но в мире музыки это необходимо. За последнее время я открыл 28 новых музыкальных школ первого уровня, чтобы у детей, которые хотят учиться музыке, была такая возможность. Однако я не увеличил количества мест в школах

более продвинутых уровней, то есть мы имеем дело с расширением основы треугольника — ради того, чтобы находить больше талантов.

— И выпускать излишек разочарованных, которые, нюхнув музыки, в высшие музыкальные учебные заведения уже не поступят.

— Сам факт получения музыкального образования первого-второго уровня невероятно важен с точки зрения развития творческих способностей в общественной жизни. Увеличиваются также шансы того, что следующему поколению в семье будет легче получить музыкальное образование. Это второе условие — художественное образование. А третье — это культурное воспитание адресатов, то есть зрителей. И мы почти утроили финансирование на культурное образование, на доступ к культуре.

— Вы говорите об одаренных, а я — обо всех. Давайте будем единственной страной на свете, в которой каждый что-нибудь создаст! Каждый! И это нас изменит! А возвращаясь к интендантству — может, денег вы потратили больше, но я читаю результаты недавних опросов, опубликованные несколько дней назад, и они показывают, что доля поляков, которые не в состоянии понять прогноз погоды или расписание поездов, увеличивается и достигла уже почти что половины населения. Люди читают и понимают всё хуже, оглушение продолжается и усиливается.

— Я не разделяю этого мнения.

— Опросы врут?

— Их интерпретация неверна. Вы только что утверждали, что люди всё хуже понимают расписание поездов... Тогда как же за последние 10 лет количество путешествующих самолетами и поездами могло увеличиться в 10 раз? Летают не в ту сторону?

— Одни других спрашивают, как понять это расписание. Здесь я говорю как раз в прямом, не в переносном смысле.

— Отлично, вот это творческий подход! Во всяком случае, люди летают несравнимо больше, и я уверен, что в нужных направлениях.

— Здесь вам удалось забавно выкрутиться, и однако, если говорить серьезно, растет уровень вторичной — даже не неграмотности, а непонимания смысла, не только по вине образования, но и по вине технологий, которые настолько

«упростили» контакт между людьми, что фактически кастрировали его до предложений без сказуемого или до смайликов.

— Этого мнения я тоже не разделяю! Меняются потребности, и в связи с этим меняются также склонности и умения. Когда-то категории наносекунды не существовало, а сегодня мы говорим о том, что ньюйоркцы пользуются ею, если речь идет о впечатлении, какое мы хотим на них произвести. Надо быть осторожным в выводах, и не только в тех, которые мы делаем из опросов, но и в интерпретации отдельных образов. Когда-то, в бытность машинистом электровоза товарных составов, я перемещался по Польше и помню, как складывались пейзажи за окном — как фотографии. Сейчас это невозможно, сейчас это должно выглядеть как короткий фильм. Еще недавно люди бизнеса без проблем приходили на длинные спектакли и не ерзали нервно, когда спектакль затягивался на 15 минут. Сейчас я вижу, как они реагируют, если появляется «угроза» выхода на бис, потому что их время рассчитывается по-другому. Все эти социологические явления требуют новых инструментов описания.

— Когда вы были машинистом, Вы кого-нибудь убили?

— Человека — нет, но кабана — да.

— А был страх перед человеком на путях? Машинист практически бессилен, если кто-то окажется на путях.

— Был страх. В случае товарных поездов, какие я водил, тормозной путь состава на нормальной скорости движения, на угольном шламе или на угле, — около километра и двухсот метров, даже почти до двух километров.

— Значит, рефлекс здесь не поможет. И почему вы перестали работать машинистом?

— Потому что поступил на философский факультет.

— Ничего себе сошли с рельс.

— К счастью, не полностью, потому что одновременно с философией я учился на строителя, сварщика, специалиста по механической обработке...

— Господин министр! Вы могли заниматься столькими интересными вещами, а стали министром культуры и национального наследия?!

— Так сложилось.

— Но раз уж так неудачно сложилось, то, господин министр: первое место, где поляки сталкиваются с печатным словом, не считая расписаний, — это газеты. Читателей газет становится меньше, газеты упрощаются в погоне за читателем, потакают его самым примитивным вкусам и начинают глупеть. В нескольких европейских странах есть идея, чтобы в этом помогало государство, потому что государство понимает, что чтение газет — это не только набивание карманов владельцам средств массовой информации, но и воспитание сознательных граждан, с которыми потом можно будет разговаривать на каком-то более сложном языке. Так делает, например, Франция, а мы — нет. Почему? Только по бедности?

— Я считаю, что попытки поддержки и поощрения чтения нужны и важны, и в этом направлении нам есть к чему стремиться. Во Франции у выпускника лицея есть возможность за счет государства подписаться на год на выбранное издание. Мне нравится эта идея, и я дал распоряжение подсчитать, сколько бы это стоило. Может быть, мы решимся на такой шаг, чтобы в рамках программы поддержки чтения дать шанс молодым людям выбрать, например, еженедельник из определенного списка. Хотя этого списка я немного побаиваюсь.

— Нет уж, в списке должны быть все.

— Во Франции — не все.

— А чего нет?

— Уж не говоря о порнографических и чисто развлекательных журналах, таблоидах, в этом списке присутствуют не все журналы, и список этот окончательный.

— Например, специфический язык у «Не» Урбана. Он мог бы попасть в такой список?

— Это еще одна нерешенная дилемма... Пока что мы проверяем, насколько мы справились бы с таким предприятием в финансовом смысле.

— А премьер-министр знает о вашей идее?

— Нет.

— Я так и думал. Вы боитесь, что она его испугает?

— Не думаю.

— Потому что я наблюдаю, как Дональд Туск относится к СМИ и вижу, что он без энтузиазма смотрит на государственную помощь даже государственным СМИ. Он как раз принадлежит к таким премьер-министрам, которые не понимают, что чем лучше будут СМИ, в том числе государственные, тем легче будет провести трудные реформы — а они нас ждут. Не поднимая уровня государственных СМИ, он подписывается под тем, что «лучше резня, чем болтовня». Вы надеетесь в конце концов сломить его сопротивление?

— Премьер-министр — противник того, чтобы снова отдавать средства из кармана граждан на телевидение, не имея уверенности в том, что они будут правильно потрачены. Он хорошо помнит попытки присвоения телевидения предыдущими правящими группами, что для них всегда заканчивалось фатальным образом. Поэтому СМИ не интересуют премьера ни в политическом, ни в финансовом плане.

— А кто сейчас управляет Польским ТВП — не вы?

— Вынужден вас разочаровать — нет, не мы.

— Елки-палки... Так кто же, самозванцы какие-то?

— Не самозванцы — главное, что команда, которая сейчас управляет телевидением, нейтральна — с точки зрения правительства. Председатель Польского ТВ Юлиуш Браун довольно «централен» по своим взглядам. Премьер не заинтересован в личном управлении телевидением через своих ставленников, и он прав. Зато важно, чтобы у людей, заинтересованных тем, чтобы телевидение вышло на новый уровень качества программ и менеджмента, было какое-то хорошее общее видение вопроса. А его, кажется, нет. Но в настоящее время многое происходит. Это был первый год, который в сотрудничестве с государственными телевидением и радио дал определенные поводы надеяться, что в данном направлении есть перспективы.

— Какие поводы?

— Вернулся Телевизионный театр — благодаря средствам министерства культуры и национального наследия. Мы финансировали специальные программы, посвященные рекламе книг. Появились специальные радиопередачи, посвященные аудио-книгам и рекламирующие

радиопостановки для детей на Польском радио, были выделены средства на часть концертов и передач, относящихся к сфере высокой культуры. В этом году на государственном телевидении мы будем поддерживать мультипликацию, особенно для детей. Всё это вещи довольно дорогостоящие. Чтобы записать, поставить и показать вживую один спектакль, нужно от 400 до 800 тыс. злотых. Десятиминутный мультфильм для детей стоит столько же, сколько одна серия телесериала, но она приносит прибыль, а мультфильм — нет.

— А какой ваш любимый сериал? «Л как любовь», «На счастье и на беду» или скорее «Мир глазами Дрянных»?

— Тут я вас удивлю. Я не видел ни одного сериала, ни одной серии.

— Так вы не знаете, чем живут поляки!

— Знаю, но из этого образа жизни поляков вычеркиваю телесериалы.

— Я недавно разговаривал с Янушем Паликотом, и он рассказывал мне, что поляки — кумиры лидера европейской Партии пиратов. Вы тоже гордитесь нашим смертельным ударом по АКТА?

— Активностью горжусь, но непониманием всего процесса в целом — гораздо меньше. Время покажет, как на самом деле выглядит проблема ответственности за подделки, за всю эту сферу. Полпроцента содержания АКТА касалось интернета или культуры вообще, а остальное было попыткой защитить различные рынки от, коротко говоря, подделок.

— То есть ваше правительство сплеховало, зря испугалось толпы?

— В самой работе над АКТА было сделано много ошибок, на которые Польша тоже обращала внимание. Нельзя забывать, что Польша в числе первых стран с самого начала требовала, чтобы процедура была явной. А она таковой не была.

— Министр Бони совершил ошибку, уступая протестующим?

— Если мы имеем дело с непониманием регламентации...

— ...со стороны протестующих.

— Да, если регламентация расценивается как враждебная и вдобавок может быть превратно истолкована, то лучше выйти

из такого международного договора, чем давить. А сама по себе общественная активность всегда ценна, и ей нужно отдать должное.

— Даже если она неразумна?

— Она в этом своем проявлении была вполне разумна. Достаточно было поговорить с теми, кто протестовал. Я это делал и очень быстро понял, что нельзя сказать, что с самим протоколом они незнакомы.

— Господин министр, вы законченный демагог. Вы знали, что толпа не понимает, но протестует, и в угоду неразумной толпе согласились на то, чтобы ее требования...

— Я не дам загнать себя в этот угол. Толпа разумна и в своих действиях отталкивается от интуиции и от определенных знаний. Что защищали молодые люди? Гражданские свободы, которые, по их мнению, были под угрозой. Они защищали свободный доступ в интернет и прежде всего его частный характер. И в этом они абсолютно правы, потому что это священные ценности. При этом документ, который был поводом для протеста, к индивидуальным пользователям не имел практически никакого отношения. Вот и всё.

— Чувствуете ли вы себя утомленным? Вы дольше всех занимаете пост министра культуры, с 1989 года.

— Меня нелегко утомить. Но, конечно, каждый должен следить за тем, есть ли у него новые идеи, новые проекты, есть ли творческие силы.

— И как вы за этим следите?

— Это дело самосознания и опыта.

— Если у вас мания величия, то ничего правдивого вы о себе не узнаете...

— У меня ее нет.

— Вы уходите от политики. Но не всё так просто: политика, высматривая, чем бы ей еще поживиться, смотрит на культуру. И начинает с кино. Вам понравились недавние политические споры и новые польские фильмы?

— Это мне как раз нравится. Споры о том, какова задача кино, каково оно, — полезны. Я думаю также, что границы этой

дискуссии под конец ушедшего и в начале наступившего года не были перейдены — ни в смысле вкуса, ни в смысле качества.

— А дискуссия о фильме «Последствия», сверхпольский он или антипольский?

— Отличная дискуссия.

— И все-таки вы уже успели ляпнуть, что «для фильма о Смоленске еще слишком рано».

— Я сказал прежде всего, что в моем представлении возможна, конечно, такая художественная задача, но я знаю, какие настроения и какое разделение сейчас в общественном мнении, поэтому считаю, что хороший фильм о смоленской трагедии на настоящий момент снять очень сложно, если не вообще невозможно. И второе: что такие фильмы с художественными амбициями нужно делать, ощущая дистанцию по отношению к трагическому событию, а этой дистанции сегодня нет. При этом я считаю, что Антоний Краузе имеет право делать такой фильм, какой хочет, и что права художника как раз в этом случае министр культуры должен защищать.

— А Польский институт киноискусства не должен финансово поддержать этот фильм?

— Польский институт киноискусства поддерживает прежде всего те проекты, заявки на которые в него поступили. Если говорить о фильме Антония Краузе, то сценарий фильма, который может быть предметом оценки Института, подан не был.

— Мой вопрос о том, допускаете ли вы ситуацию, в которой из средств Института финансируется фильм авторов, которые внутренне глубоко несогласны с сегодняшним правительством и выражают это в фильме?

— Допускаю.

— То есть Краузе должен подать заявку в Польский институт киноискусства?

— Если он хочет получить финансирование и у него есть хороший сценарий, то да.

— А как вам нравится идея нового телеканала, который я называю «Смоленск-ТВ», потому что он должен символически начать вещание 10 апреля, в годовщину

катастрофы, хотя его создатели упорно называют его «Республика-ТВ»?

— На старте этого проекта у меня нет отрицательного мнения о самой идее. Я считаю также, что по разным причинам, в некотором смысле и по собственной воле правые в Польше оказались прижаты к стенке и пытаются из этой ситуации выйти. Я имею в виду как интеллектуальное, так и журналистское сообщество.

— Когда это произошло?

— В последние годы. Но это произошло и по их собственной воле, потому что радикализация и смещение вправо были также отступлением с политической сцены, отходом от гражданской активности, и это место занял всё более расширяющийся центр. То же самое сделали левые. Спор Наперальского с Олейничакom спровоцировал появление лакуны, которую удалось занять Паликоту.

— Как изменит нас как общество появление правого телеканала?

— Вас лично не изменит. А действительно хорошо сделанный телеканал может сформировать взгляды и такое восприятие, которое также послужит Польше на пользу. Но может пойти и в другом направлении — фальсификации публичного пространства...

— Сколько вы получаете за вычетом налогов?

— Около 10 тысяч злотых.

— Немало. Вы потратили бы 500 злотых на акции нового телеканала «Республика»?

— Нет.

— Почему? Это был бы такой по-настоящему патриотический поступок, раз правые прижаты...

— Нет, не куплю. Я считаю, что как член правительства не должен покупать акций никаких фирм. Ни частных, ни государственных — чтобы сохранить нейтралитет.

— «Смоленск-ТВ» просит также пожертвований — может быть, вы перечислили бы им пожертвование?

— Это то же самое, только в другой форме.

— Нет-нет, вы поддержали бы СМИ независимые, непокорные или какие там еще, что им подскажет их бахвальство и самообожание...

— Я не дам себя в это втянуть.

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• «Начались торжества по случаю 150-й годовщины январского восстания [1863 г.]. (...) Серию официальных мероприятий открыл вчера в Президентском дворце глава государства Бронислав Коморовский. (...) Он подчеркнул, что 150 лет назад повстанцы сражались за ту же самую страну, процветание которой сегодня — наша общая забота. Президент также призвал уважать польское государство и помнить о многолетней борьбе за само его существование». («Жечпосполита», 17 янв.)

• «Во всём этом нет никакого смысла. Январское восстание — это одно из величайших поражений, которое потерпели поляки за всю историю, — доказывал во время работы над парламентской резолюцией по увековечиванию памяти участников восстания независимый депутат Казимеж Кутц. Он также убеждал, что «пора оставить в покое польскую мартирологию». (...) «Попытки некоторых политиков стереть память о январском восстании возмутительны (...) — говорит проф. Ян Жарынь. (...) А январское восстание — это урок смирения по отношению к нашим собственным амбициям, — добавляет он». («Жечпосполита», 16 янв.)

• «Огромный успех Январского восстания... По правде сказать, нам не удалось в 1863 г. завоевать свободу, зато наши ссыльные внесли значительный вклад в освоение Сибири». («Дзенник — Газета правна», 18–20 янв.)

• «Сегодня в Бурятии живет четвертое поколение поляков, это правнуки сосланных участников январского восстания. В Улан-Удэ с 1993 г. существует национально-культурная автономия поляков «Надежда», а также Общественная школа польского языка и культуры. При Бурятском государственном университете создан Центр польского языка и культуры. В Усолье-Сибирском дети учатся в польском классе. В селе Вершина Иркутской области почти все говорят по-польски, будучи потомками поселенцев и эмигрантов. С 1990 г. в Иркутске Польская культурная автономия «Огниво» продолжает дело Польского общества, основанного в начале XX века польскими ссыльными». (Из репортажа Ягенки Вильчак, «Политика», 6–12 янв.)

• «Восстание началось 22 января 1863 г. на территории Царства Польского, а затем охватило Литву и часть нынешних Белоруссии и Украины. Восстание носило характер партизанской войны, во время которой состоялось 1200 боев и вооруженных столкновений. В общей сложности в рядах повстанцев было 200 тыс. добровольцев, из которых 30 тысяч погибло на поле боя. Восстание окончилось осенью 1864 года. (...) Около 40 тыс. поляков были приговорены к каторжным работам, примерно 10 тысяч эмигрировали. Остатки автономии бывшего Царства Польского оказались ликвидированы российскими властями. («Уважаю же иначе писане», 21–22 янв.)

• «Январское восстание стало частью истории тех народов, земли которых оно охватило. Сегодня происходит своеобразная «национализация» восстания, в ходе которой бросается в глаза стремление любой нации подчеркнуть свою историческую самобытность. (...) Вековой российско-польский конфликт на западных окраинах империи, который в итоге не привел к доминированию ни одной из сторон, дал определенный толчок развитию народов, живущих на пограничных территориях. (...) Русские по-разному оценивали эту ситуацию. (...) Доминировало, тем не менее, отрицательное отношение к полякам и всем тем, кто им симпатизировал. (...) А распространение восстания на литовско-белорусские и украинские территории и вовсе было воспринято крайне болезненно», — Леонид Горизонтов, руководитель Центра истории Польши и российско-польских отношений Института всеобщей истории РАН. («Жечпосполита», 19–20 янв.)

• «11 января 2013 г. в возрасте 76 лет скончалась Лигия Иллакович-Грайнерт (...) сотрудник Примасовского комитета помощи людям, лишенным свободы, и их семьям. Лигия исполняла в комитете одну из сложнейших обязанностей, и все годы военного положения упорно осаждала ворота тюрем, поддерживала связь с заключенными, борясь не только за возможность оказания им материальной помощи, но и — что было особенно трудно в тех условиях — за то, чтобы находящиеся в тюрьмах контактировали с окружающим миром и не чувствовали себя полностью лишенными поддержки, товарищеского плеча и дружеских мыслей, проникающих сквозь тюремные стены. (...) Подруги и друзья по комитету». («Газета wyborcza», 17 янв.)

• «Когда на прошлой неделе Варшавский окружной суд объявил, что кавалеру ордена Белого Орла, члену Государственного трибунала и сенатору седьмого созыва Збигневу Ромашевскому

польское государство должно выплатить почти четверть миллиона злотых компенсации, интернет-форумы взвыли от ярости. (...) Суд присудил Ромашевскому 240 тыс. злотых (за два года, проведенных в тюрьме). Перед этим жена сенатора отсудила 25 тыс. злотых в качестве компенсации вреда за год тюремного заключения. (...) Кароль Модзелевский (...) провёл в тюрьмах ПНР более 8 лет и считает, что Ромашевский имеет полное право на компенсацию. Он тоже имеет на это право, хотя и не собирается им воспользоваться. — Я боролся с ПНР не ради компенсаций, — подчеркнул он». (Цезарий Лазаревич, «Ньюсуик-Польша», 21–27 янв.)

• «В двери здания Польского экономического общества на ул. Новый Свят было обнаружено «письмо в будущее», написанное одним из рабочих. (...) «Письмо» содержит едва разборчивый текст, выполненный цветным карандашом: «Дверь изготовлена в царствование Сталина, величайшего из злодеев, в 1952 г. Ю.Кшиковский». (...) Все близкие родственники Юзефа Кшиковского были отправлены в ГУЛАГ. (...) Юзеф Кшиковский участвовал в Варшавском восстании, затем работал на восстановлении столицы». (Ежи С. Маевский. «Газета wyborча», 11 янв.)

• Альдона Заурская: «Советский консультант при министерстве общественной безопасности полковник Николай Селивановский в отчете Лаврентию Берии от 20 октября 1945 г. сообщал: «(...) В министерстве общественной безопасности работает 18,7% евреев, половину руководящих должностей занимают евреи». Ещё дальше в своих оценках продвинулся посол СССР в Польше Виктор Лебедев, написав: «(...) В министерстве общественной безопасности, начиная от вице-министров и начальников департаментов, нет ни одного поляка, все — евреи». Как вы относитесь к публикациям, отрицающим факт существования так называемой «жидокоммуны» в Польше? Проф. Кшиштоф Швагжик из вроцлавского Института национальной памяти: «Раз у нас есть конкретные результаты, указывающие, что понятие «жидокоммуны» имеет право на существование, я не вижу повода, чтобы этого понятия не использовать». («Газета варшавска», 1–7 февр.)

• «Нам не ужиться на нашей земле с предателями и целыми поколениями предателей», — заявил в последнем номере «Газеты польской» поэт Ярослав Марек Рымкевич. (...) Проф. Здислав Краснодембский считает, что «гэбистские моральные принципы, принятые за свои еще в раннем детстве, — это проклятое наследство, от которого нужно избавляться». (...)

«Когда-то именно коммунисты весьма часто пользовались подобного рода приемами», — говорит о люстрации по принципу родства проф. Яцек Голувка. («Политика», 30 янв. — 5 февр.)

- «Районный суд в Старгарде-Щецинском приговорил архитектора Даниеля Сосина к четырем месяцам ограничения свободы и штрафу в размере 1000 злотых за то, что он назвал депутата Эмиля Хвалека «коммунистом». («Газета польска цодзенна», 9-10 февр.)

- «В международном сознании Польша уже прочно ассоциируется с местом дислокации тюрем ЦРУ. (...) В Москве над нами смеются. (...) «Вы критикуете режим Путина, а американский фильм («Цель номер один» Кэтрин Бигелоу), который показывают в каждом кинотеатре, выставляет вас бараком ЦРУ!». (...) Я хочу, чтобы ради польской демократии мы признали, что в Польше попираются основы Конституции», — Юзеф Пинёр, депутат Европарламента. («Газета wyborcza», 9-10 февр.)

- «Вошло и село около тысячи человек. (...) Один из болельщиков заявил, что доверил Богоматери собрать под своими знамёнами 12 тысяч штыков. «Я подсчитал — этого достаточно, чтобы свалить правительство Туска!» — кричал он. (...) Так 5 января в монастыре отцов паулинов на Ясной Гуре в представительском зале о. Августина Кордецкого проходила «образовательная часть» «V Патриотического паломничества болельщиков». (...) О. Ярослав Вонсович, которого называют капелланом польских болельщиков (...): «Я салезианец, наставник молодёжи (...), — говорит он. Однако добавляет, что не станет перед иконой Матери Божией Ченстоховской увещевать болельщиков, чтобы те не кричали с трибун «Евреи — в крематорий!», чтобы не оскорбляли полицию. (...) Проф. Войцех Поляк (...) подробно описывает, каким образом Дональд Туск угнетает свой народ. (...) Болельщики внимательно слушают рассказ о том, что мир полон чужой агентуры, а журналисты манипулируют обществом». (Мартин Жила, «Тыгодник повсехный», 13 янв.)

- «У нас в Польше — вследствие исторического опыта — принято не доверять государству и его институтам. Однако, создавая Третью Речь Посполитую, мы хотели как-то изменить этот подход. Мы хотели, чтобы это государство было нашим государством. Государством. Поэтому все, кто сегодня пытаются отрицать правительство, государство и судебные решения, — обычные провокаторы, уничтожающие Польшу.

(...) Свобода сегодня часто оборачивается произволом», — Лех Валенса. («Впрост», 4-10 февр.)

• «Я боюсь, что часть епископов до сих пор не понимает, что такое демократическое государство и что такое мировоззренческий плюрализм, с которым власть должна считаться. (...) Причиной тому — политическая ангажированность священников и епископов, и в первую очередь отсутствие единой внятной позиции Епископата относительно тревожных симптомов в текущей политике — я имею в виду нежелание Церкви реагировать на акты агрессии и ненависти», — Тадеуш Мазовецкий («Тыгодник повшехный», 3 февр.)

• «Конкордат, подписанный между польским государством и Ватиканом в 1993 г., оказался неудачной попыткой мирно договориться об отделении Церкви от государства. Это связано с «оппортунизмом политиков-диссидентов, для которых важна поддержка или, как минимум, нейтралитет Церкви как института», — написал автор отчета Института общественных отношений Павел Борецкий с кафедры религиозного права Варшавского университета. (...) «Вопиющим примером нарушения принципа независимости государства от католических иерархов стал публичный призыв дрогичинского епископа Антония Дыдыча к роспуску Сейма», — читаем в отчёте». (Катажина Вишневская, «Газета wyborcza», 6 февр.)

• «В возрасте 83 лет скончался кардинал Юзеф Глемп. Он был главой католической Церкви Польши с 1981 по 2009 год. За время, пока Юзеф Глемп был примасом, Польша и католическая Церковь пережили три исторические эпохи — военное положение, падение коммунистического режима и создание Третьей Речи Посполитой». («Жечпосполита», 24 янв.)

• «Сейм отклонил в первом чтении подготовленные Союзом демократических левых сил (СДЛС), Движением Паликота (ДП) и Гражданской платформой (ГП) законопроекты, признающие основные права и обязанности лиц, находящихся в постоянных гомо- и гетеросексуальных отношениях. (...) Против дальнейшей работы над проектом проголосовало 46 депутатов ГП, несмотря на обращение Дональда Туска». («Тыгодник повшехный», 3 февр.)

• «Парламентские дебаты о фактических брачных отношениях оказались довольно грустным зрелищем, и нет ничего удивительного в том, что они вызвали всеобщее негодование. Обидные эпитеты и насмешки (...) а сами дебаты довольно

быстро превратились в перебранку. (...) В интернете мне попала одна точка зрения, которую я разделяю: «Мне казалось, что государством должны управлять люди, которые руководствуются разумом, а не эмоциями. Однако подобные дебаты демонстрируют, что в Польше считаются исключительно с эмоциями. Наши парламентарии в большинстве своем ведут себя, словно дети, не способные отличить дельного аргумента от инвективы, не видящие разницы между критикой высказанного мнения и критикой личности оппонента. Решения они принимают под действием эмоций, а потом только ищут повод, чтобы объяснить самим себе, почему это мнение является правильным», — о. Адам Бонецкий. («Тыгодник повсехный», 3 февр.)

- «Президент Бронислав Коморовский призвал всех участников словесных баталий вокруг фактических брачных отношений сохранять спокойствие, этот призыв касался представителей как левых сил, так и правых. (...) Президент посоветовал участникам дискуссии следить за своей речью “так, чтобы не задеть, не причинить боль согражданам независимо от их ориентации”». («Польска», 1-3 февр.)

- «Я очень боюсь, как бы ситуация в Чехии не начала развиваться по венгерскому и польскому сценарию, когда два противоборствующих лагеря уже не в состоянии вести друг с другом диалог. Это стало бы для нас катастрофой», — Карел Шварценберг («Газета выборча», 25 янв.)

- «Поддержка партий: «Право и справедливость» (ПиС) — 30%, ГП — 29%, СДЛС — 13%, крестьянская партия ПСЛ — 7%, ДП — 7%, не определились — 8%. В выборах планирует участвовать 50% опрошенных. Институт «Номо homini», 25-26 янв.». («Жечпосполита», 31 янв.)

- «По прошествии первой половины срока полномочий президента Бронислава Коморовского 74% опрошенных считает, что он хорошо справляется со своими обязанностями, 16% уверены в обратном — сообщает ЦИОМ». («Жечпосполита», 6 февр.)

- «Министр иностранных дел Литвы Линас Линкявичус в Варшаве: «Я приехал, чтобы в духе европейских традиций разрешить проблемы, возникшие вокруг польского меньшинства в Литве. (...) Литва — страна небольшая, и у нашей внешней политики, как у птицы, два крыла: одно — это сотрудничество со скандинавскими странами, второе — сотрудничество с Польшей. А на одном крыле далеко не улетишь». («Газета выборча», 8 февраля)

- «Наиболее позитивно мы воспринимаем чехов, — к такому выводу пришёл ЦИОМ. — Мы также довольно высокого мнения о словаках, англичанах и итальянцах. Весьма скептически поляки относятся к цыганам, румынам и русским. ЦИОМ обращает внимание, что в последнее время значительно усилились симпатии поляков к евреям. Если в 1983 г. их выражали 15% опрошенных, то сегодня этот показатель увеличился до 33%». («Жечпосполита», 2-3 февр.)

- «В Чешском Тешине и его окрестностях нарастает антипольская истерия. Полиция допрашивает польских активистов, а в органы власти тем временем поступают доносы на поляков. Конфликт разгорелся вокруг памятника чешскому генералу Йозефу Снейдареку. Для чехов это национальный герой, который в 1919 году «отвоевал у поляков часть Тешинской Силезии». Для наших соотечественников с другого берега Ользы Снейдарек — военный преступник, солдаты которого стреляли в гражданских лиц и убивали польских военнопленных. (...) Небольшой памятник генералу простоял недолго — перед Рождеством он был уничтожен неизвестными». (Петр Кошчинский, «Жечпосполита», 2-3 февр.)

- «Цахиагийн Элбэгдорж, президент Монголии, одной из наиболее динамично развивающихся стран мира, прибыл в Польшу. (...) Десять лет назад Монголия направила своих военных в Ирак, которые были расквартированы на территории, занимаемой польским контингентом. Некоторые из них теперь прибыли в Польшу вместе со своим президентом». («Жечпосполита», 21 янв.)

- «Вчера польский спецназ задержал в Афганистане муллу Саида Рахмана, одного из самых разыскиваемых террористов. Немногом ранее в руки поляков попал Абдул Кадыр, тоже фигурировавший в списке особо опасных преступников и организовавший нападения на польские военные части. За год поляки задержали около 250 террористов». («Жечпосполита», 16 янв.)

- «Во время ночной стычки с талибами погиб капитан Кшиштоф Возняк. Во время операции он руководил подразделением «Гром». (...) Это 38 й польский военный (и первый спецназовец), погибший в Афганистане». («Жечпосполита», 24 янв.)

- «Он боролся за права курдов. Турки арестовали его и пытали. Был приговорен к пяти годам тюрьмы. Бежал в Польшу. (...) В Варшаву из Стамбула он приехал 11 сентября 2012 года. (...) 5

ноября польское Управление по делам иностранцев отказало Джемилю Мамуку в предоставлении статуса беженца, даже не выдав разрешения на пребывание в стране, и постановило депортировать его из Польши». («Газета выборча», 18 янв.)

• «Ещё в 2010 г. в «Гардиан» наш бывший президент Александр Квасневский писал (о Казахстане): «Как консультант казахского правительства, я вижу множество причин для Евросоюза поддерживать данную экономическую модель». (...) Алия Турусбекова, жена арестованного казахстанского политика Владимира Козлова: «Тут замешаны деньги. Наше правительство получает огромные средства от продажи нефти и может купить всё и вся, параллельно работая над собственным положительным имиджем, и заграничные советники оказываются как нельзя более кстати. (...) Эти консультанты вместо того, чтобы обратить внимание на нарушение прав человека, рассуждают о демократизации. И это происходит в момент, когда Казахстан переживает наихудший момент своей истории со времен сталинского террора 30 х годов. («Газета выборча», 19–20 янв.)

• «Мы не даем советов, как укрепить диктатуру. Никто из нас в этом не разбирается. Но мы можем подсказать, как распрощаться с эпохой «сильной руки» — чтобы в будущем не уповать на очередного жесткого руководителя. Единственный вариант здесь — усилить роль демократических институтов: парламента, судов, гражданского общества. Первая реакция была достаточно прохладной, но сейчас мы встречаем гораздо большее понимание. Голос подает поколение, получившее образование на Западе», — Александр Квасневский («Политика», 6–12 февр.)

• Проф. Михал Кулеша (1948–2013). «Он мечтал об эффективном государстве, хорошо отлаженном, внимательном к своим гражданам, с сильным местным самоуправлением. (...) Идея заключалась в том, что многое действительно вершится во властных структурах, но если люди обретут реальную власть на уровне местного самоуправления, процесс создания демократического государства пойдет куда быстрее. (...) Муниципалитеты на самом деле получили необходимые властные рычаги — независимость коммунальных хозяйств, собственные финансы, а надзор со стороны государства был ограничен на законодательном уровне. (...) Потерпела, в частности, неудачу идея создания корпуса муниципальной гражданской службы, государственная власть не была отделена от муниципальной, значительно усилились полномочия бурмистров и мэров за счет передачи им ряда полномочий

совета гмины или городского совета. Михалу это не нравилось. Как говорил проф. Марек Сафьян: «Не ограничивайся теорией, занимайся практикой. Оставь что-то после себя». И Кулеша оставил», — Ежи Стемпень («Газета выборча», 15 янв.)

• «Территориальное самоуправление — сегодня в Польше крупнейший работодатель и общественный инвестор, располагающий огромной собственностью. Оно также выступает поставщиком жизненно необходимых для граждан услуг — от общественного транспорта до образования и культуры. Это самая доступная для людей школа демократии. В конце концов, в значительной степени территориальное самоуправление может влиять на местное и региональное развитие, то есть на то, как завтра будем жить мы и как будут жить наши дети. (...) Самоуправление непосредственно влияет на качество нашей жизни. В то же время центральная власть в основном обращает на самоуправление внимание, когда хочет обременить его высокочрезвычайными поручениями», — Ежи Хауснер, бывший министр труда и экономики. («Польска», 8 февр.)

• «Стремительно растет осознание так называемого «права на город». Люди начинают понимать, что город — это не частные владения мэра. Каждый может участвовать в формировании городской среды, высказывать свое мнение, — говорит Ярослав Монковский из Гражданского института. — Действующее законодательство, правда, ничего в этом смысле не меняет, поскольку ключевые решения принимают совет и мэр. (...) Так что мощному движению местных инициатив придется конкурировать с укрепившей свои позиции властью мэра». (Пшемислав Едлецкий, «Газета выборча», 31 янв.)

• «О мертвой птице из парка Красинских говорит вся Варшава. «Жертва вырубки!» — восклицают на Фейсбуке противники вырубки деревьев в парке. «Доказательств этого у нас нет», — возражает орнитолог проф. Мачей Луняк. Снимок лежащей на снегу совы разместил на ФБ Гжегож Верешезынский из группы «Зеленая сила», один из самых активных противников вырубки 300 деревьев в парке Красинских. (...) Проф. Мачей Луняк (...) тоже критически отзывается о вырубке деревьев в этом историческом парке. Он осмотрел по-прежнему лежащую там сову. Убедился, что птица не относится к разряду неясных, что это ушастая сова, мигрирующий вид, не живущий в парке постоянно. (...) Птица очень исхудала. «Наверное, умерла от голода, поскольку высокий снежный покров мешает совам охотиться. Кроме того, были сильные морозы. (...)», — объясняет орнитолог». (Томаш Ужиковский, «Газета выборча», 31 янв.)

- «Отчет «Диктат или участие? Диагноз общественной инициативы в Польше» был подготовлен Институтом общественных проблем. Поляков интересует то, чем занимается власть, на практике без малого 31% населения пытается включиться в процесс принятия решений на уровне своей гмины» (Куба Купишевский, «Пшеглэнд», 28 янв. — 3 февр.)
- «18-е место заняла Польша в списке самых экономически развитых стран мира, который опубликовала консалтинговая компания PwC в своем докладе «World In 2015». Впервые Польша появилась в докладе PwC в 2006 году». («Жечпосполита», 17 янв.)
- «960 млрд. евро в расходной части — впервые в истории очередной бюджет Евросоюза меньше предыдущего, на целых 38 млрд. евро. Польша может рассчитывать почти на 106 млрд. евро. (...) — Это один из самых счастливых дней в моей жизни, — заявил вчера в Брюсселе Дональд Туск». («Жечпосполита», 9-10 февр.)
- «После 2004 г. существенно улучшился имидж Польши как страны, в которой налог на хозяйственную деятельность — один из самых низких в Европе, независимо от организационно-правовой формы предпринимательства». («Дзенник — Газета правна», 18-20 янв.)
- «Решение о вступлении Польши в зону евро должно быть принято после парламентских и президентских выборов 2015 года, — говорит президент Бронислав Коморовский. (...) — Сегодня (...) мы должны сосредоточиться на первом этапе: определиться, каковы критерии членства в зоне евро, поскольку мы не просто хотим там находиться (данное решение можно принять и позднее), а потому, что это выгодно польской экономике», — сказал вчера президент в интервью телекомпании TVP1». («Жечпосполита», 22 янв.)
- «На какое-то время нам даже выгодно оставаться вне зоны евро, потому что чем дешевле злотый — тем больше экспорт, а это хорошо сказывается на состоянии нашей экономики. Но если мы не войдем в еврозону в течение двух-трех лет, мы просто выпадем из Евросоюза. Евросоюз набирает вторую скорость, и ключевые решения будут приниматься в зоне евро, а не вне ее. (...) Так что с объявлением своего решения мы должны поспешить. (...) И должны указать, что это будет 2015 год. (...) Если мы окажемся вне зоны евро, то не сможем влиять ни на бюджетную, ни на внешнюю политику Евросоюза, равно

как и на решение вопросов безопасности». — Богдан Борусевич, маршал Сената. («Польска», 25–27 янв.)

• «В рейтинге свободы экономической деятельности (Index of Economic Freedom) мы находимся на 57-м месте. (...) У нас хорошо работают принципы свободного товарооборота, монетарная политика стабильна. В то же время у нас есть и сложности — высокий дефицит бюджета и неповоротливая судебная система. (...) Среди 43 стран Европы мы занимаем только 26-е место. («Газета wyborcza», 11 янв.)

• «Доклад «Open Budget Survey», оценивающий степень открытости бюджетов ста стран, готовится каждые два года фирмой «International Budget Partnership» совместно с организациями из определенных стран. (...) Два года назад Польша была на довольно высоком 16-м месте. Теперь она опустилась на 25-е место с коэффициентом открытости 59 пунктов (из ста возможных). Это худший результат начиная с первого опыта участия в таком исследовании (2008 г. — 67 пунктов). Причина в том, что у нас отсутствует так называемый гражданский бюджет, а распределение налоговых поступлений осуществляется крайне неясным образом. Среди стран Евросоюза хуже обстоят дела только у Румынии (49-е место)». («Жечпосполита», 25 янв.)

• «Польша тратит на оборону 1,95% ВВП. (...) Мы — часть береговой линии Евросоюза и НАТО. (...) Закончились пацифистские 90 е, когда мы жили иллюзиями (...) о том, что, вступив в НАТО, сразу обретем тихую пристань. Происходящее в последнее время ярко свидетельствует, что мир изменился до неузнаваемости, а времена настали очень нестабильные. Польские политики отлично понимают, что расходы на оборону необходимы государству, и то же самое понимает и общество», — министр национальной обороны Польши Томаш Семоляк («Газета wyborcza», 14 янв.)

• «Договор с Россией о малом приграничном движении начал действовать 27 июля 2012 года. (...) Жителям приграничных районов уже не нужны визы, необходимо только разрешение на пересечение границы, которое выдается консульством. Поляки ездят за границу, главным образом, за бензином, а россияне — за продуктами и бытовой техникой. (...) Во второй половине 2011 г. жители Калининградской области пересекли границу Польши 693 тыс. раз, а во второй половине 2012-го — 1053 тыс. раз». (Мацей Милош, «Дзенник — Газета правна», 21 янв.)

- «В прошлом году отмечен рекордный рост экспорта польских продуктов — почти 17 млрд. евро. Больше всех польские продукты покупают Германия, Великобритания и Россия, при этом экспорт в Россию вырос значительно больше всего — до 30%». («Пшеглэнд», 20 февр.)
- «В 2012 г. польские предприниматели приняли на работу 223,7 тыс. украинцев, 9,4 тыс. молдаван, 7,6 тыс. белорусов, 1,6 тыс. россиян и 1,4 тыс. грузин». («Дзенник — Газета правна», 7 февр.)
- «Производство промышленной продукции в Польше в декабре 2012 г. выросло на 10,3% по сравнению с декабрем 2011-го. Всемирный банк прогнозирует, что рост польской экономики в 2013 г. составит всего лишь 1,5% ВВП». («Тыгодник повшехный», 27 янв.)
- «В конце января уровень безработицы превысил 14%. (...) Армия польских безработных в январе 2013 г. составила 159,2 тыс. чел». («Газета wyborcza», 9-10 февр.)
- «Европейский комитет статистики сообщил, что безработица среди молодых поляков в конце 2012 г. составила целых 28,4%». («Газета wyborcza», 8 февр.)
- «В конце 2012 г. просрочка финансовых обязательств поляков, составившая свыше 60 дней, достигла 38,29 млрд. злотых. Это на 11% больше, чем в конце 2011 года. (...) Темп роста просроченных обязательств был ниже, чем в 2011- и 2010 гг., когда он составил почти 40%. (...) Однако должников всё прибывает. В прошлом году их количество увеличилось на 170 тысяч. В конце 2012 г. 2,26 млн. поляков не смогли вовремя рассчитаться по своим обязательствам». (Моника Кшесняк, «Жечпосполита», 10 янв.)
- «Около 0,7% составил годовой рост ВВП в четвертом квартале 2012 г., считает министерство экономики. Ранее прогнозировалось, что рост составит 1%. (...) Темпы роста ВВП уменьшались последовательно с 3,6% в первом квартале до 0,7% — в четвертом. (...) Согласно бюджетному законодательству, в этом году польская экономика должна показать 2,2% роста». («Жечпосполита», 9-10 февр.)
- «Совет финансовой политики снизил процентную ставку на 25 базовых пунктов. Главная процентная ставка Национального банка Польши составляет сегодня 3,75%». («Жечпосполита», 7 февр.)

- «Четыре крупнейшие фирмы, торгующие в нашей стране инвестиционным золотом — слитками и монетами, — в 2012 г. продали свыше 4,1 тонн драгоценных металлов. (...) Ожидаемый уровень продажи в этом году составляет около 5 тонн». («Жечпосполита», 11 янв.)

- «По данным фирмы «Nielsen», потребительский оптимизм в Польше в конце 2012 г. составил 68 пунктов. (...) Среднеевропейский показатель составляет 71 пункт, а мировой — 91. (...) При этом всего лишь 12% поляков всерьез встревожены экономическим положением. (...) А 80% поляков считает, что страна вступила в период экономической рецессии». («Жечпосполита», 8 февр.)

- «В 2010 г. численность бездомных во всей стране превысила 43 тысячи». («Жечпосполита», 9-10 февр.)

- «Угрозы, связанные со снижением потенциала нашего экономического роста, не всем очевидны. Мы до сих пор находимся под впечатлением успехов последних 20 лет, когда довольно быстро догоняли страны Евросоюза. А может быть, нас устраивало то, что у нас было, и поэтому общественное мнение не оказывало ни тени давления? С таким сценарием мы рискуем постоянно отставать в развитии от других стран Западной Европы и со временем можем превратиться в эдакого европейского карлика. Со временем это приведет к еще большей волне эмиграции способных и предприимчивых людей. У нас есть стратегия «теплой воды в кране» и доктрина «Здесь и сейчас». Эти формулировки придумали политики, которые именно так понимают пожелания электората», — проф. Станислав Гомулка, бывший замминистра финансов («Жечпосполита», 21 янв.)

- «Мы даже не заметили, как рыночная экономика превратила нас в рыночное общество. (...) Рыночное общество — это стиль жизни, когда общественные отношения становятся отражением законов рынка. Этику человеческого поведения подменяет экономика. (...) Рынок приводит ко всё более глубокому расслоению общества. В итоге мы получили сегрегацию, деление социума на богатых и бедных, после чего неизбежна агония демократического общества», — Майкл Дж. Сандель («Форум», 17 дек. 2012 — 6 янв. 2013, по материалам «Шпигеля» от 12 ноября 2012)

- «Сегодня классовых различий не существует и разница между людьми постигается исключительно через призму денег. (...) И сочетание общественного равенства с неравенством материальным представляется особенно опасным. По-

прежнему существует огромная пропасть между богатыми и бедными, но нет классового разделения, которое делало существование этой пропасти относительно сносным, во всяком случае хоть как-то его объясняя. Слом этой иерархии высвободил целые пласты зависти и нездоровых, нереальных амбиций». (Эдвард Скидельский, «Дзенник — Газета правна», 1-3 февр.)

- «В 2012 году Государственная санитарная инспекция проверила столичных детей на наличие вшей. Проверке подверглись 111 детских садов, начальных школ, гимназий и лицеев. На 64 объектах были обнаружены дети, у которых имелись вши». («Жечпосполита», 30 янв.)

- «Из польских больниц исчезают умывальники, унитазы, смесители для ванн, насадки для душа, жидкое мыло и полотенца, туалетная бумага, стулья, раскладушки, беспроводные чайники, регуляторы батарей, телевизионные пульты, лампочки, дверные замки, тарелки, кухонные приборы, а из детских отделений — еще и игрушки. (...) Все эти кражи главным образом на совести родственников пациентов. (...) Это подтверждает проф. Петр Чаудерна, ординатор Клиники хирургии и урологии детей и молодежи Гданьского медицинского университета». (Анна Шмигулец, «Газета wyborcza», 18 янв.)

- «Частные клиники наживаются за счет государственных, забирая себе пациентов, лечить которых проще и дешевле. А тяжелобольные отправляются в государственные лечебные учреждения. Первые получают прибыль и считаются успешными. Вторые должны быть довольны тем, что живут в долг и получают удовлетворение от хорошо выполненной работы. (...) Наиболее емко обрисовал ситуацию врач, который (...) работает в государственной клинике и одновременно имеет практику в частной: — Если бы у меня был выбор, где лечить поврежденное во время катания на лыжах колено, я лег бы в собственную клинику, лежал бы себе в двухместной палате с белыми занавесками. Но если бы у меня отказала поджелудочная, я умолял бы коллег из государственной больницы положить меня к себе, пусть бы и в коридоре». (Мира Суходольская, «Дзенник — Газета правна, 1-3 февр.)

- «Судья Игорь Тулея под огнем критики. Тулея вынес обвинительный приговор варшавскому кардиохирургу, признав того виновным в коррупции, одновременно направив в Центральное антикоррупционное бюро и прокуратуру уведомления о нарушении этими структурами норм уголовного процесса во время следствия по делу. Речь идет,

кроме прочего, об обоснованности 24 задержаний и ночных допросов лиц, достигших 70 лет (самому старшему из которых было 82 года). (...) В защиту независимости судьи выступил президент Бронислав Коморовский». («Тыгодник повшехный», 27 янв.)

• «Он действовал строго в рамках закона и принимал решение от имени государства. (...) Нам известно о фактах угроз судье, практически это угрозы физического насилия. (...) Критика вынесенного им приговора давно перешла всякие разумные границы. (...) Тулея молчит. (...) Молчит и председатель этого суда. Молчит министр юстиции Ярослав Говин. А тут надо кричать!» — Богдан Врублевский («Газета wyborcza», 19–20 янв.)

• «Судья Игорь Тулея — один из немногих, кто вспоминает, что суд обязан следить за неукоснительным соблюдением главы II конституции. Гарантированные этим документом права и свободы человека и гражданина всегда должны быть той границей, которую не может переходить государственная власть. (...) Всепольский совет судей принял беспрецедентную резолюцию в поддержку судьи Тулеи, пойдя наперекор воле председателя совета. Свою поддержку судье выразил также Главный адвокатский совет Польши». (Адам Боднар, «Тыгодник повшехный», 20 янв.)

• «Я убежден (...) что в дебрях законов и предписаний мы, однако, не утратили способности отличать хорошее от плохого. Эта способность свойственна большинству людей и называется чувством справедливости», — судья Игорь Тулея («Газета wyborcza», 26–27 янв.)

• «Падает количество уголовных дел, связанных с коррупцией, зато растут суммы взяток. (...) 15,6 млн. злотых взяток в общей сложности, должно быть, получили в 2012 г. государственные служащие (у полиции есть соответствующие доказательства). 10,8 тыс. коррупционных преступлений зафиксировала полиция в 2012 г. в ходе следственных действий. («Жечпосполита», 29 янв.)

• «Пока Польша не выяснит, прошел ли аукцион при строительстве трех автодорог, она не получит 11 млн. евро дотаций, — заявила вчера Ширин Уилер, пресс-секретарь Еврокомиссии. (...) Ценовой сговор не был пока выявлен ни контролерами Еврокомиссии, ни Агентством внутренней безопасности (АВБ). По итогам следствия, проведенного АВБ, предъявлены обвинения десяти менеджерам строительных фирм». («Газета wyborcza», 31 янв.)

• «В прошлом году органами казначейства выявлено рекордное количество фиктивных счетов-фактур. (...) Это почти 152 тыс. документов. Рост (27% по сравнению с 2011 г.) (...) продолжается годами, при этом мы имеем дело с ростом стоимости выявленных счетов — 15,2 млрд. злотых, что на 160% выше, чем в 2011 г. и в четыре раза больше, чем в 2010-м. (...) Схема такова: приобретаются счета, выставляемые несуществующими фирмами либо выставляемые несуществующим фирмам. В иных случаях формально эти фирмы могут быть зарегистрированы, но не осуществлять хозяйственной деятельности. (...) Мошенники платят, к примеру, безработным или студентам за то, чтобы те зарегистрировали на свое имя фирму, которая будет выставлять счета на миллионы злотых. На основе этих счетов очередные фирмы — звенья данной цепочки — могут вернуть себе НДС либо иные налоговые издержки. Может быть и так, что фирма выставит счет, якобы продавая свою продукцию несуществующей организации. Благодаря такой схеме она может продать товар дешевле, так как он не будет облагаться налогом». (Гражина Лешняк, «Дзенник — Газета правна», 29 янв.)

• «Государственное казначейство должно выплатить компании «MCI Management SA» свыше 40 млн. злотых. Такое решение принял в четверг Вроцлавский апелляционный суд во. Это компенсация за деятельность контролирующих органов казначейства, в результате которой прекратила свое существование компания «JTT Computer». «MCI Management SA» была ее главным акционером». («Газета wyborcza», 18 янв.)

• «Количество преступлений, совершенных в интернете, выросло в прошлом году на 35% и составило почти 20 тысяч. В то же время в неvirtуальном мире наблюдаются обратные тенденции. В 2012 г. снизилось число вооруженных разбоев, меньше было убийств, драк и избиений, повреждений и краж автомобилей. (...) В интернете чаще всего совершают мошенничества. (...) На втором месте — преступления против нравственности, связанные с распространением детской порнографии и педофилией. (...) Нарушение авторских прав и права собственности чаще всего были связаны с кражами программного обеспечения». (Мацей Милош, «Дзенник — Газета правна», 16 янв.)

• «Это первая такая акция в Польше: Научно-академическая компьютерная сеть (НАКС), институт, курирующий рынок доменов с окончанием «pl», решила применить силу и отобрать домены у киберпреступников. (...) Всего таких доменов

оказалось 23. (...) С их помощью создатели вирусов заражали очередные компьютеры и управляли целой сетью инфицированных машин. С этих компьютеров отдавались команды — например, из разных уголков мира атаковать сервер какой-нибудь фирмы, чтобы затем потребовать «отступные». Или красть пароли банковских счетов, данные кредитных карт, заматавая за собой следы. (...) 300 тыс. польских компьютеров работало под контролем так наз. «ботнета», очень опасного, который в четверг был обезврежен при помощи НАКС». (Томаш Грынкевич, «Газета wyborcza», 19–20 янв.)

• «Отчет GRECO (Группа стран по борьбе с коррупцией) уже в четвертый раз касается и нашей страны. (...) В нем содержится 16 рекомендаций для Польши — упомянуты те сферы, где необходимо внести изменения в законодательство либо скорректировать правоприменительную практику. Согласно данным GRECO, польские парламентарии, судьи и прокуроры часто не знают, как поступать в щекотливой ситуации и в чем заключается конфликт интересов. (...) Депутаты не в курсе, какое поведение следует считать недопустимым, какие доходы, личную заинтересованность и ангажированность необходимо декларировать. (...) Из отчета прямо следует, что многие депутаты устраивают свои личные дела при помощи определенных государственных механизмов. (...) Рекомендации GRECO касаются также судей и прокуроров. (...) У Польши есть 18 месяцев для того, чтобы выполнить предписания GRECO». (Из Брюсселя Анна Слосевская, «Жечпосполита», 25 янв.)

• «Депутат Анджей Пентак («Движение Паликота») — собственник фермы норок в Воровце (Западнопоморское воеводство). Согласно его декларации в хозяйстве «в зависимости от репродуктивного цикла» находится от 13 до 70 тыс. норок. Заявление в прокуратуру было направлено в результате общественного расследования, которое в прошлом году на 53 фермах пушных животных провели волонтеры организации «Открытые клетки». (...) Было задокументировано, что на ферме депутата Пентака находятся искалеченные и больные животные, которых никто не лечит, клетки переполнены, что провоцирует у животных агрессию и травмы. Кроме того, в клетках полно насекомых. (...) Трупы животных выбрасывают за забор, сточные воды выведены прямо на лужайки, мягкий грунт под клетками приводит к тому, что нечистоты попадают в грунтовые воды. Некоторые норки выбрались из клеток самостоятельно», — говорит Доброслава Карбоняк, активист организации, один из авторов отчета». (Эва Седлецкая, «Газета wyborcza», 25 янв.)

• «За какие-то два-три года наш менталитет изменился, — считает депутат Павел Саский, председатель Парламентской группы защиты животных. (...) Люди всё больше убеждаются, что животные — не бездушные вещи, что к ним необходимо относиться с уважением, а прокуратура уже не закрывает автоматически дела подобного рода». (...) «К нам поступило, наверное, от 4 до 6 тыс. обращений, — сообщает Петр Яворский из Общества опеки над животными в Польше. — Нам пишут люди из разных уголков Польши, часто из провинции. При этом они отдают себе отчет в том, что это может иметь для них неприятные последствия. Соседи могут от них отвернуться и даже начать третировать. Несмотря на это они решают уведомить нас, поскольку не могут больше равнодушно смотреть на страдания животных». (Рената Крупа-Домбровская, «Жечпосполита», 26-27 янв.)

ГОРДИЕВ УЗЕЛ ДЛЯ МНОГИХ НАРОДОВ

Профессор Даниэль Бовуа — не только выдающийся славист, человек высокого статуса, но и просто счастливчик: ему удалось издать свои труды во всех странах, о которых он в них пишет. В те времена, когда его карьера начиналась, это было не только невозможно — этого нельзя было даже представить.

В последнее время очень модным становится понятие «альтернативная история». В сущности это не наука, а фантазия: что бы случилось, если бы не случилось то, что случилось. И вот, как грибы после дождя, появляются работы относительно будущего Европы и мира в случае, если бы Гитлер победил во Второй Мировой войне. Известный, ныне уже покойный, украинский писатель Василь Кожелянко несколько лет тому назад написал роман «Парад в Москве» о том, как союзная Третьему Рейху Украина победила Сталина и тиран был убит руками солдат отборных украинских спецподразделений, настигших его в кремлевских подземельях. Польский публицист Пётр Зыхович недавно выпустил книгу в несколько сот страниц, в которой рассуждает, что было бы, если довоенная Польша вместе с Гитлером ударила бы в 1939 г. по большевицкой России, а не наоборот. Зыхович, ясное дело, считает, что Польша от этого бы только выиграла, хотя его за этот тезис в Польше сильно критиковали (по моему мнению, вполне заслуженно).

Неудивительно, что культивирование близкой к современности «альтернативной истории» часто возбуждает эмоции, споры, полемику. Гадания «если бы да кабы» насчет далекого прошлого не так опасны. Однако в польско-российско-украинском треугольнике даже события, отстоящие на несколько веков, кажутся горячими, свежими и по-прежнему вызывают отклик, как будто произошли вчера и еще живы люди, которые помнят о тех происшествиях. Поляков возмущает, что русские отмечают 4 ноября 1612 г., т.е. дату «изгнания из Москвы польских оккупантов». Русские не могут простить нам вмешательства в российские дела в Смутное время. Некоторые даже помнят о походе вглубь России короля Стефана Батория и захвате им Смоленска.

С польско-украинской историей дело обстоит еще хуже. Споры об оценке гетмана Богдана Хмельницкого по-прежнему разделяют историков из Польши и Украины. Многих украинцев раздражает тон романа «Огнем и мечом» Генрика Сенкевича, который для многих поляков стал синонимом великолепной патриотической литературы. Образ Тараса Бульбы и поныне разделяет нас до такой степени, что люди задумываются, не поссорит ли вновь наши народы недавно снятый фильм по мотивам произведения Николая Гоголя.

В свою очередь русские до сих пор не могут простить украинцам гетмана Ивана Мазепу и его предательство/поворот против России. Выражение «Ты, Мазепа!» — по-прежнему ругательное, хотя редко употребляется в разговорной речи.

Не знаю, отдавал ли себе отчет Даниэль Бовуа, во что он ввязывается, берясь в 1970-е годы за анализ национально-общественных отношений на территории нынешней Украины с начала XVIII до начала XX века. Во-первых, он нашел себе занятие почти на всю научную жизнь, так как тема эта столь обширна, что исследовать ее за несколько лет невозможно. Во-вторых, он оказался в центре спора между поляками, украинцами и русскими, который столетиями велся в Восточной Европе, а в XIX веке мы наблюдаем его переход в современное измерение, приведший к появлению национального государства.

В Польше проф. Бовуа известен главным образом как исследователь польско-украинского пограничья и демистификатор нашей истории XX столетия и более ранних веков. Именно он первым осмелился громко заявить — и доказать это на основании изучения архивов, — что взаимоотношения между польской шляхтой и украинским народом в XIX в. и ранее вовсе не были столь радужными, как до сих пор утверждают многие польские историки, идеализирующие этот период и феномен сосуществования культур в прежней Речи Посполитой. Полякам приятно гордиться тем, что прежняя Речь Посполитая была образцом свобод и терпимости — хотя бы религиозной — и одновременно колыбелью демократии, выражавшейся в свободном избрании правителей и шляхетских сеймиках, на которых по принципу единогласия принимались важнейшие решения. При этом, однако, польские историки забывают, что терпимость часто существовала только на бумаге, а шляхетская демократия распространялась всего на 2% тогдашнего общества, ибо, согласно оценкам, таким было в то время количество шляхты по сравнению с остальным населением.

Наконец, шляхетская демократия — особенно в ее позднем издании — была по сути дела властью олигархов, а не шляхты, так как именно богачи распоряжались тем, как должны голосовать мелкопоместные, зачастую не обладавшие ничем, кроме шляхетского титула. Бовуа изложил это четко и документированно, за что одни его уважают и восхищаются им, а другие проклинаят на чем свет стоит.

Естественно, при описании польской шляхты и украинского народа в XIX веке историку пришлось столкнуться и с российской властью, так как формально в то время Польша входила в состав царской империи. И здесь снова совершенно неочевидный вывод: польская шляхта, которая часто была в оппозиции к российским властям, боролась с ними во время восстаний, замышляла и устраивала заговоры против них, одновременно просила у них помощи в подавлении бунтов украинского крестьянства. Об этом не прочтешь в польских учебниках истории, так как это противоречит тезису о патриотическом сопротивлении и всеобщем нежелании сотрудничать с российскими захватчиками в XIX веке. Неудивительно, что Бовуа — по происхождению француз, по увлечению и образованию славист — нашел общий язык со средой эмигрантского парижского журнала «Культура», издававшегося с окончания Второй Мировой войны и до конца прошлого века. Именно на страницах «Культуры» излечивались польские комплексы и отвергались великодержавные иллюзии вроде возврата Вильнюса, Львова или Гродно. Там учили уважению к субъектности литовцев, белорусов, украинцев и верили, что когда-нибудь станут возможными корректные польско-российские отношения. Сегодня мечта «Культуры» в значительной степени осуществилась, хотя есть еще проблемы и люди — или даже целые круги, — которые не желают признавать это наследие. Но в основном мы уважаем государственность, культуру, облик друг друга, признаём друг за другом право иметь иной взгляд на историю. И даже если нам что-то не нравится или у нас в Восточной Европе нет между собой согласия, мы не убиваем один другого, как это было принято еще совсем недавно. После падения СССР мы избежали судьбы Балкан, а каждый, кому известно, как выглядели войны в бывшей Югославии, поймет, что это вовсе не так уж мало.

Трехтомный труд Даниэля Бовуа «Гордиев узел Российской империи. Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914)», который наконец вышел и на русском языке (ранее он был издан на французском, польском и украинском), объясняет причины неприязни между поляками, украинцами

и русскими на примере одного из регионов бывшей Речи Посполитой/Российской империи/Украины. В нем показано, что с учетом господствовавших тогда общественно-политических условий, трудно представить себе, что история могла бы сложиться иначе. Хотя вместе с тем Бовуа иногда тоже поддается искушению написать «альтернативную историю». Так, он утверждает, что причиной всех позднейших бед Речи Посполитой была ее неспособность в XVII веке достичь соглашения с казаками Богдана Хмельницкого. Россия использовала этот шанс и на долгие столетия захватила контроль над Украиной. Только стало ли от этого лучше украинцам? Это уже совсем другой вопрос.

С другой стороны, могла ли Россия лучше закрепиться над Днепром, если бы более благосклонно смотрела тогда на развитие украинской культуры, письменности, искусства? Она опасалась, что слишком активный и сильный украинский элемент перейдет на сторону поляков либо предпримет усилия к созданию собственного государства. Поэтому в Российской империи украинский язык столь мощно вытеснялся из публичного обихода. Решением царя его дозволялось использовать только в литургических текстах и церковном пении. Еще один парадокс состоит в том, что те, кто в течение столетий сдерживали развитие украинского самосознания — польские шляхтичи, — часто становились украинцами по собственному выбору, учили украинский язык, меняли свои фамилии на украинские, поддерживали или попросту создавали украинскую письменность. Впрочем, то же происходило и в Белоруссии.

Благодаря парижской «Культуре» и книгам Даниэля Бовуа, находящимся в польском историческом обороте более 20 лет, поляки хотя бы начали сводить счеты с совестью по отношению к восточным соседям. Россия — а также российская историография — лишь приступает к тому, чтобы серьезно заняться этими территориями, рассматривая их как нечто отдельное, а не часть русского мира. Интересно, каким образом будут проводиться эти исследования и удастся ли с их помощью изменить сознание русских, подобно тому, как некогда проф. Бовуа открывал глаза полякам. Издание на русском языке труда французского историка на столь чувствительную и деликатную тему может стать таким импульсом, стимулом, вдохновением. Однако российская наука может пойти и путем наименьшего сопротивления, возложив всю вину на поляков, которые помешали так хорошо начинавшейся русификации украинцев и постепенному слиянию их культуры и идентификации с русской культурой.

Таким образом, собранная в одном томе трилогия Даниэля Бовуа в каком-то смысле универсальна и в то же время индивидуальна. Представители каждого из народов Восточной Европы, которых она касается: поляки, украинцы, русские, — читают ее со смешанными чувствами. Поляки — со стыдом за то, что каким-то образом позволили себе быть колонизаторами, и не где-то в Африке, а здесь же, по другую сторону границы. И в то же время с гордостью за то, что когда-то Польша была государством, способным притягивать к себе другие народы, потому что ведь не только в войне и насилии состояло польское воздействие на восточного соседа. Украинцы прочитают трилогию проф. Бовуа с сожалением и злостью из-за того, что им так долго не удавалось создать собственное государство, но и с восхищением тем, что даже в трудных условиях их соотечественники сохранили культуру, язык, национальный облик. Русский может прочитать труд историка с сожалением или злостью из-за утраченной империи и даже обвинять всех вокруг в ее падении. Но он может и задуматься о том, представляет ли собой экспансия верный и достаточный способ построения собственной идентичности, особенно в современном мире. Впрочем, любая экспансия когда-то достигает своего предела, а никакая империя — даже самая могущественная — не вечна.

Итак, Даниэлю Бовуа удалось создать необычное произведение — ограниченное конкретным историческим и культурным контекстом и вместе с тем вневременное, универсальное для нескольких народов, каждый из которых прочитает его по-своему. Возможно, это удалось ему, потому что он француз: непредубежденный автор извне всегда лучше ухватит истину, чем исследователь, вольно или невольно отягощенный локальным контекстом, собственным опытом и обстоятельствами жизни.

Бовуа повезло вдвойне: его книга издана во всех странах, о которых он пишет. В каждой из них он представлял свой труд, сталкивался с его приемом и различными, не всегда благоприятными, отзывами. Он сам мог убедиться в том, что именно раздражало читателей в каждой стране и что раздражает их по сей день. Может ли исследователь мечтать о большем и добиться большего успеха? На месте проф. Бовуа я написал бы об этом четвертый том его книги — современный. А если не сам историк, то, может быть, его молодые последователи?

Автор — публицист, много лет был корреспондентом «Газеты выборчей» на Украине и в России.

ВТОРОЙ УКОС «ВИСЛЫ»

История то и дело призывает поляков к ответу, ставя перед ними трудные вопросы. Едва затих скандал вокруг фильма «После жатвы» (или «Второй укос» — «Pokłosie»), как уже разрастается новый, в связи с операцией «Висла» 1947 года.

Комиссия Сейма по делам этнических меньшинств приняла проект резолюции (автор — Мирон Сыч, депутат от «Гражданской платформы» — ГП), осуждающей операцию «Висла». Напомним, что в период с апреля по август 1947 г. польскими военными и органами госбезопасности около 140 тыс. украинцев были депортированы с территории юго-восточной Польши — главным образом в Щецинское и Олыштынское воеводства. Проведение операции объяснялось необходимостью отсечь украинских партизан (так называемых банд УПА — Украинской повстанческой армии) от их тылов, а также баз продовольствия и укрытия. Непосредственным же поводом, активно использовавшимся пропагандой, стала смерть генерала Кароля Сверчевского 28 марта 1947 г. в засаде под Балигрудом.

Однако депортация затронула и украинское население с территорий, на которых отряды УПА не действовали, в том числе лемков, что позволяет некоторым исследователям справедливо предполагать, что власти преследовали более важную цель — создать этнически однородное государство, ослабив при этом антикоммунистическое движение сопротивления.

Проф. Гжегож Мотыка, автор книги «От волынской резни до операции «Висла». Украинско-польский конфликт 1943–1947» (удостоена Исторической премии «Политики») пишет, что до 1945 г. с УПА можно было справиться довольно легко и не было необходимости в столь крупной операции, во время которой были допущены тяжкие преступления против украинского гражданского населения.

Операция совершалась в соответствии с инструкцией, которая отводила два часа на то, чтобы собраться и покинуть дом, при этом можно было воспользоваться только двумя конными подводами. Остающееся имущество поступало в распоряжение властей для передачи польскому населению, перемещаемому из других регионов (что в результате не дало большого

эффекта, поскольку в ходе первой волны депортаций на опустевшие территории переселилось менее 7 тыс. человек).

В рамках операции «Висла» люди, подозреваемые в сотрудничестве с УПА, а также интеллигенция и священники Греко-католической Церкви исключались из общей массы депортируемых и направлялись в тюрьмы, а также Центральный лагерь труда в Явожно — бывший немецкий концлагерь. Из 4 тыс. человек, попавших туда, 150 умерли.

В проекте резолюции Сейма говорится, что в операции «Висла» был реализован принцип коллективной ответственности, присущий «тоталитарным системам», а также что в Явожно людей сажали «без малейших доказательств вины, единственно на основании критерия национальной принадлежности». Однозначно подтверждается также, что «в лагере были созданы крайне тяжелые условия, заключенных подвергали пыткам».

При этом комиссия ссылается на резолюцию Сената, осудившую операцию «Висла», и напоминает, что в 2002 г. сожаления по этому поводу выразил тогдашний президент Александр Квасневский, а в 2007 г. президент Лех Качинский вместе с украинским президентом Виктором Ющенко также осудили ее в совместном заявлении.

Однако уже в ходе заседаний комиссии обнаружилась разница мнений, тут же выплеснувшаяся наружу в интервью политиков, комментариях СМИ и сетевых дискуссиях. Делегаты «Права и справедливости» (ПиС) внесли предложение — которое однако не было принято — отклонить резолюции в первом чтении, а Дорота Арчишевская-Мелевчик заявила: «Мы, поляки, всё время вынуждены просить прощения то за одно, то за другое».

Она обратила внимание на то, что после резолюции Сената 1990 г. с украинской стороны не последовало ни одного жеста, который свидетельствовал бы о доброй воле, «либо признания, что и польским гражданам кто-то тоже нанес урон», ссылаясь на ощущение явной несправедливости в отношении поляков в период войны и послевоенное время: «Нельзя примириться с фактом страданий жертв бандитских нападений ОУН-УПА, наблюдая их безнаказанность и возвеличивание Бандеры и ему подобных, которые уготовали полякам такую трагическую судьбу».

На заседании той же комиссии проект резолюции поддержал представитель Союза украинцев в Польше, деятели которого

многие годы утверждают, что операция «Висла» привела к потере национального облика у значительной части живших в Польше украинцев, к ликвидации их традиции и культуры, а последствия событий 65 летней давности сказываются до сих пор.

Против резолюции выступили члены организаций пограничья, которые, в свою очередь, также многие годы добиваются прежде всего осуждения украинских преступлений на Волыни (и не только там) и протестуют против одностороннего, по их мнению, признания поляками вины и преступлений.

Оценка операции «Висла» поэтому невозможна в отрыве от длинной цепи исторических событий, начинающихся по крайней мере с 1943 г., хотя в принципе можно было бы установить их непосредственную или опосредованную связь с польско-украинскими отношениями и конфликтами, происходившими до 1939 г., если уж не углубляться до времен Хмельницкого. Этим можно объяснить непонятное на первый взгляд одобрение депортации 1947 г. польским обществом, которое во всех других вопросах неизменно критикует действия и решения новых польских властей после 1945 года.

Нет недостатка в доводах, что подобно коммунистам вели бы себя в отношении украинцев и политики довоенной Польши, что они тоже не остановились бы перед депортациями. На это обращает внимание и проф. Мотыка, когда пишет, что антикоммунистическое сообщество поддерживает в этом случае политику Польской рабочей партии, то есть на самом деле Москвы: «Многие из этих людей сильно пострадали от коммунистической власти. Но несмотря на это часто повторяют ее аргументы».

Над «Вислой», таким образом, тяжким грузом нависает «Волынь», то есть прежде всего проводившаяся в 1943 г. отрядами ОУН-Б и УПА операция по «зачистке» от поляков территорий, считавшихся исконно украинскими, продолжавшаяся вплоть до 1945 г. под другими лозунгами и названиями. В итоге, как принято теперь считать, в 1943–1947 гг. погибло около 100 тыс. человек. Украинцев же, с которыми боролось польское подполье и различные организации самообороны, в сумме погибло 10–15 тысяч. «Это не отменяет того факта, — заключает Гжегож Мотыка, — что большинство украинских жертв — как и с польской стороны — принадлежали к гражданскому населению и нередко это были женщины и дети. Польские действия, направленные на украинское гражданское население, в нормальных обстоятельствах вызывали бы горькое недоумение, однако они

меркнут в сопоставлении с утратами, понесенными польской стороной. Если сравнить жертвы Волыни, то разница просто поразительная: с польской стороны погибло, возможно, до 60 тыс. человек, а с украинской едва ли больше 2–3 тысяч».

Можно сказать: не стоит удивляться, что во многих головах и сердцах не укладывается мысль о том, чтобы просить у украинцев прощения за операцию «Висла», если они сами еще не готовы соответствующим образом загладить свою вину. И даже наоборот — чтят память и деяния своих националистических организаций и их предводителей. Однако это не вполне справедливо. С украинской стороны также было немало жестов раскаяния и искренних выражений сожаления по поводу волынских преступлений, и тем не менее в Польше сильно ощущение асимметрии, и оно справедливо.

Достаточно хотя бы сопоставить исследования польских и украинских историков, а также многочисленные и противоречивые высказывания с обеих сторон. Польское отношение к памяти и кошмарам прошлого поистине исключительно на фоне остальной постсоветской Европы. Как раз недавно в Польше вышла книга «Бандера. Террорист из Галиции» Веслава Романовского, журналиста и дипломата, в которой предпринята попытка объективно изложить драматическую биографию сегодняшнего героя многих украинцев, который всю жизнь вел борьбу за независимую Украину. В том числе, а может быть — прежде всего, с Польшей и поляками. Борьбу террористическую, фанатичную, преступную.

Смесь доводов разума, претензий и скорби не облегчает жестов примирения, тем более что, как было заметно в ходе заседаний комиссии, Пис в своей исторической и современной политике не склонна к извинениям. Лично председатель партии Ярослав Качинский к проекту резолюции отнесся критически, хотя — по его характеру — довольно сдержанно. Он одобрил политические решения и действия властей в 1947 г. и не считает, что операцию «Висла» следует осуждать, особенно поскольку «украинцы не хотят осудить геноцид УПА».

Не было однако ни слова о «позорной и предательской политике ГП», возможно потому, что именно Лех Качинский ранее способствовал процессам польско-украинского примирения, несмотря на трагический опыт времен войны. За это он часто подвергался нападкам, в том числе со стороны о. Тадеуша Исаковича-Залеского, который считал, что президент по политическим мотивам и для укрепления своей концепции

польского лидерства в регионе готов замалчивать волынские преступления.

Еще хуже обстояло дело на интернет-порталах, где вылилась настоящая волна ненависти и оскорблений по адресу ГП и всех, кто якобы пренебрегает истинными национальными интересами. Преобладала точка зрения, что операция «Висла» была абсолютно оправданной и необходимой. Такие настроения, видимо, легко возбудить и затем поддерживать.

Вероятно поэтому, как следует из первых заявлений, проект резолюции не получил поддержку ни крестьянской партии ПСЛ, которая не захотела идти вразрез с эмоциями своего электората — сельского или приграничного, ни — что естественно — «Солидарной Польши». За его принятие выступили, что тоже естественно, Союз демократических левых сил и Движение Паликота.

Понятно, что значительная часть этих заявлений и действий обусловлена нынешней политической борьбой, вписывается в современный конфликт и служит интересам его участников. Однако признаем: можно и должно понять чувства общества, в которых смешиваются вина и обида, что затрудняет определение адекватных моральных норм и справедливые оценки. События польско-украинских конфликтов — яркий тому пример. Здесь много незалеченных ран, национальных предубеждений и исторических стереотипов.

Однако представляется, что с точки зрения морали и гражданственности мы лучше всего выглядем тогда, когда рассуждаем о собственной вине, а не о чужой, когда берем ответственность за свое прошлое, а не ищем ему оправдания в чьих-то преступлениях и когда обращаемся с другими так, как хотели бы, чтобы обращались с нами. Это и есть истинное проявление демократии и независимости, а также гордости народа.

ПЕТЕРБУРГСКО-ВАРШАВСКИЕ АРХИТЕКТУРНЫЕ СВЯЗИ

Главная артерия Санкт-Петербурга — Невский проспект: Дом Вавельберга — Мариан Перетяткович, Торговый дом Мертенса — Мариан Лялевич, Сибирский торговый банк — Мариан Лялевич (соавтор перестройки), Пассаж — Рудольф Желязевич, Международный торговый банк — Станислав Бжозовский, Дом Панина (кинотеатр «Паризиана») — Мариан Лялевич (перестройка), Московский вокзал (бывший Николаевский) — Рудольф Желязевич и Антон Клевщинский (соавторы).

Сердце Варшавы — Краковское Предместье: Дворец Сташица — Мариан Лялевич (возвращение исторического облика), Университетские ворота — Стефан Шиллер, бывшая Библиотека Варшавского университета — Стефан Шиллер и Антон Яблонский-Ясенчик, отель «Бристоль» — Владислав Маркони, находящийся неподалеку виадук на Каровой ул. — Стефан Шиллер (архитектурное оформление), памятник Адаму Мицкевичу — Юзеф Пий Дзеконский и Владислав Маркони (проект цоколя и распланировка окружающего пространства).

Что объединяет названных архитекторов? — Годы учебы или работы в Императорской Академии художеств в Петербурге.

УЧЕБА В ПЕТЕРБУРГЕ

Рисовальщик, историк искусства и архитектор Станислав Ноаковский, обучавшийся в течение 8 лет на архитектурном отделении Академии, в «Автобиографическом очерке» написал: «Петербург! Ошеломляющее впечатление от могучей, великолепной столицы, столь богатой шедеврами искусства... Художественный мир России находился на высоком уровне, я считаю своим счастьем, что познакомился с этим размахом, с масштабом не нашего уровня. Без пребывания в России я не был бы тем, кем стал». Многие из длинного перечня польских художников, скульпторов, архитекторов и реставраторов памятников архитектуры, обучавшихся в Императорской Академии художеств, могли бы подписаться под этими словами.

То, что поляки стали обучаться в России в XIX в., было следствием историко-политического положения — отсутствия

суверенитета, а также репрессий царского режима, обрушившихся после восстания на польское просвещение. В случае архитектурного образования решающую роль играли, с одной стороны, ликвидация учебных заведений этого профиля в Варшаве после подавления восстания 1863 г., с другой, — преимущества, связанные с образованием в российской столице. Обучение в Петербурге обеспечивало высокое профессиональное положение и позволяло сделать карьеру на всей территории Российской Империи, а это было государство, в котором статус архитектора был окружен уважением. В отличие, например, от территории Польши, захваченной Пруссией, в России польские архитекторы могли занимать высокие управленческие должности, выполнять правительственные заказы, принимать участие в архитектурных конкурсах и даже проектировать объекты стратегического значения: железнодорожные, военные и тюремные.

Одним из важнейших петербургских училищ, в котором во второй половине XIX — начале XX столетия поляки из Царства Польского и бывших восточных воеводств Первой Речи Посполитой получали архитектурное образование, была Императорская Академия художеств. Ее архитектурное отделение выпустило свыше ста польских архитекторов, в том числе многих выдающихся творцов.

Следует отметить, что образование в этом учебном заведении было образованием художественным, а не инженерным. Выпускники получали квалификацию архитектора-художника. Традиционные занятия давали им фундаментальные знания в сфере греческой и римской культуры и традиций. Совершенствование чертежных и композиционных умений на практике заключалось в кропотливом многочасовом рисовании так называемых гипсов, то есть копий античных скульптур. Вместе с тем лучшие, наиболее способные студенты, будучи правительственными стипендиатами, в качестве поощрения выезжали за границу в Италию, Францию, Бельгию, Австрию, Германию и Англию, где имели возможность знакомиться с самыми новыми течениями в архитектуре и других видах искусства.

КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ПЕТЕРБУРГА

Когда мы говорим о поляках в Императорской Академии художеств, ключевое значение имеет культурный контекст. Поскольку они получали образование не просто в России, а в Петербурге — месте исключительном на культурной карте

Российской Империи. Этот, уже с момента своего основания самый европейский из всех российских городов, сравниваемый с Венецией и Парижем, «окно, через которое Россия смотрит на мир», давал обучающимся здесь полякам возможность общения с большим искусством и большой архитектурой западного типа. В формировании эстетических взглядов существенным было художественное значение Петербурга, причем не только его материальной составляющей — объектов искусства и архитектуры, но и интеллектуальный потенциал города — действующие на Неве творческие кружки российского и европейского происхождения.

АРХИТЕКТУРА ПЕТЕРБУРГА И ВАРШАВЫ

Среди поляков, обучавшихся на архитектурном отделении Императорской Академии художеств, были и такие, кто свою жизненную и профессиональную судьбу связал с Россией и Петербургом.

Необыкновенно богаты петербургские достижения Мариана Перетятковича (1872—1916). Вместе со своим профессором из Академии, Леонтием Бенуа, он разработал неосуществленную концепцию перестройки центра Петербурга. Закончил строительство костела Нотр-Дам де Франс в Ковенском переулке. Был автором проектов дома Вавельберга на Невском проспекте, Российского торгово-промышленного банка, здания министерства торговли и промышленности, дома Кербедза и многих других объектов. Более того, в течение многих лет он преподавал в Академии художеств, Институте гражданских инженеров (в обоих до этого учился), а также Николаевской военно-инженерной академии. Был также членом российского Общества архитекторов-художников и польской комиссии, занимающейся перестройкой зданий, принадлежащих костелу Св. Екатерины. Стоит вспомнить также о Рудольфе Желязевиче (1811—186?), профессоре Академии, проектировщике «Пассажа» на Невском проспекте, соавторе здания Николаевского вокзала (ныне Московского), Антоне Клещинском (1844—1902), главном зодчем управления Николаевской железной дороги, и Яне Слупском (1826—1892), городском архитекторе Петербурга, который проектировал частные резиденции, церкви, железнодорожные станции и принимал участие в строительных работах костела св. Екатерины.

Были также польские архитекторы, которые работали и в Петербурге, и в Варшаве. К выдающимся выпускникам петербургской Академии художеств принадлежал Мариан Лялевич (1876—1944). Самая известная его работа в Петербурге — дом Мертенса, упоминаемый в важнейших трудах о

российской архитектуре начала XX столетия. Он был также соавтором перестройки здания на Невском проспекте для Сибирского торгового банка. Был создателем многих доходных домов. Совместно с Марианом Перетятковичем спроектировал на Кронверкском проспекте здание с башенкой, напоминающее западноевропейские ратуши, в котором в настоящее время размещается Институт механики и оптики Технического университета.

Вернувшись на родину в 1918 г., он стал профессором Варшавского политехнического института. Одной из первых его работ в столице Второй Речи Посполитой было возвращение классицистического облика Дворцу Сташица, перестроенному в период захвата в псевдовизантийском стиле. Он спроектировал также Аграрный банк, здание варшавского Управления государственной железной дороги в Праге [правобережном районе Варшавы], а также Государственный геологический институт. Богатое архитектурное наследие Лялевича, как петербургское, так и варшавское, было высоко оценено, что не исключало дискуссий и противоречивых оценок его творчества. Чаще всего на него навешивают ярлык «представителя русского академического классицизма», но это грубое упрощение. Следовало бы добавить, что его работы принадлежат к лучшим образцам, выдержанным в этой стилистике, которую ему удавалось соединять с оригинальными, новаторскими конструкторскими решениями.

Сегодня мало кто дает себе отчет в том, что ведущие архитекторы Варшавы конца XIX — первых десятилетий XX века академическое образование и профессиональные умения получали в Петербурге. Среди учеников и профессоров Императорской Академии художеств были деятели такого масштаба, как Юзеф Пий Дзеконский, Владислав Маркони, Стефан Шиллер или Ян Хейрих-младший.

Юзеф Пий Дзеконский (1844—1927) был первым деканом архитектурного отделения Варшавского политехнического института, а также соучредителем Общества охраны памятников истории и культуры. Специализировался на церковной архитектуре, соединяя привязанность к классическим формам с поисками польского национального стиля. Только в Варшаве он был автором либо соавтором десятка храмов, достаточно назвать лишь костелы св. Флориана, Христа Спасителя и св. Станислава на Воле (проводил также многочисленные расширения и перестройки церковных объектов). Более того, он спроектировал больницу Младенца

Христа вместе с прибольничной часовней, банк Ипполита Вавельберга (Западный банк) на ул. Фредро, а также многочисленные дома, среди которых дом на Аллеях Уяздовских, ориентирующийся на венецианскую готику.

Владислав Маркони (1848—1915) спроектировал гостиницу «Бристоль», несохранившийся дом страхового общества «Россия» на Маршалковской ул., дом «Под Гигантами» на Аллеях Уяздовских, ансамбль домов на ул. Коперника и многие другие.

Стефан Шиллер (1857—1933) принадлежал к наиболее плодовитым архитекторам своего времени. Спроектировал: главное здание Политехнического института им. Николая II, а также корпус физико-химического факультета того же института (ныне Варшавский политехнический институт), здание Общества любителей изящных искусств, здание Ссудной кассы варшавских промышленников на ул. Згода. Он был также автором проектов примерно ста домов. Шиллер облюбовал себе ренессанс, в проектируемых им постройках появляются аттики и подъезды в духе краковского ренессанса, свидетельством чего служит архитектурное оформление моста и виадука Понятовского в Варшаве.

Ян Хейрих-младший (1873—1925) в 1920—1921 гг. был министром искусства и культуры. Спроектировал много зданий общественного назначения, в том числе дом Красинских на пл. Малаховского (nota bene его архитектуру продолжали проектировщики МДМ — Маршалковского жилого района), Банк кооперативных обществ (дом «Под Орлами»), Публичную библиотеку фонда Евгении Кербедз, а также здание Польского гигиенического общества на Каровой ул..

Павел Вендзягольский (1883—1929) в двадцатые годы XX века был преподавателем Школы изящных искусств в Варшаве, Варшавского политехнического института и Государственной школы строительства. В Варшаве он был автором проекта здания Свободного польского университета (ныне — Военная политическая академия), а также виадука диаметральной железной дороги. Он был не только практиком, но и теоретиком архитектуры.

В эпоху зарождения модернизма неоклассицизм трактовали как стиль подражательный, вторичный, эпигонский. «Захенту», здание политехнического института или гостиницу «Бристоль» упрекали в претенциозности и излишней декоративности. Сейчас иной взгляд, и эти строения остаются

гордостью Варшавы, на что, несомненно, повлияли потери города во время войны.

ОБОБЩАЯ:

Императорскую Академию художеств окончила целая плеяда польских архитекторов. Оказавшись здесь в силу политических обстоятельств, они успешно использовали шанс, который дали им занятия в Петербурге. Они участвовали в создании архитектуры России и Польши, внесли значительный вклад в архитектуру и строительство Петербурга, а также сыграли существенную роль в создании архитектурного облика Варшавы — в преддверии независимости и во время Второй Речи Посполитой. Кроме того, они оказали значительное влияние на формирование нового поколения польских архитекторов. Были соорганизаторами и профессорами архитектурного отделения Варшавского политехнического института, а также основателями и преподавателями Женской школы архитектуры им. Станислава Ноаковского.

Годы обучения в российской столице оказали большое влияние на их эстетические взгляды и стилевые предпочтения. Они были создателями, проектировщиками, преподавателями и теоретиками архитектуры. Они перенесли на польскую почву петербургский историзм, продолжающий классические формы как универсальные, лежащие у истоков европейской цивилизации.

Статья представляет собой сокращенный вариант доклада, прочитанного в Санкт-Петербургском государственном университете в рамках международной конференции «Индивидуальная, коллективная, гражданская, корпоративная и государственная память и ценности», 6–9 октября 2012 года.

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ТВОРЕНИЯ МАРИАНА ПЕРЕТЯТКОВИЧА (1872–1916)

В ноябрьско-декабрьском номере «Бунта» редактор Збигнев Т. Вежбицкий описал торжества, связанные с семейным съездом Перетятковичей в Луцке летом 2010 года. В этом тексте он больше всего места отвел Мариану Перетятковичу, выдающемуся архитектору, работавшему на территории Российской Империи, но главным образом в Петербурге. Так сложилось, что летом 2010 г. я был в течение нескольких дней в Петербурге, где в целом провел около двух лет. Поэтому можно сказать, что знаю этот город. Мое последнее пребывание в нем было связано с поиском материалов для исследования о судьбах польских инженеров в России. Один из них — безусловно, Мариан Перетяткович.

Наверное, самое известное его творение — это огромное здание на Невском проспекте в Петербурге, известное прежде всего тем, что на первом этаже (с 1960 г.) в нем размещались отделения и кассы Аэрофлота, из-за чего там каждый день клубились толпы народа. Своим видом здание слегка напоминает венецианский Дворец дождей. Если внимательно присмотреться, то можно заметить, что на аттике здания размещается монограмма, составленная из двух латинских букв: HW. Думаю, что в России, а тем более в Советском Союзе никто на эту мелкую деталь не обратил внимания, благодаря чему буквы HW просуществовали до наших дней. Именно за это здание его автор получил в 1912 г. почетный и весьма уважаемый в России титул академика архитектуры. Таинственные буквы на аттике здания связаны с его владельцем — Ипполитом Вавельбергом (Hipolit Wawelberg, 1843–1901) — известным и заслуженным варшавским банкиром. Его «наместником» в Петербурге был сын Михаил. Несколько упрощая, можно сказать, что здание банка, размещенное в самой видной части Невского проспекта (недалеко от Зимнего дворца), было филиалом варшавского центра банковской империи Вавельбергов. Стоит также заметить, что, начиная примерно с последней четверти XIX в., польские фирмы всё активней работали в Петербурге и

составляли существенную конкуренцию для российских фирм. Банк Вавельберга служит прекрасным тому доказательством.

Мариан Перетяткович был выпускником петербургского Института гражданских инженеров (1901), а затем Императорской Академии художеств (1906). Он построил среди прочего в Петербурге:

— церковь Лурдской Божией Матери (Ковенский переулок, 7) в 1907–1909 гг. для французской католической общины. Проект составил в 1902 г. архитектор Л. Н. Бенуа. С 1938 по 1992 г. церковь была единственным действующим католическим храмом в Ленинграде;

— церковь Христа Спасителя («Спас на Водах»), возведенную в 1910–1911 гг. на берегу Невы вблизи устья Новоадмиралтейского канала. Церковь была разрушена в 1932 году;

— II Дом городской администрации (Кронверкский пр., 49), построенный в 1912–1913 гг. совместно с Марианом Лялевичем. Сейчас в здании размещается Санкт-Петербургский государственный университет информационных технологий, механики и оптики;

— здание ремесленного училища с убежищем для мальчиков Римско-католического благотворительного общества (Кирилловская, 19). Строительство финансировал (165 тыс. рублей) Михаил Кербедз;

— здание Российского торгово-промышленного банка на Большой Морской ул., 15;

— здание страхового общества «Саламандра» (Гороховая, 4), возведенное в 1908–1909 годах.

Говоря о петербургских произведениях Перетятковича, следует особое внимание обратить на грандиозное здание бывшего министерства торговли и промышленности (наб. Макарова, 8 / Биржевая линия, 3), воздвигнутое в 1914—1915 годах. Здание расположено в очень видном месте и привлекает внимание своей величиной. Министерство торговли и промышленности было необычайно важным элементом в государственной системе дореволюционной России. Оно отличалось своей прогрессивностью и открытостью. Этому ведомству подчинялись, например, коммерческие училища, которые в последние годы перед Первой Мировой войной особенно бурно развивались в Царстве Польском, главным образом в Варшаве.

Они были убежищем от исключительно антипольского министерства просвещения, которому подчинялись гимназии.

В течение многих лет не говорили о министерстве торговли и промышленности, а также о месте его расположения, которое после переноса столицы в Москву было занято военными учреждениями, конечно же, секретными. Сегодня в здании бывшего министерства размещается Военная академия тыла и транспорта.

Изложенная здесь информация — это лишь краткое описание богатейшей профессиональной карьеры Мариана Перетятковича. На мой взгляд, его фамилия должна появиться в готовящемся профессором Болеславом Орловским (Институт истории науки ПАН) словаре польских инженеров.

СОВРЕМЕННЫЕ СВЯТЫЕ И МУЧЕНИКИ

Книга Людвиг Мельхорна «Отвергая ложь. Из истории сопротивления и антитоталитарной оппозиции в XX веке» может вызвать недоумение у читателя. Например, просматривая помещенные в ней фотографии, он наткнется на людей в гитлеровской форме (это участники неудавшегося покушения на фюрера), а затем увидит фотографии оппозиционеров из стран социалистического лагеря, одетых в свитера и лагерные ватники. Что их связывает?

Эта историческая книга имеет свою, к сожалению трагическую, историю. Людвиг Мельхорн, противник режима из ГДР, активно участвовал в польско-немецком примирении, а после падения Берлинской стены был одним из инициаторов создания в Кшижовой (населенный пункт вблизи Свидницы, ранее Крейзау) Международного дома молодежных встреч. Выбор этого места был неслучайным. Здесь встречались члены антигитлеровской группы «Кружок Крейзау», а позже, в 1989 г., была отслужена польско-немецкая месса примирения с участием канцлера Гельмута Коля и премьер-министра Польши Тадеуша Мазовецкого. Мельхорн подготовил в Кшижовой постоянную экспозицию, которая, рассказывая об участниках антигитлеровского движения и оппозиционерах из советского блока, призвана служить не только польско-немецкому примирению, но и сближению Западной и Восточной Европы. К сожалению, в процессе работы над книгой, сопровождающей выставку, автор умер. Его работу закончили его сотрудники.

Отдавая себе отчет в том, что сопоставление оппозиции, пытающейся свергнуть диктатуру Гитлера, и демократических кругов советского блока может возбуждать противоречивые чувства, автор выделил некоторые черты, связывающие оба этих течения. И в первую очередь указал на укорененность в вере и традициях. Действительно, «Отвергая ложь» вскрывает конфликт между истинной верой в Бога и фальшивым поклонением идолам тоталитаризма, где в качестве наивысшей сущности воплотились Гитлер и Сталин. Даже в рассуждениях секуляризованных деятелей из Чехословакии в итоге открывается эсхатологическая перспектива. Во

вступительных текстах «Нацизм» и «Коммунизм» (поскольку экспозиция и книга должны выполнять прежде всего функцию просвещения молодежи) автор подчеркивает, что обе системы претендовали на роль новой религии XX века. Из выбранных Мельхорном заявлений оппозиционеров четко вытекает, что почти каждый из них в конце концов приходил к выводу, что тоталитаризм — абсолютное зло и его не удастся свергнуть, ставя перед собой только политические задачи. Необходимо восстановить истину, то есть осудить его с этических позиций, и эта необходимость приводила их к обретению или укреплению веры в Бога. Оппозиционная деятельность фактически была актом веры. Поэтому неудивительно, что в книге найдется немало личностей, связанных с Церковью, — о. Ян Зея, круг «Тыгодника повсехного», издателей «Хроники Литовской Католической Церкви».

Задумываясь над выбором героев у Мельхорна, можно спросить, почему автор не посвятил отдельного текста фигуре самого известного русского диссидента Андрея Сахарова или украинского — Льва Лукьяненко, хотя поместил их фотографии и высказывания. Имя известнейшего узника ГУЛАГа Александра Солженицына появляется в книге всего лишь раз. Однако представляется, что автору было важно не только представить судьбу отдельных личностей, даже если их борьба с режимом была наиболее героической и поражающей воображение читателя, но и обнаружить связи между группами оппозиционеров — Комитетом защиты рабочих (КОР), «Солидарностью», «Хартией-77», Хельсинскими группами, — чтобы выявить существенные черты, присущие оппозиционной деятельности. Автор желал показать, что эти люди составляют духовную общность. Тогда их положение становится сознательным выбором, сделанным на этико-религиозной основе, и вписывается в контекст извечной борьбы добра со злом.

Антигитлеровская группа «Кружок Крейзау» была создана в 1943 г. по инициативе Гельмута фон Мольтке и Петера Йорка. Со временем в нее были вовлечены новые участники — из социал-демократических и церковных кругов. Члены группы, происходившие преимущественно из консервативной прусской аристократии, получили образование в духе европейского гуманизма. Поэтому после прихода Гитлера к власти они очень быстро поняли, что нацизм — это нарушение фундаментальных принципов, на которые веками опирался уклад Старого Света. Эти выдающиеся мыслители и теоретики в своих рассуждениях о послевоенном будущем Германии обращались к таким ценностям, как личная свобода, свобода

совести и терпимость. Их связь с гуманистической традицией заслуживает внимания хотя бы потому, что лишенные ее диссиденты в СССР были вынуждены искать свой путь к истине, бродя впотьмах наощупь. Как, например, Петр Григоренко, который вспоминает, что его выступление против Хрущева, которого он упрекал в культе личности, происходило на грани между сном и явью и было скорее нечленораздельным стоном угнетенной совести. Автор книги представляет также фигуры других участников «Кружка Крейзау»: Теодора Штельцера, Тео Хаубаха, Адольфа Рейхвейна, Адама фон Трота, Альфреда Дельпа и Гаральда Пёльхау. После неудавшейся попытки свержения диктатуры Гитлера большинство из них были арестованы. В заключении, ожидая исполнения смертного приговора, они нашли духовную опору в лице Пёльхау, тюремного священника, принадлежность которого к группе не была раскрыта нацистами. Он до последней минуты поддерживал душевные силы узников, организовал передачу писем между ними и их семьями. Фрагменты этой переписки, исполненные веры и любви, стали наиболее волнующими в книге. По убеждению пастора, все узники приняли смерть прежде всего как христиане за свободу совести.

Представляя фигуры польских оппозиционеров, Мельхорн подчеркивает, что их борьба с коммунистическим режимом была связана с традициями независимости Второй Речи Посполитой. Характерны здесь примеры родившихся еще до Второй Мировой войны Владислава Бартошевского и Яна Юзефа Липского, в биографиях которых как в оптической линзе сконцентрировался трагизм польской истории XX века. Бартошевский был узником Освенцима, а затем во времена ПНР сидел в тюрьме по обвинению в «шпионаже». Оба были солдатами Армии Крайовой и сражались в ее рядах в Варшавском восстании. Обогащенные этим опытом, они оказали значительное влияние на формирование молодого поколения польской демократической оппозиции в рамках христианской этики, в духе любви к ближнему, примирения и прощения. Нельзя обойти вниманием и то влияние, которое оказал на всю польскую оппозицию о. Ян Зея — харизматический священник, который в 1920 г. участвовал в польско-советской войне как военный капеллан и на поле битвы пришел к убеждению, что в борьбе со злом нельзя прибегать к насилию. Уже в проповеди, произнесенной в 1974 г., в 35 ю годовщину вторжения СССР в Польшу, он взывал к примирению: «Надеюсь, что когда-нибудь встретятся правомочные представители польского народа с такими же правомочными представителями народа русского — и оба народа, представ в истине, вопреки своим деяниям и своему

прошлому, обретут примирение». Что ж, этот призыв остается актуальным и по сей день.

Автор описывает путь, проделанный основателями КОРа — Адамом Михником и Яцеком Куронем: от марксистского ревизионизма до нравственно обоснованной сознательной оппозиции. Именно Куронь признал, что борьба с тоталитаризмом — это акт веры. Что верность этому выбору, несущему печать страдания и риска смерти, подтверждается трансцендентным нравственным законом, источником которого лежит в Боге. Понимая, что коммунизм удастся свергнуть только общими усилиями всех поработанных народов, КОР устанавливал контакты с оппозицией из соседних государств. Мельхорн описывает ход польско-чешской встречи (поляков с представителями «Хартии-77»), которая состоялась в 1978 г. на Снежке в Татрах, а также рассказывает о состоявшихся в том же году в Москве встречах Збигнева Ромашевского с Андреем Сахаровым.

Представление диссидентских кругов в СССР автор решил начать с генерала Петра Григоренко. Свой выбор он обосновывает тем, что увидел в его протесте сходство с положением фон Мольтке из Крейзау. Оба принадлежали к верхушке Третьего Рейха и СССР, а их протест стал актом освобождения совести от давления лжи. С памятного выступления на партийной конференции 1961 г. в Москве с резкой критикой Хрущева Григоренко сделался непримиримым противником коммунистического режима. Он писал воззвания в поддержку крымских татар и «пражской весны», выпускал в самиздате брошюры. Автор пишет, что Григоренко был первым «инакомыслящим», которого было решено «вылечить» в психиатрической больнице. Следующая фигура в пантеоне непокорных — Татьяна Великанова. После ареста в 1969 г. Натальи Горбаневской она руководила изданием «Хроники текущих событий», содержащей информацию о политических преследованиях в СССР. По этому же образцу позже была основана «Хроника Литовской Католической Церкви», где описывались религиозные преследования; ее распространением занималась, в частности, Нийоле Садунайте, о которой также рассказывается в книге.

В отличие от антигитлеровцев или поляков, советские диссиденты не имели никакой формальной основы, нормативных принципов своей деятельности. Однако, подписав в 1975 г. Хельсинское соглашение, власти предоставили им такую основу, которая позволяла диссидентам завязывать контакты, апеллируя к мнению

западной общественности и информируя ее о случаях вопиющего нарушения этого соглашения в СССР. Автор рассказывает о деятельности Московской Хельсинской группы и подобных ей групп в Литве и на Украине. Среди украинских диссидентов он описывает трагическую судьбу поэта Василя Стуса, умершего в лагере в 1985 году. Этот факт вызвал замешательство у немецких участников проекта в Кшижовой, которые были воодушевлены лозунгами «перестройки» и «гласности» Горбачева, но не предполагали, что в СССР до сих пор происходят жестокие политические репрессии. Автор также уделяет большое внимание описанию сотрудничества между группами, с тем чтобы, создавая связное историческое повествование, выделить постоянные черты, характерные для диссидентского движения в СССР. Завершается книга описанием возникновения «Солидарности» и распада советского блока.

Главное достоинство книги — в том, что она вводит в оборот неизвестные материалы: обращения, заявления, стенограммы, письма и воспоминания. Она наверняка станет постоянным источником цитирования для многих научных исследований. Однако современность все еще дописывает к этой книге эпилог, который трудно назвать оптимистическим. Несмотря на падение коммунистической системы настоящего примирения Восточной и Западной Европы так и не произошло. Во многих постсоветских республиках нынешние власти придерживаются авторитарных методов управления. Зло коммунизма ускользнуло от правосудия, а его преступления против человечности не были осуждены никаким международным трибуналом. Поэтому победа оппозиционеров и диссидентов, чьи судьбы мы прослеживаем в книге, оказалась лишь частичной. Нашим детям и внукам мы оставляем мир релятивистских ценностей, в котором так и не совершилась окончательная победа добра над злом. Этот релятивизм еще долго будет отравлять жизнь в странах бывшего советского блока. На основе этих размытых ценностей посткоммунистическая номенклатура подчинила собственным интересам многие политические и хозяйственные сферы, пользуясь хорошо освоенными методами времен СССР. Анна Политковская, Георгий Гонгадзе, заключенные в тюрьмы белорусские оппозиционеры — все они могли бы стать героями следующей части этой книги, поскольку, говоря словами Вацлава Гавела, «хотели жить по правде».

Ludwig Mehlhorn (współpr. Fritz Delp, Annemarie Franke, Katarzyna Madoń-Mitzner). Odrzucając kłamstwo. Z historii oporu i opozycji antytotalitarnej w XX wieku. Książka towarzysząca wystawie. Tłum.

Joanna Barełkowska i zespół. Krzyżowa: Fundacja Krzyżowa dla Porozumienia Europejskiego i Kreisau-Initiative e. V., 2012.

КУРОПАТЫ — ОБЩАЯ БОЛЬ ПОЛЯКОВ И БЕЛОРУСОВ

29 октября 2012 г. в трагическом для каждого белоруса месте — урочище Куропаты — энтузиасты установили памятный знак в память об офицерах польской армии, расстрелянных в Минске в 1940 году. Однако на следующий день памятник исчез. После этого один из инициаторов создания мемориала польских военнослужащих обвинил в вандализме членов белорусской Консервативно-христианской партии БНФ. В начале декабря 2012 г. активисты общества «Мемориал» попытались повторно установить знак, однако через три дня после установки знак вновь был украден.

Лидер БНФ Зенон Позняк назвал установку такого памятника «провокацией» в связи с тем, что якобы точно неизвестно, похоронены ли в Куропатах расстрелянные НКВД польские офицеры. В свою очередь белорусский исследователь сталинских преступлений Игорь Кузнецов заявил, что «монополизация памяти о Куропатах приведет только к негативным последствиям»: «Недопустимо, чтобы память монополизировала какая-то партия, какая-то общественная структура, и никто индивидуально не имеет право на монополизацию памяти. Это незыблемый принцип, который должен соблюдаться». Инициаторы установки памятного знака подчеркивают, что памятник устанавливался в память об «офицерах польской армии», среди которых были и белорусы.

К сожалению, и некоторые современные белорусские публицисты выступают против создания в Куропатах мемориала польских граждан, ставших жертвами сталинских репрессий в Минске весной 1940 года. К примеру, Виталий Воронов в одной из своих статей в белорусском интернет издании «Arche» заявляет, что «возведение памятников польским офицерам на территории главного национального мемориала является косвенным утверждением рижского раздела, на основе которого Беларусь была разделена между Советской Россией и Польшей». Раздаются и утверждения, что на шоссе в Логойск якобы нет польских захоронений. По нашему мнению, такого рода высказывания — банальная демагогия, к тому же в некотором смысле повторение постулатов официальной белорусской пропаганды, которая

отрицает факт массовых репрессий против польских граждан в Минске весной 1940 года.

В качестве информации к размышлению приведем лишь некоторые факты, касающиеся истории сталинских репрессий против разных категорий польских граждан на территории БССР. 22 марта 1940 г. Лаврентий Берия подписал приказ №00350 «О разгрузке тюрем НКВД УССР и БССР». В этом документе, в частности, предписывалось из тюрем западных областей Белорусской ССР перевезти в Минскую тюрьму 3000 арестованных:

- из Брестской тюрьмы — 1500 человек,
- из Вилейской тюрьмы — 550 человек,
- из Пинской тюрьмы — 500 человек,
- из Барановичской тюрьмы — 150 человек.

Для оказания помощи НКВД БССР в организации перевозок арестованных предписывалось откомандировать начальника отделения Главного тюремного управления НКВД СССР, капитана госбезопасности Чечева. Наркому внутренних дел БССР, комиссару государственной безопасности 3 ранга Л.Цанаве предписывалось работу по перевозке арестованных из тюрем западных областей БССР в Минскую тюрьму закончить в декадный срок. Кроме этого, заместителю наркома внутренних дел СССР комкору Масленникову и начальнику Главного управления конвойных войск комдиву Шаранову приказывалось выделить необходимое количество конвоя и организовать тщательную охрану арестованных с целью недопущения побега.

В соответствии с этим приказом ответственность за обеспечение порядка при транспортировке возлагалась на командира 15-й бригады конвойных войск НКВД полковника П.Папова. Следует отметить, что данное подразделение внутренних войск было создано 13 апреля 1939 г. приказом НКВД СССР №00206. В состав 15-й отдельной бригады конвойных войск НКВД входили: 226-й конвойный полк (Минск), 131-й (Гродно) и 136-й (Смоленск). Чуть позже в состав бригады вошли 132-й (Брест) и 137 (Барановичи) отдельные батальоны конвойных войск НКВД.

В это же время на имя народного комиссара путей сообщения СССР Л.Кагановича пришло секретное сообщение. Приведем ту часть, которая касается Белоруссии:

«Необходимо вывезти в десятидневный срок заключенных из западных областей БССР в гор. Минск — 3000 человек. Для этой цели НКВД СССР просит Вашего распоряжения выделить по заявкам НКВД УССР и БССР оборудованные вагоны под людские перевозки из следующих дорог:

- Брест-Литовской железной дороги — 100 вагонов,
- Белостокской — 23 вагона,
- Западной — 32 вагона.

Назначением в город Минск.

О Вашем распоряжении прошу сообщить Наркомвнудел Союза ССР».

О том, как выглядела процедура вывоза «польского контингента» из тюрем Западной Белоруссии, мы можем узнать из воспоминаний полковника Войска Польского Владислава Худого, который находился в тюрьме в Бресте. «В конце марта из камеры начали вывозить моих коллег. Происходило всё без какого-либо судебного процесса. Никто не озвучивал приговоров или решений. В камеру входил офицер НКВД и с бумаги прочитывал две-четыре фамилии. Больше этих людей мы не видели», — вспоминал после войны польский офицер.

По информации польского исследователя, бывшего узника лагеря в Козельске о. Здислава Пешковского через минские тюрьмы могли пройти 5150 польских граждан, из которых около четырех тысяч было расстреляно. Среди этой массы людей было большое количество дипломированных специалистов по различным отраслям наук, докторов наук, доцентов, инженеров, врачей, адвокатов.

Ошибочно утверждать, что весной 1940 г. в Минске жертвами сталинских репрессий были лишь «польские офицеры». Безусловно, советские специальные органы обращали значительное внимание на польских военных, полицейских и государственных служащих. Вместе с тем в поле зрения НКВД попадали и другие категории польских граждан, прежде всего интеллигенция. Приведу лишь несколько примеров того, кто весной 1940 г. содержался в Минских тюрьмах НКВД и мог оказаться в печально известном расстрельном Белорусском катынском списке. В сентябре 1939 г. в Волковыске был арестован владелец поместья Горностаевичи Генрик Бутовт-Анджейкович. Сначала его держали в тюрьме в Волковыске, а

весной 1940-го этапировали в Минск. Следы этого человека теряются в столице БССР.

13 декабря 1939 г. в Бресте был арестован врач, хирург, бывший комендант окружного госпиталя в Бресте, полковник резерва Войска Польского, владелец фольварка Перавилки в Брестском уезде Леонард Шмурло. До марта 1940-го этот человек содержался в брестской тюрьме, а затем был переведен в Минск.

Похожая судьба была и у Мариана Коваличко. До сентября 1939 г. он вместе с супругой Юлией и дочерью Марией жил в фольварке Чучевичи Лунинецкого уезда Полесского воеводства. Учитель по образованию, в 1930-х годах Коваличко работал в органах местного самоуправления. Во время мобилизации в конце августа 1939 г. Коваличко поступил на службу в Корпус пограничной охраны и был направлен в батальон «Лунинец», который входил в состав оперативной бригады «Полесье». С первых дней войны с гитлеровской Германией большинство подразделений Войска Польского, дислоцировавшихся в восточных воеводствах Польши, были переброшены на западный театр военных действий. В одном из боев с частями Вермахта Мариан попал в немецкий плен, однако ему удалось бежать и вернуться домой. К тому времени Западная Белоруссия уже стала советской. В октябре 1939 г. Мариан получил повестку из районного отдела НКВД в Лунинце, в которой ему предписывалось незамедлительно явиться в это учреждение для постановки на учет. Добровольно пришедшего человека сразу же арестовали и вскоре отправили в распоряжение Минского НКВД. Этот трагический список можно продолжать дальше, но и так становится понятно, что весной 1940 г. в минских тюрьмах НКВД оказались различные категории граждан Второй Речи Посполитой.

О том, что поляков скорее всего расстреливали в расположенных под Минском Куропатах, свидетельствовали и сами сотрудники НКВД. Вот выдержка из показаний бывшего тюремного надзирателя А.Знака: «В 1939 г. меня назначили начальником склада. Я принимал вещи у задержанных, а потом отдавал их, когда арестованных выводили. Я знал, что сотрудники комендатуры расстреливали заключенных. Они сами этого не скрывали. Но не говорили, кого и куда возят. Однажды один из сотрудников комендатуры подвыпил и рассказал, что расстреливают в основном «западников» в лесу за городом, недалеко от дороги на Логойск». А вот свидетельство надзирателя внутренней тюрьмы НКВД И.Кмита: «Приговоры приводили в исполнение сотрудники

комендатуры НКВД. Иногда, когда «пациентов» было очень много, сотрудникам комендатуры в помощь давали людей из других отделов».

Вахтер комендатуры НКВД БССР Сергей Захаров вспоминал: «По приказу коменданта я и другие конвоиры, фамилий их уже не помню, часа в 22–23 подъехали на крытой брезентом грузовой машине к «Американке». Охрана тюрьмы посадила в кузов несколько арестованных. Было их не менее 20 человек. Я не ходил туда, где расстреливали, сидел в кузове и охранял осужденных. Не помню точно, кто — исполнитель или охранник — пришел, взял одного человека и повел. Раздался выстрел. Потом пришли за другим осужденным, вывели его, снова прозвучал выстрел. Таким образом расстреляли всех. Судя по одежде, а особенно по обуви, среди конвоированных было много жителей Западной Белоруссии. Некоторые из них были одеты очень роскошно, другие скромнее. На некоторых была очень дорогая обувь, выполненная на заказ. Такую носили на Западе. В 1937–1938 гг. на расстрел каждую ночь возили. И в 1940–м, после присоединения Западной Белоруссии, работы также было много».

Кстати, протокол встречи сотрудников польской прокуратуры с их белорусскими коллегами в 1994 г. также свидетельствует о том, что в Куропатах, по всей вероятности, расстреливали польских военнослужащих. В документе, в частности, подчеркивалось, что в урочище Куропаты были найдены пуговицы от белья, которое использовалось в армии Второй Речи Посполитой.

Приведенные выше факты доказывают, что война с памятью, которую предприняли некоторые представители белорусского общества, — это не просто глупость, но и преступление против своей собственной истории. На самом деле не важно, кто был погребен в куропатских могилах: поляк или белорус, католик, иудей или православный. Важно, что эта трагедия произошла на нашей, белорусской земле и жертвы сталинских преступлений заслуживают уважения к своей памяти. Кстати, в России, в Медном (Тверская область), кладбище расстрелянных в 1940 г. польских полицейских располагается рядом с кладбищем советских граждан, которые также стали жертвами НКВД. То же самое и в Катыни. В Куропатах нужно создать совместный белорусско-польский мемориал, так как это общее место скорби белорусов и поляков. Давно пришло время почтить память невинно убиенных там людей вне зависимости от их государственной и религиозной принадлежности. Это, в конце концов, по-христиански.

Заславль, 30.12.2012

«ГЕКТОГРАФ — ЭТО ТАКАЯ ЭЛЕМЕНТАРНАЯ ЖЕЛЕОБРАЗНАЯ ШТУКА...»

— Расскажи про сюжет с твоей польской листовкой. С чем это было связано? Как ты вообще к этому пришел?

— Сюжет с листовками он такой какой-то... не очень. Сюжет и сюжет. Эта была моя индивидуальная «партизанщина», и никакого влияния на ситуацию в стране она, конечно же, не оказала, в отличие от легальных публичных действий диссидентов.

Листовок было две. Сначала была афганская листовка.

В декабре 1979-го были введены наши войска в Афганистан. Тогда я работал в Институте физиологии растений. Вначале я был младший, потом просто научный сотрудник, до старшего так и не дожил, потому что ушел в «Мемориал». По образованию и профессии я биолог, физиолог растений. Сколько мне было лет? Ну, считай, уже взрослый был мальчик, если я 1953 года рождения.

С момента ввода войск в Афганистан мое отношение к этому событию, как я теперь понимаю, было примерно таким же, как к войне в Чечне. Когда ввели войска, я понимал, что там что-то страшное творится. Слушал «Голос Америки», «Свободу», Би-Би-Си, еще что-то. А потом так называемые наши «афганцы» стали возвращаться и рассказывать, что они там творят. Через знакомых, у которых таким «афганцем» был сын или товарищ сына, доходили слухи, что там с мирным населением поступали так, как позже наши в Чечне. Причем рассказы эти были такие: «Убивают — ну и что? Все эти местные — гады, там нет мирных людей, там все бандиты. Днем он мирный, вечером — бандит. Дети — бандиты, женщины — бандиты, старики — бандиты. У каждого под халатом автомат. И все они наших мочат. Ну, правильно наши, значит, их тоже всех подряд мочат». Среди советских людей такая точка зрения бытовала. Я ее слышал, и меня это всё очень задевало. Мне казалось, что если весь советский народ таким образом выражает «солидарность» с афганским народом, то, значит, надо как-то высказать иную точку зрения.

Потом постепенно я увидел, что и в этом советском народе начинает вызревать какое-то понимание. Правда, это было связано исключительно с тем, что оттуда стали привозить гробы. И вот только с этими гробами, с тем, что там убивают наших ребят, у людей начало вызревать какое-то недовольство.

Я вообще-то давно чувствовал неудовлетворенность своей жизнью в советском обществе и был, как и все, как вся интеллигенция... Нет, не вся, вру. Какая вся интеллигенция? Ну, какая-то часть интеллигенции. Может быть, даже меньшая часть. Читал самиздат, передавал этот самиздат, обменивались самиздатом, Галича слушали — такое пассивное... даже не сопротивление, а какое-то пассивное фрондерство. Но меня это не устраивало, мне чего-то хотелось большего. Не знаю, был какой-то внутренний позыв как-то выразить свое отношение к этому строю, ко всему, что творится, к этой мерзости. Но мне казалось на тот момент (это вторая половина 1970-х — начало 1980-х), что диссидентское, правозащитное движение — это путь в тупик, в никуда. Теперь-то я знаю, что это чушь собачья, неверная оценка, но тогда так казалось. Я, естественно, знал имена диссидентов, политзэков, какие-то самиздатские вещи читал, слушал «голоса» про них. Конечно, я считал их героями, замечательными людьми и, в общем, большой пиетет к ним испытывал. Но мне казалось на тот момент, что государство загнало это движение в тупик. Посадки одного, второго, третьего — вся борьба сводится к борьбе против политрепрессий. И политрепрессированные — это прежде всего люди из их собственной среды, их соратники. И в результате вся борьба сводится к самозащите, к сожалению. А легальная деятельность Сергея Адамовича Ковалева и других (в подполье они не хотели уходить и считали возможным только легально работать) с точки зрения тогдашнего Орлова казалась бесперспективной. Чего-то сделаешь — посадят. Следующий тебя будет защищать — его за это тоже посадят. Мне казалось, что более перспективна попытка создать что-то нелегальное — подпольное движение, группу, не знаю. Но, к сожалению, я не нашел среди своего окружения, среди массы людей, которые отрицательно относились к советскому строю, к коммунистической партии, никакой готовности к активной деятельности. Ну, не было. Я вот такой был, видимо, один. Искать как-то шире, кроме как среди узкого круга людей, которым я доверяю, мне казалось бессмысленным. Потому что вычислят, найдут, сразу я засвечусь. Я понял, что у меня нет никакого пути, кроме как быть одиночкой — вот такой партизан-одиночка. Решил печатать листовки. Это я делал, как я теперь понимаю, скорее для себя, чем для чего-то. Но мне казалось, что это важно делать.

— Как и все, мы тогда, конечно, преувеличивали всевластие КГБ, и считали, что КГБ — это такая всепроникающая машина, имеющая везде щупальца, сразу найдут и т.д. Это было, мягко говоря, преувеличением.

— Как я уже сказал, после ввода войск в Афганистан я видел рост протестных настроений. Мне казалось, что настал момент, когда самое время показать, что не все согласны с «курсом партии и правительства». Надо людям объяснить, что наши там творят преступление и это преступление вызывает ответную реакцию, что эти преступления вернутся неизбежно к нам сюда, в СССР, и гробов, которые оттуда везут, будет всё больше и больше. И виновато в этом руководство страны. Примерно так я написал в листовке, только более примитивно и очень коротко. То есть всё, что мы говорим сегодня про войну в Чечне, я тогда как-то попытался изложить в листовке про Афганистан.

— Листовка была маленькая — листок формата А4. Как-то я услышал, что есть такая классная штука гектограф, на них печатают листовки. Видимо, это какая-то громадная машина. Потом я взял и прочел, что такое гектограф. Выяснилась просто потрясающая вещь: оказывается, гектограф — это такая элементарная желеобразная штука на основе желатина, туда глицерин добавляется, вода. Заливается это желе в горячем виде в ванночку и там застывает. А дальше ты просто печатаешь, или рисуешь, или пишешь анилиновыми красками на листе бумаги, затем делаешь оттиск с листа на этом желе. Затем прижимаешь к этому оттиску на желе чистые листы бумаги, и он на них отпечатывается. Количество отпечатков зависит от качества реактивов, краски и т.д. Можно снять до нескольких десятков хорошо читаемых оттисков. Меня это потрясло: оказывается, не надо ни машин, ни типографий, ничего, можно в домашних условиях всё это просто сделать.

И вот это я быстренько соорудил. Купил желатин. С работы утащил глицерин, благо я работал в академическом институте, реактивы там все были. Сделал анилиновые чернила — из спертого опять же из института реактива. Анилиновый краситель у меня был красный.

Дальше я на машинке напечатал текст. Трудоемкая вещь, потому что каждую напечатанную букву ты потом прописываешь анилиновыми чернилами... Я мог бы и от руки писать всё это печатными буквами. Но я считал, и правильно считал, что, во-первых, печатными буквами самому весь текст рисовать будет значительно труднее. Во-вторых, все равно у меня было в голове: а черт их знает, а как-то моя рука будет

видна, а поймают?.. Надо делать так, чтобы было абсолютно анонимно и неузнаваемо. И если обводить напечатанный текст, это и будет абсолютная анонимность. Я напечатал несколько матриц. Потом брал приготовленные чернила, обводил эти буквы. Вот единственно трудоемкая вещь — сидишь вечером или ночью и обводишь этот текст на А4. Обвел. Дальше что? Всё делается в обычной фотографической ванночке валиком для раскатки фотографий. Приложил лист к желе, валиком раскатал, снял, взял чистый лист и т.д. Делал опять же только в резиновых перчатках, чтобы не было отпечатков. Всё по науке было. Кстати, тоже с работы стащил перчатки резиновые. Я не помню, сколько у меня максимум было? По-моему, до тридцати было отпечатков. Последние, конечно, слеповатые, но все-таки читаемые. Тираж — порядка ста листовок.

Дальше чего? Брал клей силикатный, помню, чтобы уж приклеить, так отодрать было бы нельзя. Особенно подходящими в те годы мне казались автобусные остановки, они из стекла были сделаны. Силикатным клеем к этой стеклянной автобусной остановке — отодрать ее просто нельзя, только ножом скрести. Опять же всё в перчатках. Поздно ночью, чтобы никого не было, уже после часу. И не возле своего дома, нет. Вот в час уезжает последнее метро, всё, никого нет. А я выбирал наугад какие-то такие районы, откуда потом можно пешком куда-то выйти. Опять же пешком шел, не тут брал такси, а шел куда-то в сторону от дома, там брал такси. Если КГБ будет искать таксистов, которые ночью кого-то откуда-то вывозили... — нет, нужно садиться в такси в другом районе...

Дальше расклеивал эти листовки. Иногда на автобусных остановках. Но это, конечно, опасно, потому что открыто: видно, что кто-то расклеивает. Если поздно ночью никого нет, значит, можно. В подъездах. Тогда еще в большинстве подъездов никаких кодовых замков не было. Открываешь подъезд, расклеиваешь в подъезде. Или в лифте. В телефонных будках. Там тоже стекло — хорошо на стекло: ляпнешь, раскатаешь и пошел. Никто даже не видел — кто-то зашел, кто-то ушел. Нельзя сказать, чтобы я это делал каждый вечер, каждую ночь. Это не было так, что завалил. С перерывами. Несколько раз сделал, потом у меня был перерыв, потом еще раз сделал.

А да, вот интересный момент. По детективам (смотришь по телевизору детектив и набираешься «опыта») я так прикинул: чего будут делать они, по чему они могут меня найти? По бумаге? Бумага обычная, купленная в магазине, всё

стандартное. Что нестандартное? Нестандартен только анилиновый краситель. И глицерин, который тоже с работы сперт. По этим химикатам можно найти — куда и откуда такой анилиновый красный краситель поступает? Я тогда взял и набухал туда, поскольку с водой это делалось, солей магниевых, калиевых, натриевых, немного хлора добавил, чтобы они не поняли. А черт его знает, откуда такой анилиновый красный реагент? Понимаешь, это дополнительные какие-то загрязнения, и непонятно, откуда. Они не сообразят, что это я сам сделал. Какие-то странные красители, с какими-то сильными ионными солевыми загрязнениями — вот это им затруднит выход на мой институт. Может, и правильно я так делал. Вот, собственно говоря, так я делал и афганские, и польские штуки. Афганский текст у меня был один, один-единственный. Не помню, сколько раз делал, ну, немного. Это не было так, чтобы завалил Москву. Нет, с перерывами делал. Тираж сделал, расклеил, потом перерыв. Потом снова. Боялся довольно сильно, испытывал довольно интенсивные эмоции — страшно, конечно, черт знает, каждый раз, чем кончится...

— **Удача вдохновляла? Адреналин, драйв.**

— В какой-то степени вдохновляла, когда приходил домой. Но, в общем, нет. Знаешь, мне кажется, боязнь скорее мешала мне. Она неприятна. Я бы сказал, неприятное чувство. Это, наверное, какое-то ощущение: вот считаю нужным, и вот сделал. Вот правильно сделал. Такое ощущение, я не знаю, чего. Чего-то такого, что я считал нужным. Понимаешь, я долго чего-то хотел сделать, хотел — и ничего не делал. Жить, когда ты всё время чего-то хочешь, думаешь, а оно у тебя в мечтах всё время, — это, в общем, саморазрушение какое-то, когда мечты остаются совершенно нереализованными. Вот, наверное, это было осуществлением того, что хотел. Против саморазрушения.

— **А как было с польской листовкой? Что тебя подвигло?**

— У меня было место, куда я прятал афганские листовки. Но когда я стал делать польские листовки, я понял, что, если поймают на польских, пришьют и афганские. И я не хотел облегчать им ситуацию и афганскую матрицу, и все оставшиеся листовки, несколько экземпляров, уничтожил.

Текст польской листовки тоже был один. Поэтому я и говорю: это был эпизод, а не системная большая работа. Я, конечно, очень сочувствовал «Солидарности». Вот я слушал про польские дела и думал: «Ха а [на вдохе], чего там творится-то. А?! Вот это да! Во дают жизни!» А потом, накануне введения военного положения, было полное ощущение, что там что-то случится.

И случилось... Но мне казалось, что повторится Чехословакия 1968 года. На самом деле это все так, по-видимому, считали. Теперь мы знаем, что это действительно готовилось и просчитывалось, это был очень вероятный вариант. Прав я оказался в этом смысле. И я боялся: не сегодня-завтра туда введут наши войска, и снова будет объявлена «братская помощь» несчастной Польше, и наш народ «в едином порыве одобрит призыв» давить этих негодяев, которые там... Мол, «наши солдаты там проливали кровь, а они теперь американцам продаются» — что-нибудь в этом роде. И я посчитал очень важным вот именно сейчас донести другую точку зрения. Ну а дальше был текст листовки. Смысл такой: «Ребята, вам тут врут про «Солидарность», не верьте. «Солидарность» — это настоящий профсоюз, который защищает права трудящихся. А знаете ли вы, что последний коммунистический режим Кани и других — это настоящий коррумпированный режим, с которым «Солидарность» ради интересов трудящихся и боролась?.. И вот сейчас на ваших глазах не сегодня, так завтра от вашего имени пошлют туда войска. Поймите, что это неправильно, надо протестовать всеми имеющимися средствами, каждый — кто как может».

И еще важный момент. Я же подписывал как листовку? Я же делал вид, что как будто бы есть некое движение, есть группа. Я подписывал это от имени группы «Действие». Я выдавал, что якобы есть такая мощная организация, значит, подпольная, действующая. Ну и некоторое время я расклеивал листовки. А потом случилось введение военного положения. Но события всё же стали разворачиваться иначе, чем я боялся.

Польских листовок я изготовил меньше, чем афганских, потому что просто времени было мало. Афганских было несколько сотен. Мне трудно сейчас сказать. А с польскими я не помню сейчас, когда точно, за месяц до введения, наверное, я только начал их делать, — и ввели военное положение. А после этого чего было расклеивать? Может, надо было расклеивать «Какое безобразие!» — но я уже не стал. Наши войска не ввели, своими силами обошлись, обращаться к советскому народу повода как бы и не было. Вот весь мой, собственно говоря, опыт по Польше.

— Кто-нибудь из домашних узнал об этом?

— Ай, ужас — мама узнала. Ой, скандал был. «Ой, да что ж ты делаешь? Да ты с ума сошел!? Ты — идиот! Зачем?..» Ужас-ужас. Неприятная была история.

— На изготовлении каких листовок мама всё обнаружила, афганских или польских?

— А я не помню, на чем она нашла.

— То есть ты прекратил не в связи с маминой реакцией?

— Нет, нет, не в связи. Но это было неприятно.

— А потом как ты воспринимал события в Польше?

— Хорошо воспринимал события польские поздние. Конечно, я очень переживал все эти рассказы о введении военного положения, об арестах и о задержаниях «Солидарности», о разгоне всех попыток сопротивления у них — тяжело воспринимал. Потом было приятно слышать, как бы у них вроде что-то продолжается. Подпольно, но продолжается борьба. Естественно потом, когда началась наша перестройка, у них потом пошла «Солидарность» — возникла, победила, всё было замечательно. Но к этому моменту мы уже сами были не лыком шиты на самом деле. К моменту победы демократических революций, бархатных революций в Восточной Европе, что в Чехословакии, что в Польше, у нас-то тоже своя шла. Я был уже далеко не одиночка. И у нас, слава Тебе Господи, еще какая борьба была! И вообще-то мы в тот раз первые начали. Начали мы первые, они вслед за нами. Потом у них была уже победа, а мы несколько от них отставали. Они в 1989-м в Польше и в Чехословакии, а мы в 1991-м. Но это всё равно уже не было так, что у них что-то, а у нас — ничего.

— Когда ты перестал слушать голоса?

— Думаю, что я совсем перестал слушать Би-Би-Си и «Голос Америки» с началом перестройки и до сих пор не слушаю. А радио «Свобода» я никогда не переставал слушать, сейчас слушаю и тогда слушал. Конечно, когда возникло «Эхо Москвы», оно значительную часть времени «Свободы» отняло. Но а так до сих пор у меня было две кнопки.

— Скажи, ты с кем-нибудь это обсуждал из своих друзей?

— С друзьями обсуждал, конечно. Со своими друзьями я говорил обо всём, даже с частью из них я говорил и про листовки, про то, что я делаю.

— А кто-нибудь из твоих близких знал про эту группу «Действие» и про листовки?

— Несколько моих близких друзей знали. Понимаешь, я, с другой стороны, ведь понимал, что я говорю ребятам, а это значит, что я ввязываю их в историю. Они же не готовы активно участвовать. Значит, соответственно, если я им говорю, то они недоносители. Их могут спрашивать, значит, они будут врать, и им тоже светит срок. В общем-то, я большинству-то своих знакомых просто не говорил это. Осторожно говорил лишь с троими друзьями, наверное. Всё знал только один мой хороший друг Володя Тябликов, он до сих пор научный сотрудник в отличие от меня. Остальным двоим я в меньшей степени это всё говорил только потому, что понимал: они хоть и сочувствуют мне целиком и полностью, но не готовы к активной деятельности. А раз не готовы, чего же мне их под срок подставлять?

— Для тебя была важна традиция поддержки Польши в России?

— Ну, конечно. Это традиция, от Герцена идущая, да? Это, конечно, исторически сложные отношения Польши и России и традиция поддержки частью российского общества польского сопротивления. В какой-то степени да, я себя ощущал в рамках традиции, да. Наверное, в рамках продолжения некоторой линии я себя ощущал.

— Чем была Польша в то время для тебя? Как тебе сегодня кажется?

— Ну как? Все говорили, что в социалистическом лагере самый веселый барак. Нормально.

— Это все говорили. А что ты сам для себя считал?

— Польша была таким авангардом сопротивления. В отличие от Чехословакии, в которой мне была непонятна вся история их «пражской весны». Ну, да, весна, замечательный прорыв, всё прекрасно, и как потом при минимальном их сопротивлении всё это было подавлено. Сопротивления практически не было, некоторое сопротивление было, но не очень сильное. Страну оккупировали, правительство скурвилось, Дубчек сдал всех с потрохами. Конечно, я сильно переживал в 1968 году. Тогда я перешел в 10 класс. В сентябре 1968-го я пришел в свой класс и столкнулся с тем, что ребята взахлеб рассказывают о том, как в очередной раз наши замечательные солдаты занимали эту Чехословакию... И как я с ними сцеплялся, спорил. Кто-то там нашелся, кто меня поддерживал. Но для меня оккупация Чехословакии — это был шок, в общем, ну, не шок, травма какая-то внутренняя. Тем более у меня и отец очень сильно

переживал по этому поводу, и все его друзья-приятели как бы тоже очень сильно переживали.

Но ситуация в Польше, в отличие от Чехословакии, мне очень импонировала, потому что там действительно мощное народное движение, там продолжается подпольная работа. И туда не рискнули вводить войска, потому что это, видимо, вызвало бы значительно более сильное сопротивление. И, конечно, это замечательно, что всё с такой мощностью возродилось там вскоре. Поэтому Польша была для меня примером борьбы с тех пор.

Записано 2 марта 2010 в Москве

ПОЛЬКА ИЗ МОСКВЫ

Она сыграет в «Женитьбе» Гоголя в постановке Ивана Вырыпаева.

Эта роль может стать у нее одной из главных.

Потому что Каролина Грушка создана для русской классики.

Иван Вырыпаев впервые поставит в театре спектакль по тексту, который написал не сам. Прозвучит ли актуально история девушки на выданье, выбирающей себе кандидата в мужа? Как будет выглядеть русская классика в постановке режиссера, творчество которого соединяет в себе эстетику Квентина Тарантино и Андрея Тарковского? И — прежде всего — какое значение этот проект имеет для Каролины Грушки?

— Мы с Ваней уже давно говорили о том, чтобы попробовать применить те театральные методы, которые мы вместе наработали, к классике. Нам было интересно посмотреть, как это сработает, — рассказывает Каролина, которая в «Женитьбе» сыграет Агафью Тихоновну.

Вышеупомянутый «метод» заключается в установлении контакта со зрителем. Актер на сцене занят не своими эмоциями, а тем, чтобы каждую секунду удерживать внимание зрительного зала. Такое понимание театра характерно для русской драматургической школы, а Каролина Грушка вместе с Иваном Вырыпаевым уже несколько лет и в личном, и в профессиональном плане живет между Польшей и Россией.

Каролина участвует практически в каждом театральном или кино-проекте мужа.

— К счастью, Иван не занимается чисто «режиссерским» театром, где гуру выстраивает вокруг себя круг зависящих от него «верных», — говорит Грушка. — Актеры для него — не марионетки, необходимые для воплощения герметичного авторского замысла. Он скорее ведет актеров в театральное путешествие. Его театр — это, прежде всего, театральный текст, в котором у каждого есть возможность найти свой язык.

И хотя профессиональные занятия проникают в их личную жизнь, где в последнее время всё вертится вокруг полугодовалой дочери, паре удастся сохранить равновесие

между этими двумя сферами. Как говорит Грушка, в основном это удается благодаря тому, что ни она, ни муж не занимаются экстремальным искусством, требующим полной перестройки себя, крайней трансгрессии, эмоционального насилия. Их художественные эксперименты носят иной характер и проходят иначе. В них нет «разрушительного» элемента.

— На сцене я делюсь теми эмоциями, которыми готова поделиться, — говорит актриса. — И никто не вырывает их у меня силой.

Каролина познакомилась со своим мужем семь лет назад на кинофестивале в Киеве. На нее произвел огромное впечатление показанный тогда фильм Вырыпаева «Эйфория». Но ее тяга к России началась еще до этого знакомства. Еще до поступления в театральный институт семнадцатилетняя Каролина снималась в «Капитанской дочке» по Пушкину в Петербурге. Тогда она не говорила по-русски, не знала ни мест, ни людей, но знала, что хотела бы когда-нибудь вернуться в Россию. И вернулась — спустя десять лет, в 2007 году.

Сначала Москва давила на нее, казалась чужой и неприступной. Проблемой становились самые элементарные вещи, она не понимала даже, как по этому городу перемещаться. Со временем через Вырыпаева она вошла в среду русского альтернативного театра. Язык знала плохо, но — парадоксальным образом — ей помогал статус иностранки.

— Русские очень любят польский акцент, с симпатией относятся к иностранцам. А актриса из Польши ассоциируется у них с легендарной Барбарой Брыльской, элегантной, таинственной и недоступной звездой, — рассказывает Каролина. И однако, несмотря на активные старания цветных журналов по обе стороны границы, она отказалась становиться знаменитостью и этой позиции придерживается неуклонно.

Зато сегодня она свободно говорит по-русски, в Москве у нее появились свои любимые места и близкие люди, и когда она приезжает туда, то не чувствует себя за границей.

— С одной стороны, этот город дает множество возможностей — здесь проходят уникальные семинары, мастер-классы, спектакли, концерты. С другой — жизнь в 15-миллионном котле кипит на большом огне без перерыва, и человек чувствует себя немного как в духовном супермаркете, — признается актриса. Поэтому хотя она и привыкла уже к московскому ритму, который называет «кокаиновым», но старается держаться подальше от его главного потока. И

признается, что, наверное, не смогла бы поселиться в Москве навсегда.

— Пересекая границы, мы оба поддались некоторой ментальной наивности, — говорит Грушка. Она, въезжая в Россию, воображала себе, что найдет там сплошь театральных наследников Чехова и Станиславского. Вырыпаев в свою очередь надеялся встретить в Польше учеников Гротовского или Кантора. Сегодня они смеются над своими стереотипами. — Я приехала в Москву, немного походила по знаменитым, престижным театрам, получила интересные впечатления, но, честно говоря, не увидела ничего, что бы меня особенно сильно тронуло.

С другой стороны, актриса радуется тому, что всё еще способна чувствовать себя в зрительных залах Москвы как обыкновенный зритель. Отдаваться спектаклю, не анализируя его с точки зрения техники.

— Муж смеется, что я перед выходом в театр всегда возбуждена, взволнована. Я радуюсь тому, что вскоре произойдет. Жду, когда погаснет свет и начнет подниматься занавес. Рассчитываю на диалог со зрителем и на эмоции. Мне не интересен замкнутый театр, который не заботится о зрителе.

Несколько месяцев назад Каролина Грушка отказалась подписаться под наделавшим шуму протестным письмом театрального сообщества против, говоря в общем, подхода к искусству как к инструменту. Лозунг протестующих звучал так: «Театр — это не продукт. Зритель — не клиент».

— Может быть, это только вопрос формулировки, но я в каком-то смысле считаю наоборот. Когда я выхожу на сцену, я осознаю, что человек, который сидит в зрительном зале, жертвует своим временем и деньгами. Поэтому я обязана заботиться о зрителе, о том, чтобы привлечь его внимание, и брать на себя ответственность за качество того, что предлагаю со сцены. В России говорят, что актер «служит» в театре. Я думаю, в этом что-то есть. Хотя система функционирования театров в Польше действительно устарела, — признаёт Каролина, — а устаревшие системы нуждаются в радикальных реформах.

Пока что актерско-режиссерский дуэт сбежал от русской зимы в Польшу. Но ненадолго: вскоре Иван должен вступить в обязанности директора московского театра «Практика» — одного из самых продуктивных центров современного

драматического искусства. Муж и жена мечтают также о собственной экспериментальной сцене, которая работала бы в обеих странах. Поэтому план номер один у Каролины Грушки остается тот же: быть полькой в России и москвичкой — в Польше.

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

На «Берлинале» нынешнего года польские фильмы не снискали лавров в главном конкурсе. Но и не остались незамеченными. Картина «Во имя...» Малгожаты Шумовской — история ксендза, работающего с так называемой трудной молодежью и переживающего эротическое увлечение одним из воспитанников, — получила премию «Teddy Award», присуждаемую фильмам о геях и лесбиянках. С «Хрустальным медведем» отбыла из Берлина Катажина Росланец. Ее фильм о молодых (слишком молодых) родителях «Бэби блюз» получил главный приз секции «Generation 14Plus», присуждаемый ежегодно подростковым жюри. Специальное отличие присудило фильму также и взрослое жюри.

На экраны кинотеатров в феврале вышло два фильма, с которыми киноманы связывали определенные надежды: «Автоинспекция» Войцеха Смажовского (на современную тему) и историческая картина Павла Хохлева «Тайна Вестерплатте». Но ни одна из лент не вызвала энтузиазма.

Смажовский рассказывал ранее о скверном, грязном мире польской провинции в таких высоко оцененных фильмах, как «Свадьба», «Плохой дом» и «Роза». На этот раз фоном его пессимистического взгляда стала современная Варшава. Повествование о варшавских полицейских, о коррупции и вседозволенности угнетает, как признали критики, изрядной упрощенностью. «Автоинспекция», — пишет Бартош Стащишин на портале Culture.pl — утопает в сиюминутной социологизации: «Польша Смажовского — это страна нищеты, бесправия, социального неравенства и всевластной олигархии. Это Дикий Запад: беззаконие, воры, шлюхи, убийцы. Здесь все плохие». Близкое мнение у Якуба Маймурека, рецензента «Критики политической»: «От такого крупного режиссера, как Смажовский, хочется большего. Меня угнетают карикатурные фигуры, грязь, в которую все погрузилось столь глубоко, что перестает вызывать сочувствие».

История борьбы поляков, сражающихся на Вестерплатте под командованием майора Генрика Сухарского с превосходящими немецкими силами, — одно из наиболее известных событий сентября 1939 года. «Вокруг Вестерплатте выросла легенда. С легкой руки Мельхиора Ваньковича и Константы Идельфонса Галчинского («Прямо в небо шеренгами шли») в течение

многих лет господствовало убеждение, что никто из бойцов не уцелел», — пишет Марек Садовский на страницах «Жечпосполитой». Однако во время боев погибло только 15 солдат, а последний из защитников умер в прошлом году. Легенду эффектно развил 45 лет назад Станислав Ружевич в своем фильме «Вестерплатте».

Томаш Рачек, главный редактор ежемесячника «Фильм», на своей странице «Фейсбука» разместил «Предупреждение для киноманов»: «Режиссер Павел Хохлев хотел сделать фильм, демифологизирующий легенду о героических защитниках кусочка земли в Гданьске, которые должны были первыми столкнуться со всей мощью Третьего Рейха, начинающего мировую войну. Однако чтобы что-то изменить, исправить, освободить ото лжи, необходимо сначала научиться ремеслу. Хохлев же исправил нам на экране историю боев за Вестерплатте столь же неумело, как 81-летняя старушка из Борха под Сарагосой, которая недавно решила освежить фреску с изображением Иисуса и превратила ее в мазню».

Другие критики были не столь категоричны, но сколько-нибудь серьезных похвал ревизионистский фильм Хохлева не удостоился. По мнению Камиля Смялковского (портал Stopklatka.pl), фильм, который должен был или претендовал стать таким нашим зрелищным «Перл-Харбором», получился школьным рассказиком с эффектами на уровне не слишком преуспевших в пользовании компьютером гимназистов. Тадеуш Соболевский из «Газеты Выборчей» считает, что «Тайна Вестерплатте» не захватывает: «В какой-то момент зритель ждет скорейшей капитуляции, чтобы этот полумертвый фильм наконец закончился».

Не вдохновляет...

Знаменательную, 50-ю премию им. Збигнева Цыбульского для лучшего польского актера молодого поколения получил Мартин Ковальчик за роль в фильме «Ты Бог» режиссера Лешека Давида. Выпускник Краковской высшей театральной школы воплотил образ Магика, лидера группы хип-хопа «Пактофоника». Эта замечательная роль была отмечена уже ранее: на фестивале польских художественных фильмов в Гдыне Ковальчик получил премию за лучший дебют, получил также «Золотую утку» как лучший польский актер 2012 года.

Фильм «Ты Бог», печальное изображение польского капитализма девяностых годов и рассказ об одном из феноменов польской музыки перелома, оказался настоящим хитом, привлек в кинозалы почти полтора миллиона зрителей.

Премия имени Збигнева Цыбульского — для молодых киноактеров, отличающихся выдающейся индивидуальностью — присуждается с десятилетним перерывом с 1969 года. Мартин Ковальчик получил ее на торжественной церемонии 21 января 2013 г. в кинотеатре «Иллюзион» — Музее киноискусства в Варшаве.

1 февраля исполнился год со дня смерти Виславы Шимборской. По этому случаю в Доме Шолайских, филиале Национального музея в Кракове, подготовлена выставка «Полка Шимборской». Экспозицию открыла первая дама Польши госпожа Анна Коморовская. Название почерпнуто из стихотворения «Возможности», в котором поэтесса признается, что «хочет полку». Посетители, открывая полки и ящики, открывают частную жизнь нобелевского лауреата. Видят нобелевскую медаль и диплом, орден Белого Орла, публикации, фотографии, а также забавные безделушки из квартиры Виславы Шимборской. Среди них зажигалка в виде подводной лодки, птичка, подающая клювом сигареты, и музыкальная шкатулка в виде свинки. «Я всегда была равнодушна к кичу», — призналась как-то поэтесса.

— Эта выставка «улетная», совершенно нетипичная, но поэтому очень близкая тому, что делала сама Вислава Шимборская, — сказал директор Национального музея Зофья Голубева. — Она выдержана в определенном сюрреалистическом духе, полна тайников, укромных уголков и сюрпризов.

8 февраля в подвалах дворца «Под баранами» открыта выставка выполненных Виславой Шимборской коллажей из открыток. Знаменитые аппликации поэтессы характеризует необычайное, сюрреалистическое чувство юмора. «Коллажи — это, несомненно, произведения искусства. Но также и сигнатура Виславы Шимборской. Стоит, однако, обратить внимание на их главный, пожалуй, смысл: это память о дружбе и призыв к дружбе», — написал профессор Леонард Неугер в тексте, специально подготовленном в связи с выставкой.

Дань памяти нобелевскому лауреату воздал также знаменитый джазовый трубач Томаш Станько, записав альбом под названием «Вислава». С ним играют музыканты «New York Quartet». Станько многократно встречался с Виславой Шимборской, выступил также на одном из последних авторских вечеров поэтессы в 2009 г. в Краковской опере. Он выступил тогда как комментатор поэзии, импровизируя краткие интерлюдии. На вопрос: «Почему Шимборская?» — он отвечает: «Когда я слушал, как она читает свои стихи, музыка

сама рождалась у меня в голове. Ее поэзия — это квинтэссенция смысла существования».

Во время краковского аукциона антиквариата «Rara Avis» за 14,4 тыс. злотых (при стартовой цене в 6 тыс. злотых) была продана рукопись пьесы Виславы Шимборской «Вместо: за извинением». На восьми листах плотной бумаги записан разговор между королем Владиславом Ягайло и его женой Ядвигой на тему их малоудовлетворительного союза. Это раннее и не представляющее существенной литературной ценности произведение датировано октябрём 1944 г. и посвящено Тадеушу Р., знакомому поэтессы. Рукопись, стилизованная под средневековый манускрипт, с цветными буквицами, выставили на аукцион наследники адресата произведения. Ее приобрел таинственный аноним, приславший свое предложение по почте.

У «Свята ксёнжки» («Мира книги»), четвертого по величине издательства на польском рынке, новый владелец. Оно куплено вроцлавским издательством «Буковый ляс», специализирующимся на беллетристике и литературе факта. В декабре прошлого года немецкая группа «Вельтбильд» (очередной, после «Бертельсмана», владелец «Свята ксёнжки») сообщила о своем решении уйти с польского рынка, что вызвало большое беспокойство. Свою поддержку оказавшемуся под угрозой издательству на странице «Фейсбука» «Давайте спасем “Свят ксёнжки”» выразило несколько тысяч человек. Нынешний владелец заявил, что в планах издательства на текущий год новые книги, например Михала Витковского, Януша Гловацкого и Щепана Твардоха.

30 января в Национальной библиотеке уже в десятый раз были вручены премии ежемесячника «Магазын литерацкый — Ксёнжки». Книгами 2012 г. признаны роман «Дом под лютней» Казимежа Орлося, «Пакт Риббентроп — Бек, или Как поляки могли на стороне Третьего Рейха победить Советский Союз» Петра Зыховича, «Джон Леннон. Письма», «Итинерарий» Якуба Скибы и альбом «Вера» Адама Буяка. Издательство «Соня Драга» отмечено титулом «Издатель 2012 года», а издательство «Sine Qua Non» — званием «Событие 2012 года» за блистательный дебют в издательском бизнесе.

Премия ежемесячника «Нове ксёнжки» за 2012 г. присуждена Радославу Романюку, автору биографии Ярослава Ивашкевича «Другая жизнь» (издательство «Искры»). С похвальным словом на церемонии 19 февраля в варшавском Доме литературы выступил профессор Яцек Лукасевич. Премию, учрежденную в пятидесятую годовщину журнала, материально обеспечивает

министр культуры. Первым лауреатом в 2000 г. был Тадеуш Ружевиц. В последующие годы премией были отмечены, в частности, Кристина Черни, Януш Деглер, Ежи Едлицкий, Рышард Капустинский, Уршуля Кóзёл, Казимеж Орлось, Барбара Скарга.

Ян Зелинский, историк литературы XIX и XX века, биограф и переводчик, стал в нынешнем году лауреатом Европейской премии им. Петрарки, присуждаемой за поэтическую биографию или антологию стихов. Он награжден за биографию Игора Неверли, озаглавленную «Шкатулки Неверли» (издательство «W.A.B.»). В 1978 г. лауреатом этой премии был Збигнев Херберт.

Анда Роттенберг, историк искусства и куратор многих выставок, стала первой женщиной, получившей премию им. проф. Александра Гейштора. Ее присуждают за выдающиеся достижения в исследовательской, выставочной и общественной деятельности в сфере польского и мирового искусства последних десятилетий XX и начала XXI века. Анда Роттенберг в течение восьми лет (1993–2001) была директором варшавской галереи «Захента». Была также куратором польского павильона Биеннале в Венеции, выставок в Стамбуле и в Сан-Паулу, а недавно — выставки «Рядом. Польша — Германия. Тысяча лет истории в искусстве» в «Мартин-Гропиус-Бау» в Берлине.

Премия (в размере 50 тыс. злотых) присуждена в 14-й раз. Ее присуждает Банковский фонд имени Леопольда Кроненберга, действующий при банке «Сити-Торговый».

Варшавскому Польскому театру — ровно сто лет! Его основал молодой еврей из Галиции Арнольд Шифман, одна из крупнейших индивидуальностей в истории польского театра. Он знал, что царская цензура не согласится на открытие сцены «Дзядами» Мицкевича, «Кордианом» Словацкого или «Свадьбой» Выспянского. Избрал «Иридиона» Зигмунта Красинского. Премьера 29 января 1913 г. прошла с громадным успехом. Ровно через сто лет после первой премьеры на подмостках театра его нынешний директор Анджей Северин также сразился с текстом Зигмунта Красинского. Интерпретация Северина выстраивает драму вокруг темы мести. Тема трудная и, вообще-то, всегда актуальная. Но затронет ли она зрителя современного, как сто лет назад?

Важная премьера в Большом театре — Национальной опере. 17 февраля зрители увидели наиболее ожидаемую премьеру сезона, «Средство Макрополуса» Леоша Яначека. Написанная в

1926 г. опера никогда еще не ставилась в Польше, хотя без произведений чешского композитора сегодня трудно представить себе театр, ставящий себе высокие цели. Либретто основано на пьесе Карела Чапека, предтечи литературы научной фантастики. Чапек полемизирует с ней с мнением, что продление жизни обеспечило бы счастье человека. «“Средство Макрополуса” — это необычайный сплав криминальной интриги с мотивами научной фантастики, — пишет Яцек Марчинский в «Жечпосполитой». — Мы наблюдаем попытки разгадать тайну наследства, за которое сражается уже несколько поколений двух семейств, но также узнаем тайну главной героини, Эмилии Марты Макрополус, которая овладела секретом долголетия и живет уже 337 лет. Но от этого долголетия она всё больше и больше устает...»

Спектакль (совместный проект Национальной оперы и Зальцбургского фестиваля) поставил знаменитый швейцарский режиссер Кристоф Мартхаллер. В главной роли датская певица Ева Йохансон. По мнению Яцека Гаврылюка (Польское радио), «в спектакле Мартхаллера есть всё: психологические столкновения и любовное очарование, восхищение долголетием и его бессмысленность, приятие жизни и разочарование. В общем, мудрая и вневременная притча».

Прощания

22 января в возрасте 85 лет умерла Люцина Винницкая, истинная «икона» польского кино, одна из самых известных польских актрис шестидесятых и семидесятых годов. Заглавная роль в «Матери Иоанне от ангелов» Ежи Кавалеровича (в частной жизни — мужа актрисы) принесла ей «Серебряную пальмовую ветвь» на Каннском международном кинофестивале в 1961 году. Это был один из самых знаменитых польских фильмов шестидесятых годов — экранизация рассказа Ярослава Ивашкевича, развивающего известный европейский мотив («Луденские ведьмы») одержимости монахинь демонами. Однако действие разворачивается в монастыре в Людинове на Смоленщине, на восточных рубежах Речи Посполитой XVII века. Фильм вызвал протесты Ватикана и польского епископата, хотя режиссер не концентрировался на религиозных или бытовых проблемах. Незабываемые образы создали в нем Люцина Винницкая (настоятельница монастыря мать Иоанна) и Мечислав Фойт — экзорцист ксендз Сурен. Они одержимы неожиданным земным чувствам, в котором оба не могут себе признаться. Люцина Винницкая, магнетичная, таинственная, всегда сосредоточенная, продумавшая каждую

сцену, сыграла кроме того в таких фильмах, как «Под фригийской звездой» и «Поезд» Кавалеровича, «Крестonosцы» Александра Форда, «Час пунцовой розы» Халины Белинской, «Дневник пани Ганки» Станислава Ленартовича и «Навылет» Гжегожа Круликевича. По завершении актерской карьеры во второй половине семидесятых годов Люцина Винницкая основала Академию Жизни, обучала нетрадиционной медицине, философии, медицине Дальнего Востока. Как публицист печаталась в ряде журналов, много путешествовала по миру, издавала книги. Ее «Путешествие вокруг священной коровы» (1987) стало бестселлером и разошлось в 120 тыс. экземпляров.

17 февраля в своем доме в Крынках в возрасте 76 лет умер Сократ Янович, один из самых интересных современных писателей, пишущих по-белорусски. Его называли Писателем Обоих Народов (он писал также и по-польски). Как поэт Янович дебютировал в 1956 г. на страницах белорусского журнала «Нива», в котором затем много лет работал как журналист. Дебют в прозе состоялся четыре года спустя, со сборником рассказов «Нивы» (польский перевод вышел в 1973 г. под заголовком «Большой город Белосток»). Янович — автор более двадцати книг поэзии и прозы, в том числе романов «Стена» и «Самосев», сборников эссе и публицистики «Беларусь, Беларусь» и «Terra incognita: Белоруссия». Мастер лирических миниатюр в поэтической прозе, называемых критиками «сократками». Его произведения переведены на многие языки, а сам он переводил с польского на белорусский, например Тадеуша Ружевича и Эдварда Редлинского.

Янович был одним из основателей Белорусского литературного объединения «Бяловежа», Белорусского демократического объединения (первой белорусской политической партии в послевоенной Польше), художественным опекуном белорусской рок-группы «Р.Ф.Брага». В Крынках он редактировал ежегодник «Annus Albaruthenicus», распространяемый в университетских центрах Европы. Вместе со скульптором Леоном Тарасевичем и Ежи Хмелевским основал фонд «Villa Sokrates», который организовывал знаменитые «Белорусские триалоги» — международные встречи интеллектуалов, обсуждавших проблемы культуры и литературы.

ОПЕРНАЯ ДИВА ВСЕМИРНОГО ПРИТЯЖЕНИЯ

Известие о кончине великой певицы и замечательного человека вызвало скорбь во всем мире. Из жизни ушла личность, оставившая след во многих сферах деятельности. Выдающаяся оперная певица и требовательный театральный режиссер, любимый учениками педагог и потрясающая драматическая актриса

В жизни Галины Вишневской, как и умершего на пять лет раньше нее Мстислава Ростроповича, особое место занимала Польша, куда они приезжали с большим желанием. И не только потому, что в жилы Галины, родившейся в Ленинграде, попала по линии матери польская кровь, а родословная Мстислава, появившегося на свет в Баку, уходит корнями в польские края. Эта знаменитая пара с 70-х годов прошлого века дружила с польской знаменитой парой — Кшиштофом и Эльжбетой Пендерецкими. Они часто встречались и творчески обогащали друг друга. Ростропович приезжал на юбилейные концерты Пендерецкого в Варшаву, дирижировал исполняющим его произведения оркестром, а знаменитый польский композитор написал специально Концерт для виолончели, который его друг исполнил с Берлинским филармоническим оркестром.

Интересно, что по мотивам автобиографической книги Вишневской французский композитор польского происхождения Марсель Ландовский сочинил оперу «Галина». Ее постановку осуществил познанский Большой театр, а до ее премьеры автор книги неоднократно приезжала к создателям спектакля. В 2007 г. Галина Павловна принимала участие в работе жюри Международного конкурса вокалистов им. Станислава Монюшко в Варшаве, но финала не дождалась: выехала к умирающему Мстиславу Леопольдовичу

Автору этих строк удалось в своем архиве отыскать несколько «остановленных мгновений» одной удивительной поездки. В апреле 1997 г. во время своего очередного приезда в Польшу Галина Вишневская и Мстислав Ростропович пожелали посетить Желязову Волю. В этой деревне, в 46 километрах от Варшавы, родился знаменитый польский композитор Фредерик Шопен, а сейчас в его родном доме — музей. Гостеприимная пани Эльжбета Пендерецкая организовала этот

запомнившийся выезд, за участие в котором я ей чрезвычайно благодарен

До сих пор помню благоговение великих гостей, вдумчиво и неспешно осматривающих скромный быт великого композитора, под портретом которого они присели. Неловко было щелкать затвором фотоаппарата, но упускать такой случай не хотелось. А потом была неожиданность, задуманная заранее. Возвращаясь в Варшаву, заехали в селение Миколаево под Сохачевом. И там отыскиали дом, в котором жили предки Ростроповича. Новые хозяева пустили посмотреть далеко не роскошное внутри жилище, но незванные пришельцы были довольны и даже взволнованы. Специально по такому случаю из Парижа приехала дочь Мстислава и Галины — Елена с мужем и детьми.

Родословная Мстислава Ростроповича, в том числе и музыкальная, уходит в прошлое на несколько поколений и достойна своей отдельной истории. Как и то, что виолончель была семейным инструментом, а отец Мстислава, Леопольд Ростропович, был выдающимся музыкантом-исполнителем, что не раз впоследствии подчеркивал его сын. А вот о том, что Леопольд польский дворянин с родословной, Мстислав и его сестра Вероника узнали лишь в конце XX века. И не только узнали, но благодаря польским друзьям получили этому подтверждение

В Варшаве 70-летие Мстислава Леопольдовича было задумано отметить по-своему. И для юбиляра торжество стало непредсказуемым сюрпризом. К уважаемой дате разыскали фамильный дворянский герб Ростроповичей и подписанный императором Александром II документ: «Считать семью Ростроповичей со всеми его сыновьями причисленной к высшей гильдии дворянства». Об этом Эльжбета Пендерецкая сообщила публике во время концерта в Национальной филармонии, где взволнованному маэстро в присутствии любимой жены, дочери, зятя и внуков вручили дворянский герб Ростроповичей и перстень с его фамильным гербом

О поездке в некогда родовое имение теперь напоминают фотографии, сделанные на фоне бывшей усадьбы. А мне они напомнили о Галине Павловне Вишневской. С виду величественной и неподступной, но оказавшейся приветливой и всё понимающей женщиной, пропускающей через себя как сквозь рентген каждого человека, давая точный творческий диагноз.

Валерий Мастеров — многолетний собственный корреспондент российских СМИ в Польше.

РОСТРОПОВИЧ

Кого ещё так любили друзья,
как Ростроповича?

Эта доброта без тени тревоги,
дружба без корысти и условностей,
он ни минуты не колебался,
приютив гонимого Солженицына.

Кто мог устоять против порывов его души?
Английский дирижёр, чувствуя его,
чуть не упал со сцены, уворачиваясь
от этих широких объятий.

Когда Шостакович привёл к нему за кулисы
незнакомца,
которого представил как Бенджамина Бриттена,
он чуть не упал от смеха — хорошая, дескать, шутка,
ибо он играл музыку Бриттена,
не зная, что автор жив.

— С тех пор я всегда был верен Бриттену, — признался
он спустя годы.

Я увидела Ростроповича и его жену,
певицу Галину Вишневскую,
узнав их лица в сиянии свеч
в тот вечер в Париже,
на многолюдной манифестации
против военного положения в Польше.

Сегодня,
когда нам хочется поблагодарить его,
всё, что осталось нам, —
это язык музыки.

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Можно, конечно, переживать из-за того, что некоторые периодические издания, такие как ежемесячник иезуитов «Пшеглэнд повшехный», или выходивший в Щецине раз в два месяца журнал «Погранича», или олыштынский ежеквартальный «Портрет», закончили свое существование, другие же, такие как почтенный варшавский ежемесячник «Вензь», меняют периодичность (журнал стал ежеквартальным), а краковская «Декада литерацкая» пытается выжить, обращаясь за помощью к читателям, — но можно и радоваться, что появляются новые издания, например варшавские «Вядомости литерацке» (ежемесячник, обращающийся к традиции еще межвоенного еженедельника, который затем нашел продолжение в Лондоне как «Вядомости») или щецинский ежеквартальник «элеВатор».

Свежий номер последнего (2012, №2) содержит немалый блок материалов, посвященных польско-кашубскому писателю Яну Джежджону (1937-1992), прозаику и поэту, сегодня почти забытому, которого, однако, стоит вспомнить не только в связи с привлекательностью созданного в его прозе мира, но и потому, что его творчество (а наиболее интересные книги вышли в годы, которые едва ли способствовали литературной рефлексии, в середине 80-х) делает его одной из тех фигур, которые обеспечивают обоснование локальной самобытности общины постнемецкого Западного Поморья: кашубы жили здесь всегда и, хотя ведут родословную от этнической группы западославянских поморян, в течение столетий находившихся под немецкой властью, сохранили свою культурную автономию и собственный язык. С этой общиной связан, как свидетельствуют его книги, Гюнтер Грасс. В послевоенный период к кашубской литературе — можно вспомнить хотя бы Алоиза Пудзиша, Станислава Оконя или Анну Броварчик, — как и к кашубскому языку, коммунистические власти относились, деликатно говоря, с пренебрежением, граничащим с презрением. Но как бы то ни было, судьба кашубов оказалась более благополучной, чем доля вынужденных покинуть Польшу словинцев.

Джежджон — писатель в самом деле необычный, что старается — убедительно! — доказать Анджей Турчинский в очерке «Апокалипсис по Джежджону», в котором, рассматривая цикл «Караморо», пишет, в частности:

«Реализм, являющийся плотью «Караморо», в силу вещей отклоняется от предписанной ему романной формы как онирической фантастикой, так и сюрреалистической картинностью, связанной со структурой сновидения, так что вполне органичной представляется склонность Джежджона к гротеску, пародии или абсурдистскому макабру, которыми он охотно пользуется и которые лишь укрепляют «от противного» реализм, понимаемый как отражение объективно существующей действительности, являющейся для писателя объектом и источником познания. «Караморо» — в сущности политический роман; это, на мой взгляд, одна из самых важных книг, написанных и опубликованных на закате ПНР. Ее фундаментальный смысл состоит в дешифровке социальных и политических кодов, создающих в тоталитарном государстве замену гражданских свобод, субститут вольности. К сожалению, по непонятным для меня причинам, литературная критика по сей день не воздала должного книге Яна Джежджона».

Что ж, причина проста: эта книга не попала в нужную точку пространства-времени; но сегодня, спустя годы, она может, как и многие другие не замеченные тогда произведения, оказаться «открытой». Говоря о неподходящем моменте, я имею в виду конец 1980-х, когда официальной критики в принципе не существовало, а подпольная занималась исключительно самиздатом. А когда говорю о неподходящем пространстве, то имею в виду официальные издательства, продукцию которых оппозиция игнорировала. Время было политизированным, и то, где публиковалась книга, тоже наделялось политическим смыслом.

Это не значит, что нельзя сегодня вернуться к вопросу. А пока что почитаем фрагменты написанного в 1987 году художественного манифеста Джежджона «Неуловимая хрупкость литературы (мое писательское кредо)» в том же номере «элеВатора»:

«Кредо моего писательства — это поиск мира, в котором возможна жизнь. Всё, с чем бы я ни встречался, кажется мне слишком грубым, слишком громким, жестким и жестоким, то есть, по-моему, слишком заурядным. Художественному творчеству иногда — впрочем, довольно редко — случается быть обольщенным действительностью. Вот это моменты,

которые открывают такое существование, которое я себе представляю. (...) В минуты обольщения от моего внимания ускользает та жесткость, которая могла бы привести к распаду мира, а не к его творению. При этом я думаю не о познании зла, а о чем-то, что позволяет мне создать образ. Коль скоро возникает литературный образ, он должен отвечать нескольким условиям. Во-первых, он должен быть так называемым идеальным созданием, то есть сквозь материю говорить чистым голосом творца. (...) Я всегда стремился, чтобы то, что было создано, имело совершенную форму, то есть было аутентичным, ведомым искренней верой и бескомпромиссным в воплощении лика правды. (...) Человек ищет правды во имя чего-то — например, в интересах какой-то группы. Литература бывает инструментом. Для меня литература тоже инструмент, но я считаю, что в ее богатом развитии пролегает одна из дорог, для меня самая главная: возможность создания мира, называемого иногда фиктивным, иногда литературным, но, по моему убеждению, действительного так же, как любая иная действительность. Это следует из нашего современного понимания созидательной силы слова. Описание действительности оставим для иного рода литературы. (...) Цельность описываемого мира зависит от личности творца и богатства воображения читателя. Тогда этот мир возникнет как действительный. (...) Во-вторых, мой литературный мир для меня — важнейшее указание, как строить свою жизнь. (...) Меня интересуют фигуры, обращающиеся к каждому, а потому затрагивающие самые глубокие пласты человеческого существования, очерченного с помощью основных слов, действующих у истоков языка. Поэтому конструкции, которые я создаю, обращаются не к исторически изменчивым социальным формам, а к таким союзам, как семья или община, населяющая некую территорию».

На последней фразе имеет смысл минутку задержаться. Вот эта «община, населяющая некую территорию», — локальная община, всегда периферийная с точки зрения центра. И следует обратить внимание на тот факт, что это литературная проблема. Она затрагивалась не только Джежджоном. В особенности во второй половине 1980-х, когда в польской литературе уже обретал голос регионализм, — в таких, например, произведениях, как романы и рассказы Павла Хюлле, Анджея Стасюка, в стихах Казимежа Браконецкого. Но и сегодня явление, которое в нашумевшем в свое время очерке профессор Януш Славинский определил как «исчезновение центра», представляется по-прежнему живым, так как императив провинциализма не ослабевает, что видно,

например, в рассуждениях поэта и эссеиста Яцека Гуторова, который в опубликованном на страницах «Одры» (2013, №1/) цикле «Monaten» (словно бы обращающемся к «Месяцам» Казимежа Брандыса) пишет, отвечая на письмо одного из друзей:

«Культура провинции исчезает, как исчезли маленькие книжные магазинчики (...). Наступило время больших книготорговых сетей и всё более единообразного и глобализированного книжного рынка, на котором ценятся названия, упоминаемые в СМИ или рекламных материалах крупных издательств, — пожалуй что только такие. Это — «смерть провинции»? Всё зависит от взгляда и совести критика. Как бы то ни было, у поэзии центр — в стихе. Столица поэзии — стихотворение. Не Варшава или Краков, не тот или другой журнал, не тот или этот фестиваль, а одно лишь стихотворение. Понимаю, что говорю об очевидных вещах, ну и пусть: критик, который серьезно относится к своей специальности, начинает и заканчивает литературой, не сует нос не в свои дела, держит дистанцию в отношении всяких групп и группировок, с подозрением относится к институциональному оснащению литературы, пусть даже это самые возвышенные и прославленные институты, сторонится всякого группового прочтения литературы, отказывается участвовать в очередных, надвигающихся, как гроза, культурных сезонах, не обращает особого внимания на результаты продаж и списки номинаций. Это провинциальный критик в узком смысле. И вот в чем парадокс. В конце концов оказывается, что именно провинциальный критик может общаться с литературой самым непосредственным образом. Или, по меньшей мере (если мы не верим в возможность непосредственного общения с литературным текстом), он свободен от давления десятков нарративов, силящихся вырвать текст у нас из рук. Так что, Кароль, не дадим институтам нас пожрать. Даже, а может быть, прежде всего, тем институтам, которые мы ценим и которые, как нам кажется, стоит усилить. Но также не дадим себя пожрать мощным нарративам, которые отпечатались в нашем восприятии и воображении. Давай вообще держаться подальше от всяких центров. Пусть это будет критика, ведущаяся с обочин и на обочинах, бегущая из любого уютного гнездышка, в определенном смысле бездомная, неукорененная, кочевая. Никаких малых родин. Никаких культовых кафе или пабов. Никаких форумов для восприятия. (...) Мы хотим такой критики. В определенном смысле мы все без исключения живем в провинции и по сезону. Минуты, когда нам кажется, что мы в центре действительности, очень немногочисленны.

Их нельзя транслировать или провозглашать. Их нельзя продать на книжных ярмарках. Их нельзя даже сознательно повторить, то есть духовно разменять, — эти вот отдельные минуты радости».

Мне кажется, что Гуторов, когда пишет о литературной критике, очень близок тому, что писал Джежджон о самой литературе. Дело в том, что статус критики за последние десятилетия принципиально изменился. Изменения на рынке периодики исключили настоящую критику из газет, даже из еженедельников. Отчасти ее пробуют оживить такие инициативы, как издаваемые «Газетой выборчей» периодические выпуски «Ксёнжки» или появляющиеся в «Тыгоднике повсехном» приложения «Магазын литерацкый». И это говорит о том, что критика перестала выполнять функцию посредника между автором произведения и читателями. Так что, как написал в своем последнем критическом сборнике проф. Анджей Завада, книги такого типа стали «и в самом деле вымирающим видом». Рассматривая книгу Завады на страницах выходящего в Сопоте раз в два месяца журнала «Топос» (№ 2/2012), Адриан Глень пишет:

«Литературоведческий дискурс с его жесткими рамками делает невозможной (...) свободу, губит индивидуальное и интимное отношение, которое во время чтения устанавливается с текстом. (...) Для кого сейчас должны писать «критики-отборщики», если никто их не читает? Для читателей литературы? Они смотрят на критиков с недоверием и презрением, обходятся без них, и разве они тому научились только в последние годы? Историки литературы? Те обычно предпочитают самостоятельно, собственноручно осуществлять критику, не доверяя голосам рассеянных легионов (...). А сами читаемые авторы? Разве им не нужна какая-то «обратная связь»? Разве их тщеславие не будут тешить несколько ловко скроенных фраз (...)? Нет, они и сами прекрасно знают, что о них можно написать...»

А между прочим, тем временем ведется очередная дискуссия на тему критики: что она такое, чем может быть и может ли быть вообще. Этой теме посвящен последний номер адресованного преимущественно учителям ежеквартальника «Полонистика» (№ 1/2013). Хотя тема стара как мир, но претензии к критике, в особенности претензии самих писателей, уверенных, что их гений не имеет шанса дожидаться должного признания людоедов от литературы, то есть критиков, входят в постоянный репертуар комментариев. Пока

что литературная критика пытается переждать в нишах, создаваемых ежемесячными и ежеквартальными журналами. Ее стоит культивировать, так как критик — это всё же не обычный наивный читатель, и при нынешнем уровне образования может иногда помочь понять литературные явления в их полном контексте. А это важно, потому что сегодня уже не удивляет студент, который в своей работе, упоминая при случае имя Гёте, полагает, что необходимо сделать специальную сноску (ведь читатель его труда может и не знать, кто такой Гёте), а студентка, восхищенная «Мастером и Маргаритой», когда ее спрашивают о связи этого произведения с творчеством автора «Фауста», искренне не понимает, о чем речь, так же, впрочем, как и удивляется, что прочитанные ею романы Мартина Светлицкого могут иметь что-то общее с атмосферой романа Булгакова.

Что же, критика — и здесь следует признать правоту Гуторова — лучше всего себя чувствует на окраинах. Но также не подлежит сомнению, что на периферии оказалась сама литература или искусство вообще. Это не значит, что упорным усилием нельзя такое положение вещей хотя бы в небольшой мере изменить. Работа хоть и кропотливая, но иногда ведущая к поразительным результатам. Вот передо мной лежит прекрасная книга художника Анджея Беньковского «Последние деревенские музыканты», документирующая (а это многолетнее хобби автора) деятельность будто бы исчезающих, организуемых уже лишь стариками народных деревенских ансамблей. И это собирательство приносит плоды. Автор пишет:

«Я оптимист. И вижу, что и у нас происходят процессы, подобные европейским. Такие, как со старинной музыкой, долго вообще не исполнявшейся. А когда пришло ее время, не было известно, как это делать. Сейчас с огромным пиететом воссоздаются старинные инструменты, анализируются предполагаемые способы исполнения. Такие же перспективы перед исполнителями музыки и песен деревни. И это уже происходит, пионерами были украинцы и русские. У нас «Братство бедняков», люблинская «Музыка кресов», варшавский «Дом танца». Сегодня классы деревенской музыки собирают всё больше желающих. На этом строится мой оптимизм».

Что касается меня, человека из литературного пространства, то я верю, что такие литературно-критические переоценки, с которыми мы встречаемся в щецинском «элеВаторе», да и не только на его страницах, приведут к новому взгляду на то, что в

последние десятилетия происходило в польской литературе, и что в результате сохранится казавшееся недавно обреченным на исчезновение — литература «общины, населяющей некую территорию», написанная к тому же на языке, все еще живом в Польше, хотя и не польском.

ПОБЫСТРЕЙ БЫ ОТСЮДА УБРАТЬСЯ

Станислав Бересь: Мы сидим в вашем любимом ресторане. Какую часть жизни вы провели в подобных местах?

— Не очень большую, а коли уж случилось — как правило, вечерами в молодые годы, — мы предпочитали места, где можно в мужской компании выпить пару рюмок. Жизнь тогда была довольно серая: не было телевидения, радиоприемник — редкость, да и кино не очень доступно. Отсутствие всего этого компенсировалось интенсивным общением.

С.Б.: По статистике, на протяжении жизни мы спим в среднем 15 лет. Вы, вероятно, потратили на разговоры с другими литераторами и актерами (например с Анджеем Лапицким или Густавом Холубеком) в общей сложности лет пять. Это вам что-нибудь давало или только отнимало время?

— Это была форма общения, дружеских отношений. С Холубеком, например, мы познакомились на съемках «Сальто» и с той поры встречались практически ежедневно. Он даже свои директорские обязанности распределял так, чтобы иметь возможность на минутку выскочить из театра — выпить чашечку кофе, поболтать. О высоких материях мы не рассуждали, не политиканствовали, переустройством мира не занимались. Иногда, правда, на Гутю (Холубека. — Ред.) что-то находило и он изображал из себя такого мыслителя — ни дать, ни взять философ искусства. Беседы у нас были непритязательные, часто мы просто дурачились. Разумеется, это не означает, что вели пустые разговоры.

С.Б.: А случалось вам сплетничать о приятелях и их новых книгах, ролях, романах?

— Пан профессор, я родом из Вильно...

С.Б.: Там не сплетничали?

— Нет, конечно. Поэтому здесь у меня вечные проблемы с местными: никак не привыкну, что они постоянно обо всем расспрашивают, а я этого терпеть не могу. Например, кто-то задает вопрос: «А что слышно у Гути?» Я в ответ: «Кажется, он куда-то уезжает». — «А куда?» — «Не знаю». — «Как, ты не

спросил?» (повышает голос) — «Да, не спросил». Такой у меня стиль. Короче, бытовых тем и моральных проблем из разряда тех, которыми напичканы сериалы, мы не касались. Говорили о спорте, что-то вспоминали, но не сплетничали.

С.Б.: Любопытно... А в книге Иоанны Седлецкой «Криптоним “Лирика”» я читал запись ваших бесед с Дыгатом — там много такого...

— Мы со Стасем знали, что нас слушают. Даже завели такую привычку: начинали разговор подчеркнуто лояльно, а потом вдруг принимались отпускать оскорбительные замечания по адресу правительства и режима. Однажды подслушивающие не выдержали и один сказал: «Ну, знаете, это уже перебор». Нам в голову не могло прийти, что спустя много лет кто-то станет в этом копаться и потом публиковать находки. Это была обычная трепотня: Стась чувствовал себя одиноким, грустил, и я заводил разные провокационные разговоры, чтобы его расшевелить. Дыгат был человеком своеобразным и, хотя умным и притом очень талантливым, по сути остался большим мальчиком: ему случалось — просто из чувства противоречия — высказывать странные, ничем не подкрепленные суждения, часто не имевшие даже эмоционального обоснования. Да, как это ни прискорбно, журналисты сейчас охотно роются в мусоре и докопались до этих разговоров, которые, с моей точки зрения, маргинальны и интереса не представляют. Вижу, профессор Бересь с сомнением качает головой... Помню, когда-то он мне доказывал, что для истории литературы такие вещи имеют большое значение. А по-моему, сплетни никакого значения не имеют.

Тадеуш Любельский: Речь идет о праве на неприкосновенность частной жизни, верно?

— Некоторым кажется, что литератор постоянно лицедействует и искренним бывает, только если уверен, что его не подслушивают. Я же считаю, что всякий писатель, хочет он того или не хочет, в своем творчестве выкладывает всю правду о себе. Недавно я где-то прочел, что анализ прозы Сенкевича выявляет его склонность к педофилии, недаром ему очень нравились маленькие девочки. Из этого следует, что литературный анализ позволяет проникнуть в глубины личности писателя.

Т.Л.: То есть, по-вашему, этим и надо заниматься историкам литературы? За писателя должны говорить его произведения, а не материалы прослушки?

— Я просто говорю о правилах приличия. Подглядывать и подслушивать нехорошо. Я родом из Вильно, так что тем более мне это не по нутру.

С.Б.: А что скажете насчет литераторов, которые ведут дневники? Открывают ли они таким способом правду, когда-то прозвучавшую за столиком кафе, — или в дневниках, как и в их творчестве, картины созданы воображением?

— (с раздражением) Зачем мы об этом говорим? Меня это вообще не интересует!

С.Б.: Вас возмущает, когда кто-то заглядывает в материалы прослушки, но таким образом выясняется, что кое о чем вы с друзьями не прочь были посплетничать. А если всерьез, то меня интересует, многое ли из разговоров, которые велись здесь, в кафе «Новый Свят», или в кафе издательства «Читательник», просочилось в литературу? Иными словами, в какой мере литературный «салон» влиял на творчество?

— Вы рассуждаете так, как будто мы живем в межвоенном двадцатилетии, когда литература рождалась за столиками кафе, например в «Земянском». Однако прошу не забывать, что я принадлежу к поколению, которое пережило войну и которому здорово досталось. Наши житейские драмы были такими насыщенными, что не возникало нужды затем облекать их в мемуарную или литературную форму, придуманную за рюмкой в баре.

С.Б.: Здесь, в кафе «Новый Свят», вы встречались с друзьями, о которых впоследствии писали во многих книгах, начиная с «Календаря и клепсидры». Какими эти, самые близкие Вам люди предстают на страницах книг?

— Мое поколение боялось позы. Мы старались быть естественными и очень следили за тем, чтобы за пределами профессиональной жизни не изображать из себя художников, посвященных в высшие тайны. Гутя Холубек, например, в быту был самым обыкновенным человеком, каких встречаешь на каждом шагу, к тому же спортивным фанатом, и только выйдя на сцену становился артистом. Не было у нас никакого волшебного столика, за которым рождались блестящие мысли и новаторские идеи. Ровно наоборот: мы всячески избегали позирования, вели себя как нормальные люди. Трудно описать атмосферу тех наших встреч «между делом», но наверняка она ничем особым не отличалась. Заранее о встречах мы не договаривались, хотя каждый приходил пунктуально в «свой»

час, то есть когда позволяло время, ведь у всех были еще и свои дела.

С.Б.: *О чем больше говорили: о своих произведениях, книгах, ролях или на бытовые темы, например о футбольных матчах либо недавних переживаниях?*

— Это еще что за «свои произведения»? Да у нас бы язык не повернулся такое произнести!

С.Б.: *Я просто таким образом выразил уважение к вашим книгам. А ваши коллеги, имевшие право на некоторую фамильярность, вероятно, могли сказать: «Тадек, ты написал новую книжку, и я хочу со всей прямоотой сказать, что о ней думаю». Бывали такие разговоры?*

— Бывали. Как-то я, оставшись на лето в Варшаве, случайно узнал, что Стась Дыгат с негодованием всем сообщает: «Тадеуш изменил нашему делу!» Поскольку он повторял это на каждом углу, я не выдержал и спросил у него: «Какому делу я изменил?» — «Ты написал книгу!»

Т.Л.: *Ага, значит, писать не следовало?*

— Так мы заявляли, дурачась в дружеском кругу, но Стася раздражало, что я каждые два года выпускаю по книжке — сам он трудился над своей прозой кропотливо и мучительно. Да, случались разговоры такого рода, но, пожалуйста, не требуйте от меня каких-то откровений. Мы были нормальными людьми. Вокруг нас не осталось ничего от атмосферы довоенной литературы с ее иерархиями, законами, установками, салонностью, потому что нас сформировала война. Мы — поколение, которое, будучи вскормлено романтизмом, напрямую столкнулось с историей, с реальными трагедиями. Трудно требовать, чтобы мы, как изысканные юные французские интеллектуалы с фуляром на шее, занимались обсуждением литературы. Мы не чувствовали, что чем-то отличаемся от любого человека с улицы, которого занимает спорт и барышни... Иногда в поездках устраивали небольшие дебоши. Но не более того.

Т.Л.: *Вы говорите о связи со своим поколением. Однако в вашем творчестве осязимо присутствует еще и Вильно, хотя там вы провели лишь небольшую часть детства. Почему этот период так для вас важен? И как удается сохранять такую яркость впечатлений?*

— Прочитирую — возможно, не очень точно — Марию Домбровскую, писавшую, что детство — это приобретение знаний о жизни и мире, которые так прочно застревают на экранах нашей памяти, так въедаются в наше естество, что в дальнейшем определяют всё наше поведение. Я изо всех сил следил за тем, чтобы не стать, образно говоря, Вехом^[1] Виленщины, — не хотел извлекать из этого корысть. В некоторых моих книгах даже названия «Вильно» нет. Мой гданьский коллега Александр Юревич однажды сказал мне: «Вы не виленский писатель, вы — писатель из Вильно». И ровно столько я себе позволял. Мне кажется, я — тамошний во всем, даже в своем польском языке, но стараюсь не использовать этого для саморекламы или для устройства своего места в литературе.

С.Б.: Это не меняет того факта, что в вашем творчестве Виленщины очень много. Я всё думаю, что же главное в этих воспоминаниях: детство или сама Виленщина — край, который у нас во время войны отняли и куда уже нельзя было вернуться?

— Влияние, о котором я говорю, может сказываться, даже если твои родные места не имеют такого исторического багажа, как Виленщина. От этого никуда не денешься. После войны я несколько раз бывал в Вильнюсе, даже в последние тридцать лет, и смотрел на город с удовольствием, однако заметил, что во мне до сих пор сидит мое прежнее Вильно. Да, сейчас всё там очень красиво и приятно, но у меня не вызывает никаких эмоций, ничего в душе не затрагивает.

С.Б.: А откуда самые яркие воспоминания: из Вильно, Колонии Виленской или, может, из Новой Вилейки?

— Уважаемый пан профессор, почитайте внимательно сегодняшние газеты: Вильно, Колония Виленская и Новая Вилейка сейчас один город.

С.Б.: Но в вашем детстве, чтобы попасть из одного из этих мест в другое, нужно было совершить целое путешествие по железной дороге или топтать не меньше двух часов пешком...

— Забавное совпадение: наша Колония, как и подваршавский Константин, до войны считалась излюбленным местом элиты. Нижняя Колония, где я жил, была более скромной, пролетарской, но уже в Верхней Колонии замечен был налет аристократизма. Что, в свою очередь, любопытно: из-за этих различий я еще ребенком сталкивался с примерами совершенно несхожего образа жизни и человеческих

потребностей. Мы даже в футбол играли друг против друга: ребята из Верхней Колонии против ребят из Нижней.

С.Б.: То есть «чистые» против «нечистых». Это напоминало классовую борьбу?

— Немного напоминало, хотя всё было не так просто: и в Нижней Колонии были виллы и небольшие усадьбы, принадлежавшие знаменитостям. Это вызывало у нас горячий интерес.

А в Новой Вилейке я жил только в детстве и потом недолго работал во время войны, так что она не очень глубоко запала мне в память. Впрочем, с этим городком связан мой забавный комплекс: я родился на Летней улице, которая у нас ассоциировалась исключительно с психушкой^[2]. Сообщить, где я появился на свет, было бы примерно тем же самым, что в Польше сказать, что я родился в Творках^[3]. Хвастаться этим, понятное дело, не стоило.

С.Б.: Вновь вы туда заглянули спустя очень много лет. Что в таких случаях думаешь, что чувствуешь?

— В Новой Вилейке я сразу заблудился: хотел, но не мог попасть на Летнюю, бродил между домами, путался в каких-то проходах, пассажах, спрашивал дорогу. Наконец остановился на мостике и посмотрел на свою Виленку, которая когда-то была для меня все равно что Миссисипи или Атлантический океан, а оказалась речушкой, в которой валялись старые телевизоры, холодильники, кастрюли... Но ведь повсюду так: то, что когда-то еще обладало какой-никакой исторической ценностью, хиреет по мере развития цивилизации. В общем, место своего рождения я так и не отыскал.

С.Б.: Может, хотя бы людей из тех времен повстречали? Друзей, одноклассников?

— На прapпpемьepный показ «Лавы»^[4] в Вильнюсе, куда я приехал с фильмом, пришел мой одноклассник. Я был прямо-таки потрясен: на него сходу набросилось телевидение и давай выпрашивать, как я учился. Он пригорюнился и сказал: «Ну, не так чтобы... — Однако тут же спохватился и добавил: — Но все мы не очень-то хорошо учились».

С.Б.: А какие еще места из вашей молодости запали в память?

— С особым чувством я вспоминаю местечко Буйвидзе под Вильно. Однажды там сгорел костел, по этому поводу в «Нью-

Йорк таймс» появилась заметка. Поскольку Буйвидзе фигурирует в моей «Бохини», которая переведена на английский, я решил, что журналист читал книгу и обратил внимание на это совпадение, потому и написал заметку. После чего я нагло возомнил себя пупом вселенной. Впоследствии оказалось, что в Буйвидзе есть польская средняя школа: ее директорша связалась со мной, мы разговаривали по телефону. Я помню это местечко, там у меня есть родственники, возможно, даже довольно близкие.

С.Б.: Одна из постоянных тем вашей прозы — сосуществование разных народностей в одном месте. В «Польском комплексе» вы упомянули, что приняли за правило никогда плохо не говорить об иноплеменниках. Как по-вашему, можем ли мы считать, что наша совесть чиста, если литовцы, украинцы, белорусы никак не могут или не хотят забыть прошлое? Согласие кажется недостижимым.

— Виленщина, как вам известно, была многонациональной. Там не резали друг друга так, как на южных кресах, но кое-что случалось, и это было страшновато. Слыша по телевизору или читая в прессе польские фамилии, я замечаю, что у каждой второй белорусские корни, а каждая третья — украинская или немецкая. Мы находимся на перекрестке европейских дорог, в нас смешалось (и это мне, кстати, нравится) множество разных генов, что дает очень любопытные результаты. Я к таким вещам особо чувствителен и неоднократно об этом писал. Мне бы хотелось, чтобы патриотизм проявлялся иначе — прежде всего на деле: в работе, в поведении. К сожалению, он располагает к демагогии — соответственно, открывается слишком много возможностей для провокаций. Того и гляди, этим воспользуются какие-нибудь злые силы.

С.Б.: А футбол, который мы с вами оба так любим... Мне кажется, что и тут у нас совесть нечиста. Футбол должен людей сближать, облегчать взаимопонимание, а на деле подпитывает племенной инстинкт, опирающийся на враждебность к другому народу. Я с ужасом читаю, что болельщик «Вислы» зарезал болельщика «Краковии». А фанат «Легии» — фаната «Полонии». Вот он — синдром враждебности на границах.

— А называют это локальным патриотизмом! Такой «патриотизм» характерен для жителей малых регионов и все еще развивается в Европе. Может быть, в будущем конфликты между государствами станут ослабевать, а усиливаться будут «симпатичные» конфликты между регионами? А может, все-таки отношения улучшатся? В конце концов, мы ведь наблюдаем интерес к древним языкам: например, в

Швейцарии отыскивали ретороманский язык, и он существует наряду с французским, итальянским и немецким. Его признают своим несколько десятков тысяч человек — у нас подобная ситуация с кашубами и гуралами. Мне это, впрочем, нравится, поскольку не составляет угрозы для человечества.

С.Б.: Тем не менее, страшные убийства на Виленщине — факт. Война, партизанщина — подходящее время для тех, кто любит убивать. Вы были в партизанском отряде — подтверждают ли эту точку зрения тогдашние ваши наблюдения?

— В какой-то из своих книг я написал, что партизанщина — самая жестокая и двусмысленная форма борьбы, поскольку командир отряда — судья и палач одновременно. Возможно, не стоило бы так говорить, но террористы, взорвавшие два небоскреба в Нью-Йорке, — тоже партизаны, только уже в глобальном масштабе. У нас, к счастью, не слишком жестокое прошлое, потому что поляки по характеру мягче. Когда перед Ноябрьским восстанием князь Константин приехал в Варшаву, чтобы занять пост наместника (генерал-губернатора), один рабочий-патриот хотел в театре его застрелить, но, поскольку тот пришел с беременной женой, покушение не состоялось; у наместника потом даже попросили прощения^[5]. Сравнивая нашу историю с историей других стран, можно сделать вывод, что, как народ, мы не любим кровопролитий. Увы, ужасные события в Едвабном заставили меня задуматься, действительно ли поляки не любят крови.

С.Б.: Спрошу напрямую: вам встречались люди, которые любили эту «работу»?

— Я что, на допросе в Институте национальной памяти — или беседую с профессорами?

С.Б.: Мы беседуем об истории и литературе. А необходимость убивать во исполнение смертных приговоров — прямо-таки навязчивый мотив вашей прозы. Откуда-то ведь такое взялось. Трудно об этом не спросить. Почему этот мотив сопутствует вам всю жизнь?

— (добродушно) Просто я не люблю убивать людей. Признаюсь, пан профессор, что спустя много лет я осознал или, как сказал бы Юнг, «в моем бессознательном» родилась именно эта мысль: я не люблю убивать людей. Вы оба, вероятно, сразу скажете: никто не любит. Так вот, это неправда: многие получают удовольствие, убивая ближних. Кроме того, немало тех, что любят убивать другими способами: морально, психологически, используя ситуацию. Именно нежелание

убивать повлияло на мою биографию, предопределило мои ошибки и, возможно, какие-то достижения.

С.Б.: Как убивают приговоренных, вы видели собственными глазами...

— (уклончиво) И правда, спустя годы я сам заметил, что, после рассказа «Капрал Козёлек и я», проблема исполнения приговора стала лейтмотивом нескольких моих романов.

С.Б.: Вас подтолкнул личный опыт или вы знали об этом только понаслышке? Оцените, пожалуйста: я не спрашиваю, случилось ли вам приводить приговор в исполнение.

— Пан профессор, вижу, вы не очень-то верите, что я был в партизанах.

С.Б.: Да что вы, верю! С чего вы взяли? Новое, то есть наше с Тадеушем, поколение зачитывалось вашей антисоветской партизанской одиссеей...

— Что ж, отвечу: конечно, я исходил из личного опыта. Оставившего глубокие травмы — ведь на моих глазах проявлялось худшее, что есть в человеке: наружу вылезали дурные инстинкты, у героев внезапно случался психический слом... Масштаб моего опыта, правда, невелик: дело происходило в провинции, и партизанских отрядов было, честно говоря, немного: польские, советские, антисоветские, белорусские и один (иронически) «великолепный» отряд, организованный в Ошмянах НКВД. В наших лесах всё было очень сложно, случалось страшное, что, кстати, отразилось на моем творчестве. Но самым важным у меня было неприятие убийства.

С.Б.: Вы попали в отряд в переломный момент: закончилось антинемецкое партизанское движение и началось антисоветское. Другой противник, другой характер борьбы. В чем была разница?

— Не знаю, стоит ли говорить о щекотливых вещах. С немцами все было ясно: «Hände hoch!» — и больше никаких объяснений не требуется. А с Советами было уже не так просто. Входим мы, например, в белорусскую хату, а там на печке спит старик, укрывшись тулупом. Мы ему: «Руки вверх!» — а он в нас автоматной очередью из-под этого тулупа. (Смеется) Ох и дали мы деру! Проявили полное отсутствие надлежащего воинского воспитания и европейских манер! Вот лучшее доказательство того, в каких мы существовали условиях: очень было тяжело. Часто только случай нас и спасал.

С.Б.: Как быстро вы поняли, что партизанищина — один из видов самоубийства?

— В нашем отряде были сплошь молодые парни. Всем лет по восемнадцать, и романтические идеалы побуждали нас умереть за родину. Мы хотели сражаться до конца. Мария Янион размышляла, угасает ли в Польше романтизм. В те годы он еще тлел. Неловко себя хвалить, но нас переполняли довольно-таки высокие чувства. И мы рвались к самоубийству. Не утверждаю, что это было массовым явлением, — я говорю о партизанах моего поколения, то есть о молодых ребятах, а в партизанских отрядах люди ведь были самые разные, в том числе белорусские крестьяне.

К счастью, решения за нас принимали другие, и благодаря инициативе женских организаций нам удалось вернуться в Польшу. Остатки этих организаций, тогда еще функционировавшие, заслуживают огромного уважения. Мужчин уже всех разбросало, а женщины в Вильно еще что-то делали: они каким-то образом и сумели нам помочь.

Т.Л.: То есть, если бы не помощь из Вильно, плохо могло быть ваше дело?

— (кивает) Кто мог, дезертировал, но нам, скорее всего, был бы конец.

С.Б.: Вы понимали, что леса опустели, вас осталась едва лишь горстка и на вас ведется облава? Или, напротив, вам казалось, что партизанских отрядов еще немало?

— Леса вовсе не опустели, там еще бродили разные партизанские группы. Мы оказались в пространстве, где царили разброд и хаос: можно было столкнуться с польским отрядом и обстрелять своих. По разным причинам: мы, например, чтобы выжить, ходили в советской форме, разговаривали между собой по-русски, а поскольку случайно узнали пароль советских частей, задачей которых была очистка лесов от партизан, то пользовались им, так что нас трудно было опознать...

Слава Богу, упомянутая подпольная женская организация — состоявшая, замечу, из молодых девушек — связалась с нашим отрядом. Меня снабдили поддельными документами; пришлось «репатриироваться» с фальшивыми бумагами, другого выхода не было: всех, кто родился в нашей местности, признали советскими гражданами. Уехал я совершенно один.

С.Б.: А я помню не так: вы ехали в одном вагоне с товарищем по отряду и оба были довольно неосторожны, путали партизанские псевдонимы с подлинными именами...

— Верно. Всё было хорошо организовано, но никто не догадался посадить нас в разные вагоны. А ведь в то время молодой человек, просто идущий по улице Вильно, вызывал сенсацию, потому что молодые люди в большинстве своем либо попали в армию, либо были высланы, либо скрывались. Да, были некоторые сложности, но границу нам удалось пересечь.

С.Б.: В конце концов вы оказались в Кракове и поступили на работу в еженедельник «Одродзене». Там вы должны были встретиться с другим партизаном, своим тезкой — Тадеушем Ружевичем. Он тоже вынес из партизанского опыта травму, связанную с исполнением приговоров...

— Нет, тогда мы не встретились. Да и вообще отношения у нас сложились чисто литературные. Я анонимно к нему привязался, и он — не зная об этом — стал в некотором роде моим проводником по нашему миру. Такая связь возникла, в частности, потому что мне сильно запала в душу одна его книга, где есть воспоминания о погибшем старшем брате^[6]. Благодаря этой книге я неожиданно наново обрел свою Виленщину с тамошним укладом жизни, семейными отношениями, традициями. Провинция центральной Польши у Ружевича выглядит в точности так, как провинция на кресах.

С.Б.: Сталкивался ли ваш партизанский отряд с прячущимися в лесу евреями? Как вели себя по отношению к ним боевые группы?

— Когда наш отряд проходил через Рудницкую пущу, мне показали место, где раньше располагались еврейские партизаны: изувеченный лес, бункеры. Я не очень хорошо знаю историю оккупации, но, полагаю, укрывающиеся в лесах евреи думали не об активной деятельности, а о том, как выжить — не случайно там были их жены и дети. В густых лесах Виленщины у них было больше шансов уцелеть, чем в лесах центральной Польши. Впрочем, евреи тянулись к советским партизанам — это давало им надежду остаться в живых. Я даже знал одну женщину, имевшую отношение к литературе, которой удалось таким образом пережить войну. Был и другой способ избежать смерти — прятаться в арийской семье. Помню молодую пару в Колонии Виленской, которая воспитывала еврейскую девочку. Все про это знали и интуитивно закрывали глаза. Проблем, во всяком случае, не возникало: известно было, что на кону стоит жизнь.

С.Б.: Вы не согласны с мнением тех историков, которые пишут о польских партизанских отрядах, охотившихся на евреев?

— Лично я с этим не сталкивался. Впрочем, кое-чего я мог и не знать. Был у меня, например, товарищ, который вместе со всей семьей убежал от Гитлера на Виленщину. Его отец был пастором и плохо говорил по-польски. Когда началась немецкая оккупация, все они исчезли — я не мог понять, куда и почему. Много лет спустя, в разговоре с одной женщиной из Колонии Виленской, которая их знала, я сказал, что меня удивляет внезапное исчезновение Фредека (так звали моего друга). «А вы разве не знаете, что они были евреи?» — в свою очередь удивилась она.

Эта история доказывает, что я знал не всё. Впрочем, люди тогда вообще старались задавать поменьше вопросов. В чужие дела предпочитали не лезть, и таких, как я, было много. Благодаря чему тем, кому грозила опасность, легче удавалось продержаться. Отсюда, в частности, взялась моя старосветская привычка не задавать лишних вопросов и провинциальное чувство собственного достоинства.

Т.Л.: Приятно слышать. Тема нечистой совести, мучающей нас, поскольку мы не сделали всего возможного, чтобы сохранить жизнь еврею, есть и в ваших фильмах — взять, к примеру, «Как далеко отсюда, как близко», где герой пытается хотя бы в воображении спасти старого товарища, которого в действительности (в годы оккупации) никто не сумел спасти. Или сцена из «Сальто», когда жители маленького городка празднуют некую годовщину: в этой сцене можно усмотреть связь с Катастрофой...

— Во время войны я предчувствовал, какая судьба ждет евреев. Не думайте, что я приписываю себе слишком много, у меня были основания. Я убежал из немецкого лагеря, где пилили лес на дрова, после чего вынужден был восемь месяцев скрываться от литовской полиции. И впервые в жизни оказался в ситуации, когда стало понятно, что ни родные, ни друзья, ни даже приходской ксендз мне не помогут: выживать я должен сам. Вот почему я смог представить себе, какой может быть участь обычного, ни в чем не замешанного еврея, внезапно столкнувшегося с Катастрофой.

Потом, уже после войны, я прочитал множество книг о еврейской мартирологии, даже позволил себе, словно бы в память Янека Бжехвы, написать рассказ, который вы вряд ли читали: «Несколько дней войны, о которой неизвестно, была ли

она». Там ситуация обратная: прячущийся еврей спасает любимую девушку, которую схватило гестапо.

Думаю, Катастрофа останется в нашей памяти независимо от того, будет кто-то на ней спекулировать или не будет. Важен сам факт бойни, происходившей чуть ли не на глазах всего человечества. Кто-нибудь может сказать, что сотни лет назад тоже были погромы, резня... Да, были, но не проникли так глубоко в самосознание мира.

Т.Л.: Я не случайно спросил про «Сальто»: там действие происходит в маленьком польском городке, который живет прошлым. Какой праздник отмечают его жители?

— Не скажу — это одна из моих тайн. Кроме того, я уже не всё помню. Дорогие профессора, стыдно признаться, но я ни разу в жизни не открыл своей, уже опубликованной книжки и не видел на экране фильма, который поставил, — смотрел только рабочий материал в процессе производства. Что-то мне не позволяет возвращаться к законченным произведениям: то ли какие-то травмы, то ли страх, то ли стыд... не знаю. Иногда случалось даже такое: читаю какое-то эссе, обращаю внимание на умную цитату, гляжу, а в скобках написано «Конвицкий». (Смех) Возвращаясь же к фильму, могу только сказать, что мне пришлось сдерживаться, чтобы не зайти слишком далеко и не переступить некой тонкой, нравственно-интимной границы. Поэтому я отказался от очень интересного, драматического момента. Не хотел поднимать шум вокруг скромного фильма.

С.Б.: Выходя из поезда в Варшаве, мы с Тадеушом Любельским говорили, что нас привлекает довольно частый в вашей прозе, преимущественно конца 60-х годов, мотив: образ еврея, какими-то чертами схожего с автором. Вы хотели таким образом взять на себя груз трагической еврейской судьбы, особенно в столь трудный период антисемитской кампании 1968 года?

— Тут во мне еще и литератор заговорил. Захотелось слегка драматизировать историю XIX века, ну а кроме того посмотреть, как к этому отнесется общество, которое, как нередко можно услышать, всосало антисемитизм с молоком матери. В результате я получил только одно письмо, в котором возмущенный читатель обругал меня за то, что я ради карьеры прикидываюсь евреем.

(Смех)

С.Б.: То есть все получилось наоборот: вас обвинили в использовании филосемитской конъюнктуры?

— Больше того: и на евреев это особого впечатления не произвело. Так что, как видите, мотив этот следует рассматривать как литературный прием, демонстрирующий мою позицию в дискуссии о нашей ментальности. Хотя я слышу плохим патриотом, но у меня есть национальное честолюбие, и я считаю наше общество интересным и богатым талантами, а недостаток у всех у нас тот, что мы не умеем продавать свои ценные качества и достоинства.

С.Б.: В вашем творчестве часты проявления сострадания к еврейскому народу. И что же вы чувствовали в 1968 г., когда усугубились антисемитские настроения и зазвучали лозунги типа «Евреи в Сиам!» [7]?

— Я понимал, что это провокация чуждых сил, которые хотят погрузить нашу страну в анархию. Хотя не был уверен, что делается это намеренно. Антисемитизм коснулся многих, в том числе и меня. Увольнения с работы, преследования, нападки в печати. Однако я знал, что это скоро закончится.

С.Б.: Но пока на улицах стояли толпы с транспарантами и скандировали антисемитские лозунги.

— (добродушно) Во всем мире люди собираются и что-то демонстрируют. Не надо придавать этому чересчур большое значение.

Т.Л.: Герой вашего фильма «Как далеко отсюда, как близко» возвращается в прошлое, чтобы кое в чем разобраться. Конструкция самого красивого плана этого фильма вызывает ассоциации с еврейским праздником Йом-Кипур, когда набожные евреи вспоминают тех, перед кем виноваты, и стараются получить прощение. Хотели ли вы тем самым сказать, что каждый из нас нуждается в связи с ушедшими, чтобы с их позволения очиститься от грехов? Как зритель, я так воспринял посыл вашего фильма...

— В данном случае я, как у меня часто бывало, поддался импульсу. Я ведь не всегда руководствовался трезвым расчетом. И здесь совершенно неосознанно смешал разные времена так, как это делали в своих произведениях представители «нового романа». Почему? Говорят, когда человек одной ногой в могиле, перед глазами у него проходит вся жизнь. Я принадлежал к поколению, чьи судьбы сложились так драматично, что в памяти у нас — казалось, это естественно, — разом существовали все времена, определяя нашу позицию, образ мыслей, поведение.

Т.Л.: Комментируя свой первый фильм «Последний день лета» и отказ от прежней эстетики, вы часто упоминали, что кино у вас в крови, так как вы выросли на примитивном, но блестящем классическом американском кинематографе, который был — не побоимся этих слов — наивным и воздействовал на простейшие эмоции зрителя. В этом смысле ваш фильм стал огромным скачком вперед, показав совершенно иное отношение к материалу, новую эстетику. Откуда такая перемена?

— Причин много, назову лишь некоторые. Во-первых, делать свое кино я был вынужден в очень скромных условиях, с небольшим числом помощников, да и деньги, как правило, вкладывал собственные. Когда я начинал, везде в мире господствовал голливудский стиль. Это был довольно безжизненный период: фильмы снимали в основном по пьесам и вдобавок тщательно следили за тем, чтобы не допускать в кинематограф никого извне. Я пошел против течения: снимал только на пленэре (а тогда «натуру» создавали в павильоне), сократил до минимума число героев. В «Последнем дне лета» всего два персонажа, на которых и держится действие. Знаю, с виду я — покладистый и симпатичный, но язык меня выдает. Критикам это не нравится, и мне частенько от них достается. Фильм этот тоже был актом неповиновения, что, впрочем, характерно не только для меня, но и для всех, кто, уцелев, вынес из войны тяжкое бремя пережитого. Это относится и к героине фильма. Думаю, сильнее всего на меня тогда влияло именно военное прошлое.

Т.Л.: Будучи литературным руководителем творческого объединения «Кадр», вы стали одним из «крестных отцов» так называемой польской школы кино. Что вы можете сказать об этом явлении сейчас?

— Мне кажется, это было очень позитивное явление. Прежде всего потому, что молодые кинематографисты, делавшие тогда первые шаги, стартовали с очень хорошей, здоровой почвы. Между нами не было ни соперничества, ни зависти. Мы прекрасно относились друг к другу; помочь товарищу, хотя бы «мимоходом», было само собой разумеющимся. Никакого сравнения с нынешними временами, когда мельчайшую идею первым делом защищают авторскими правами и дюжиной копирайтов. В 60-е годы открытость и взаимное доверие шли только на пользу тематике и сюжетам фильмов и, я считаю, создали отличную основу для развития кинематографа.

Т.Л.: Вы тогда ощущали, что принадлежите к объединению людей одного поколения, вместе делающих очень важное дело?

— Я уже говорил, что я — не рационалист, мы не всё делали осознанно...

Т.Л.: ...однако кинематографисты вспоминают Вас как связного между разными творческими группами: вы прекрасно разбирались в современной литературе, читали рукописи...

— Нельзя забывать, что в те времена в Польше выпускали одну-две картины в год, поэтому процесс производства фильма с самого начала рассматривался как нечто святое — и неважно, что получится могла полная чепуха. Просто как только появилась возможность рассказать с экрана о нашей судьбе, нужно было этой возможностью воспользоваться.

Т.Л.: Можно сказать, что «Последний день лета» вы сняли из личных побуждений, чтобы начать новую главу в своем творчестве. Вы действительно тогда переродились?

— Мне казалось, что меняется моя личность, что я решительно порываю с прошлым и начинаю жизнь заново.

Т.Л.: Это возможно?

— Я очень часто в жизни начинал всё заново. Такой у меня характер.

С.Б.: Вы сделали не только то, что можно назвать эссеизацией прозы, но и то, что я называю эссеизацией польского кино. Это было нечто совершенно новое, никто больше не отважился поставить самого себя в центр творческого процесса. Откуда у вас взялась такая идея?

— Наверно, произошло что-то подобное смещению времен в стиле «нового романа». Хотя на самом деле это, конечно, связано с биографией, то есть с тем, как жилось и что было пережито. Возможно, сюда прибавилась еще и потребность оглянуться и подвести итоги. Поскольку в моей жизни время от времени происходили кардинальные перемены, человек с моим складом характера не мог не задуматься о себе и своем прошлом, а это, в свою очередь, заставляло искать новую форму высказывания.

Кроме того должен вам признаться... хотя нет, не уверен... (умолкает)

С.Б.: В экспериментальных произведениях такого рода обычно присутствует немало чисто литературных, профессиональных спекуляций. Я до сих пор гадаю, как всё это пришло вам в голову? Вы

ведь принадлежите к поколению, которому не прививали десятилетиями любовь к литературе.

— Ничего подобного! Мы читали запоем, хотя, вынужден сказать, в нашей семье это не поощрялось: считалось, что чтение — деморализующее занятие. Хорошо помню, как во время войны я вскапывал садик у неких виленских аристократок, чтобы получить доступ в их превосходную библиотеку. Все книги у них были такие благородные, оправленные в кожу...

С.Б.: Но это, вероятно, был Словацкий, Крашевский, а мы-то говорим об эссеизации прозы...

— Мы читали всё. До сих пор помню немецкий роман Ганса Фаллады «Что же дальше, маленький человек?»...

С.Б.: То есть можно сказать, что перемена эстетики произошла под влиянием импульсивного желания перевернуть всё вверх ногами и поспорить с западными режиссерами?

— Я это сделал из духа противоречия, а соответствующие производственные возможности изобрел.

Т.Л.: «Календарь и клепсидра», то есть ваш первый псевдодневник, а на самом деле — литературное эссе, в ПНР читался чуть ли не как Гомбрович. Нужна была изрядная смелость, чтобы в тогдашней политической обстановке, при наличии цензуры, взяться за сложную форму дневника...

— Прошу обратить внимание на одну вещь: я, кажется, единственный литератор, который признался, что был членом партии и строил соцреализм и ПНР, — сейчас ведь все утверждают, что были антикоммунистами. Чтобы как-то сгладить неблагоприятное впечатление, я выбрал для «Календаря и клепсидры» непривычную форму — ироническую, насмешливую, словно бы подчеркивая несерьезность сказанного. Эти две сотни страниц должны были помочь мне утвердиться в новом качестве.

Т.Л.: Это же ваша тема: жизнь, которая продолжается вместе со всем, что было пережито. Естественно, что ваш герой, за спиной у которого партизанщина, смена политических взглядов и соцреализм, анализирует каждый свой выбор и... живет со всем этим дальше.

— Пан профессор, я уже раньше хотел сказать, что причина во мне: я могу только так, а не иначе относиться к литературе. К примеру, не лежит у меня душа к бытовому жанру. Если кто-

нибудь из вас читал мои книжки (смех), то заметил, что часто неизвестно, как зовут героя, где он трудится, есть ли у него семья, всё ли у него в порядке с работой и деньгами. Меня это не интересует — возможно, отчасти из-за того, что для нас это было совершенно несущественно. Простите за патетику, но нам не раз приходилось делать очень трудный выбор. Передо мной, с моими тревогами и сомнениями, вдруг встала задача найти свое место в мире, которого я не создавал и в котором ни на что не мог повлиять. Поэтому — со стыдом смиренно признаюсь — я не в состоянии смотреть сериалы. Как и американские фильмы, в которых дети сидят за столом, мама подает завтрак, а хозяин дома, торопливо что-то дожевывая, набрасывает на себя пиджак. Я немедленно выключаю телевизор — мне это неинтересно.

С.Б.: Для моих ровесников, чьи родители перебрались с кресов, вы были культовым писателем. «Польский комплекс» или «Малый апокалипсис», в которых выражен протест против «развитого социализма», мы читали с упоением, а вы сейчас, спустя годы, говорите, что никогда не критиковали тот строй. Вот уж не знаю, как это совместить.

— Да, про коммунистический строй я худого слова не написал. Хотя нет, в какой-то книге, которую вы, надеюсь, не читали, есть такая фраза: «Какое счастье, что социализм сдох, какая жалость, что социализм сдох». Должен разъяснить: мы участвовали в эксперименте, который, по правде сказать, был всего лишь попыткой ввести некую утопическую идеологию. И хотя проводился эксперимент, вероятно, в самом неподходящем месте и завершился катастрофой, мы надеялись, что человечество не откажется от этой утопии. На саму идеологию я никогда не нападал. Зато нападал на действительность, то есть осуществление утопии, обернувшееся одной из форм диктатуры. Может, лучше бы не признаваться, но я еще до 1956 г. стал замечать, что мундир российского империализма нам не подходит, и это меня довольно сильно мучило. Кстати, стоит задуматься, сколько людей со времен Христа мечтало о социализме и равенстве...

С.Б.: Хорошо, давайте поговорим про Народную Польшу. Вы ее не любили, но, согласитесь, ведь это была превосходная литературная тема.

— Не уверен, что не любил. Скажу даже больше: я подозреваю, что, как только прекратится этот политический галдеж и демагогия и молодые ученые начнут заглядывать в те времена, они наверняка обнаружат кое-что любопытное и убедятся, что не всё было таким, как изображается теперь.

С.Б.: Так, может, вы перечислите, что конкретно из времен ПНР заслуживает доброго слова и стоило бы сохранить?

— Вы, наверно, хотите, чтобы после этой беседы я был проклят. Прошу меня не провоцировать. Вы — антикоммунист, отлично, примите мое уважение (низко, до самого стола, кланяется), спасибо, что оставили меня на свободе...

Т.Л.: Публике нравилось то же, что и вам, только у вас, в отличие от нее, находились нужные слова.

— Расскажу вам страшную историю. Однажды мне позвонили и сообщили, что в Варшаве находится корреспондентка «Уолл-стрит джорнал», которая хочет поговорить со мной об ужасном положении искусства в ПНР. Газета солидная, ну и я согласился. А в ходе интервью поймал себя на том, что, отвечая на вопросы журналистки, поддакиваю ей: да, положение ужасное — однако тут же добавляю, что вообще-то польский кинематограф в расцвете, наш плакат завоевал весь мир, польские театры держатся на европейском уровне, а меня, несмотря на нашу оторванность от мировой литературы, переводят на разные языки, набралось уже более ста переводов. Надеюсь, вы не станете извлекать из этой истории слишком серьезные выводы — сам-то я ее вспоминаю с улыбкой. Но так было на самом деле.

Т.Л.: А мне вспоминается ваш последний фильм «Лава» по «Дзядам» Мицкевича, где подчеркивается присущее полякам чувство общности. Премьера совпала с обретением нами свободы как бы в награду за единство народа. Однако с тех пор прошло 20 лет, и эта общность выглядит совершенно иначе. Как бы вы сняли фильм сегодня?

— Скажу честно, от всей души: «Лава» по-прежнему мне близка — нас связывают мои родные края, Литва и чувство некоторой общности моей скромной персоны с паном Адамом (Мицкевичем. — Ред.). Я уже писал, что ходил по тем же, что и он, тропкам, думая, что, быть может, вот эти придорожные кусты помнят его и атмосферу того времени. Это вкупе с традициями, полагаю, в любое время должно действовать на меня одинаково... хотя, пожалуй, я созрел до того, чтобы, снимая «Лаву», обойтись без чьего бы то ни было влияния. Поскольку у меня не сложились отношения со специалистами, которые должны были мне помогать, я положился на то, что сам родом из тех мест, знаю тамошнюю действительность, жил тамошней жизнью. Доверился своему происхождению.

Т.Л.: В фильме присутствовала и современность: месса, в которой участвовал папа Иоанн Павел II, выход всей съемочной группы с

киностудии на Хелмской улице и всеобщее чувство, лучше всего выраженное словами папы: «Мы это сделали!» Неужели спустя 20 лет вы остались бы на прежних позициях? А как быть сегодня с чувством общности? Я примериваюсь к вопросу: что должен делать художник, когда становится хуже?

— Вы задаете слишком трудные вопросы. Думаю, сегодня я сделал бы фильм так же, только не было бы у меня тогдашнего импульса. 20 лет назад история словно придавала мне смелости и подтолкнула к этой теме. Но работал бы я и сейчас подобным образом: ведь источником осталась бы моя память и особый подход к Мицкевичу тоже остался — мы же земляки.

С.Б.: В вопросе Тадеуша Любельского содержится намек на то, что через 20 лет после падения коммунизма в Польше не стало лучше. Я с этим не согласен, но Ваше «Чтиво»^[8] дает основания так думать: ведь в этой книге вы скептически оцениваете действительность после 1989 года. А как оно на самом деле?

— Скептически или нет... разве это важно? История не стоит на месте. Я считаю, что со второй половины XX века для цивилизации наступил период благоденствия. При всех сложностях, недостатках, даже с учетом того, что в мире масса несчастий, в том числе кровопролитные войны, — в целом всё в порядке.

С.Б.: Не знаю, помните ли вы, как в 1984 г., когда в Польше действительно было невесело, в разговоре со мной вы, предрекая распад Советского Союза, сказали: «Сейчас хорошо, а будет еще лучше». Откуда брался оптимизм в такие жуткие времена?

— Кажется, иногда мне удается предвидеть, куда повернет история. Существуют вещи, которые задают ей ритм, но нас, потребителей, гнетут — и они неизбежно разваливаются. Было ясно, что диктатура в какой-то момент должна рухнуть. Возможно, то, что я сейчас скажу, прозвучит нагло и наивно, и тем не менее: просвещение, романтизм, футуризм в литературе показали, что в жизни и искусстве нет однозначных правил. Каждое поколение создает свой мир, у каждого свои неврозы, своя мода, свои страхи. Я тоже невольник своего поколения и не сумею, вдруг помолодев, шагать рука об руку с нынешней молодежью. Я — свидетель некой эпохи; хорошо, если это кому-нибудь пригодится. Тем более что у литературы, как у лжи, ноги коротки. В самом деле. Люди до сих пор любят средневековую живопись, а скажите мне, кто сегодня читает польскую литературу XIX века — ну, разве что Пруса, Сенкевича, Крашевского?

Т.Л.: Это уже кое-что. Я полагаю, идет возврат к старой литературе.

— (горячо) Пан профессор, язык меняется, сама материя меняется, затрудняя процесс чтения и отбивая охоту читать. Нет, с литературой дело обстоит не так хорошо, как Вы говорите.

С.Б.: Должен признаться, что слушаю Вас с ужасом: и это говорит выдающийся писатель на рубеже XX и XXI веков?! Получается, Вы занимаетесь литературой, будучи убеждены, что ей скоро конец?

— Я долго верил, что литература подобна Священному Писанию, то есть по мере нашего развития и накопления наблюдений мы будем всё лучше и сознательнее ее осваивать. Между тем выясняется, что некоторых моих старших коллег-литераторов, скончавшихся каких-нибудь пятнадцать лет назад, уже мало кто помнит... А молодежь-то вообще читает? Сильно в этом сомневаюсь.

С.Б.: Не согласитесь ли минутку поговорить с нами о любви?

— (изумленно) О любви?!

С.Б.: Ну да, Вы ведь кружите вокруг нее в своих книгах, особенно когда отправляетесь на Виленщину?

— Вы уже добились, что своей искренностью я себя скомпрометировал. Как мне теперь защищаться?

С.Б.: Но мы еще ни о чем конкретном не спросили, а Вы уже отбиваетесь... Я вот часто думаю об Алине из «Хроники любовных происшествий», о Висе из «Дыры в небе»...

Т.Л.: ...об Эве из ранних рассказов...

С.Б.: ...и нам интересно, были ли у этих литературных героинь прототипы?

— Один из наших уважаемых критиков написал: «Конвицкий, собственно говоря, женщина (смех), недаром у него с противоположным полом вечно какие-то перипетии и неувязки. Между тем, настоящий мужчина приходит, делает свое дело и идет дальше». У меня, как, вероятно, и у вас, есть излюбленный женский тип. В женщинах я ценю красоту, но в сочетании с умом. Мне нравится, если женщину нельзя до конца прочитать, если она скрывает какую-то тайну и у нее есть собственный мир. Именно за это меня и укорял тот критик. Я считаю, что любовный роман — великое событие,

хотя необязательно должен длиться до скончания века. Помню моменты, когда я был влюблен и, добиваясь успеха, думал: что бы такое сделать? Например, сжечь книжку... (умолкает)

С.Б.: А в кого Вы были влюблены?

— Это тайна. Тайна!

С.Б.: Скажем иначе: Вы сейчас говорили об образе женщины, созданном Вами в мечтах, или о женском типе, какой можно было встретить на Виленщине?

— Об образе женщины, которая могла бы мне понравиться. Не кисейная барышня, не очаровательная куколка, а противник, личность. Конечно, такие женщины у нас были.

С.Б.: А как они выглядели?

— Больше ни одного вопроса на эту тему!

С.Б.: Вам 83 года^[9], у Вас множество воспоминаний — как о трагическом, так и о прекрасном. Служат ли они жизненно необходимым источником энергии или, скорее, мешают, напоминая о бренности всего сущего?

— Мне повезло: я почти ничего не помню. Разве что какие-то ситуации, например, что было жарко^[10]. Почему, когда все пишут воспоминания, я для себя придумал форму псевдодневника? Почему не пишу, как все? Да потому, что не в состоянии строить повествование в таком духе: я родился в доме, где было восемь окон, ходил в школу по пыльной дороге... А не в состоянии потому, что очень многого уже не помню. Отца, например, не помню — помню только, как он умирал, лежа на полу в белой рубашке и темных брюках, и изо рта у него текла кровь. Мне тогда было три года.

Часто люди напоминают мне: когда-то я что-то такое сказал или так-то себя повел. К счастью, обычно я веду себя хорошо.

С.Б.: А в целом воспоминания помогают жить или пробуждают печаль о прошлом?

— Не знаю. У меня в голове какая-то магма, что-то из нее рождается, но ничего оформленного... Однажды я даже начал писать «обыкновенный» дневник, но в приступе неврастения порвал его и выбросил. И памятных вещей я не собираю — сохранил только несколько писем от Тадеуша Ружевича, от Милоша и Кундеры, потому что они касались моих дел. Кроме

этого — хоть шаром покати. У меня, в отличие от других писателей, нет архива.

Т.Л.: Бруно Шульц как-то сказал, что идеально было бы сохранить детство, но не оставаться вечно ребенком, потому что ребенок слишком мало знает — было бы неинтересно. А вот повторно проживать детство, продолжая взрослеть вместе со своим поколением, — это неплохая идея. Как Вы считаете, что-либо подобное осуществимо?

— Пан профессор, для меня это слишком сложная метафора.

С.Б.: Предлагаю другую, попроще. На прошлой неделе я разговаривал с Юлией Хартвиг, которой 88 лет, то есть она на пять лет старше Вас. На вопрос, что такое мудрость старого, обладающего большим жизненным опытом человека, который уже все знает, она ответила цитатой из стихотворения «Увещевание»: «мне казалось, что старость принесет знание (...) / Чепуха, чего не узнала раньше, уже не узнаешь». А Вы что скажете про знание человека, прожившего долгую жизнь? Будем ли мы с Тадеушем Любельским в Ваши годы знать больше, чем сейчас?

— Существует некая взаимосвязь прожитых лет с развитием человека. Кое-что приобретается естественным путем и влияет не только на физико-химические, но и на духовные процессы.

С.Б.: Человек в таком возрасте подобен орлу, который на все смотрит с высоты, или же, скорее — как утверждает Хартвиг — ничего не знает?

— В моем возрасте действительно в каком-то смысле смотришь с высоты птичьего полета, только птица, увы, не орел, а жаворонок. Как я с некоторых пор стал замечать, именно сейчас у меня появилась потребность узнавать что-то новое, а не то, что Генек любит Зося, а Зося кого-то другого... Хочется еще что-то узнать, поэтому я читаю научно-популярные книги, воспоминания, литературу факта. Когда у человека такие интересы, взгляду невольно предстает целиком вся планета, жизнь в полном объеме.

С.Б.: А когда вы видите все «в полном объеме», какая мысль первой приходит вам в голову?

— Побыстрей бы отсюда убратся — какая еще может быть мысль?

С.Б.: Ну как это — какая? Спросите у нас с Тадеушем: наша первая мысль — чтобы вы оставались с нами как можно дольше.

— Да нет же! Надо наконец убраться из этой жизни и переместиться куда-то туда... о чем мы понятия не имеем.

Публикуемая беседа — запись звуковой дорожки к фильму Януша Андермана «Что я здесь делаю». (Премьера состоялась на канале ТВП-2 1 апреля 2010.)

1. Стефан Вехецкий (псевдоним Вех; 1896–1979) — прозаик, сатирик, публицист, называемый «Гомером варшавской улицы». — Здесь и далее (если не указано иначе) примечания переводчика.
2. В Вильно на Летней улице, 5 находилась Государственная психиатрическая лечебница (прим. ред.).
3. Творковская лечебница для душевнобольных в Творках (раньше пригород, а сейчас район Варшавы).
4. Фильм «Лава» (1989) по драматической поэме «Дзяды» А. Мицкевича (автор сценария и режиссер Т. Конвицкий).
5. В наместника Царства Польского князя Константина 3 марта 1862 стрелял, легко его ранив, Людвик Ярошинский, подмастерье портного, и был за это казнен.
6. Фрагменты книги Т. Ружевича «Наш старший брат» опубликованы в журнале «Иностранная литература», 2011, №5.
7. Антисемитский лозунг, в 1968 повторивший фразу из выступления первого секретаря ЦК ПОРП В. Гомулки.
8. В Польше роман «Чтиво» вышел в 1992 г.
9. Беседа состоялась в 2009, когда Тадеушу Конвицкому было 83 года (прим. ред.).
10. В 2001 вышла книга бесед Катажины Беялс и Яцека Щербы с Тадеушем Конвицким «Помню, что было жарко».

В СПЕШКЕ

(отрывки)

— ...пан Пшемек, не ждите плавной беседы, ее ход будет зависеть от настроения бедного пана Конвицкого. По той причине, что я вечно спешу. Это такая душевная спешка, в меньшей степени — физическая. Сидит во мне какое-то беспокойство, отражающееся на всей моей жизни. А также, дорогой пан Пшемек, на моем — в кавычках — художественном творчестве. Впрочем, у любого человека особенности характера постоянно дают о себе знать.

(...)

Я говорил о спешке — внутренней, душевной. Похоже, она действительно оставила след на всем, что я делал. Сразу после войны в литературной среде сокрушались, что совсем нет произведений эпического жанра. Были рассказы, воспоминания об оккупации, но короткие, а все мечтали о возвращении эпики. Я тоже на свой лад старался восполнить этот пробел — взять, к примеру, «Власть», «Дыру в небе»^[1]...

Да, «Дыра в небе» — эпика на молодежную тему, в ней соблюдены законы жанра. Правда, я включил туда дневник висельника. И это стало переломным пунктом в моей карьере: что-то во мне такое произошло, отчего я начал писать по-своему.

Впрочем, у этого «по-своему» тоже масса недостатков. Очень близкий мне человек, мой друг, прочитав «Вознесение», был поражен, потрясен. Сказал: послушай, да такое только в газете печатать, «роман с продолжением». Спустя годы одна актриса написала у себя в дневнике о «Малом апокалипсисе»: прочла, ну и что, очерк, просто очерк. И знаете, оба в чем-то правы. Эта — в кавычках — спешка ведет к краткости, а читатель привык к классической эпике.

Не говорю уж о том, что когда-то роман был еще и источником информации. Бальзака читали, чтобы представить себе, как выглядит Франция. Сейчас служебная информативная функция искусства отпала; живопись, например, может позволить себе быть абстрактной, а в былые времена художник, рисуя короля, или королеву, или битву, создавал своего рода

визуальный документ. Пожалуй, в какой-то мере это относится и к литературе. Возможно, я не прав, но мне кажется, что сейчас, в эпоху массовой информации, когда у каждого человека полно возможностей сделать более интересной свою жизнь, эта функция книг заменена другими способами коммуникации.

(...)

...А сейчас скажу кое-что нескромное.

Основное в эпике — спокойное, отстраненное, объективное описание нашего мира, нашей жизни, которая идет себе со всеми своими сложностями, я же писал сжато, сокращенно. Прелесть эпического жанра — в описании природы: можно страницу-полторы уделить наступлению сумерек или прогулке по берегу реки. А я не уверен, что вообще ее описываю; если у меня сказано, что пошел дождь, это и есть описание природы. Но, подбирая слова, выстраивая фразы, я инстинктивно вкладывал в них эмоции; мне казалось, что я не информационную таблицу создаю, а смутный свод ощущений, предчувствий. К чему я клоню? А вот к чему: мне помогали держаться в какой-никакой форме мои читатели, которые воспринимали нечто большее, чем заключенную в сюжете информацию. На этом основана моя наглая уверенность, что я существую, что имею право иногда беззастенчиво высказаться. Мне нравится воздействовать на неведомые области восприятия читателя или зрителя, подсовывая ему предчувствия, то или иное настроение, тоску по чему-нибудь.

На том же, возможно, основывается и поэзия. Не на информации, декларациях, описаниях. Смотрел я однажды «Жюль и Джим» [Франсуа Трюффо, 1962], очень камерный фильм. Там есть сцена: герои сидят за столом. И вдруг девушка встает, идет — панорама, камера ее ведет. Казалось бы, теоретически, нормальная информация о сценическом движении. Но я долго не мог забыть этот кадр, чем-то он меня зацепил. Много есть выдающихся творцов, у которых такого нет. Чего-то неопределенного... и ни один ученый профессор вам не объяснит, что это, не скажет, как оно действует, почему вас затрагивает, какие вызывает химические процессы, чтобы вы это прочувствовали, запомнили.

Короче, в искусстве должно быть что-то архиважное, не поддающееся классификации. У меня, возможно, этого нет. Хотя, если кому-то нравится моя таблоидная проза, если какие-то читатели утверждают, будто я им что-то дал, будто

бы то, что я написал, — «это их»... может быть, кое-что у меня всё же есть. А может, просто так получилось.

Не знаю, возможно, я несу вздор...

Ну вот, вы цинично смеетесь, и мне сразу стало лучше. Всё, долой фантазии, буду смотреть на вещи объективно.

Надо помнить, что каждый из нас для оправдания своих несовершенств весьма искусно подбирает разнообразнейшие объяснения, легенды. Я, вероятно, тоже. Возможно, мне следовало стать художником, возможно, у меня нет чувства языка, или я не готов рабски ему поклоняться, или не способен смотреть на мир и нашу судьбу с некой дистанции. Всё у меня — фрагменты, куски из биографий.

Пшемислав Канецкий: То есть, если сослаться на ваши собственные слова, вы перековали отсутствие поэтического дара в прозу и фильм?

— Это вроде бы и очевидно, и банально, и для меня довольно-таки унижительно, но, пожалуй, отчасти верно. Есть такая русская пословица: всякий сходит с ума по-своему. *Понимаете?*

— Да^[2].

— Так вот: то, что распирает тебя изнутри, должно найти выход. И выход этот будет таким, какой возможен только для данного человека в тех конкретных обстоятельствах, в которых он живет и которые имеют огромное значение. У меня, как вы могли заметить (я не прикидывался), дело кончилось комплексами.

— Заметил и запомнил.

— Не хочу оглядываться, не хочу читать то, что написал. Как будто совершил святотатство и не желаю к этому возвращаться.

(...)

И еще по поводу спешки. Я уже говорил, что всю жизнь спешил. Наверняка вы из литературы знаете, сколь прекрасны бывают в жизни художника моменты или периоды депрессии: это нечто возвышенное, переход в иное измерение, в человеке открываются невероятные глубины. А я, несчастный, мог пробыть в депрессии от силы часа два или три, потом она мне надоедала, и я мчался куда-то дальше. Ваш скепсис оправдан: раз у меня не получалось уходить в себя, погружаться в

состояние высшего сознания, ко мне надо относиться критически.

(...)

Пристрастие к лапидарности я, естественно, пытался сам перед собой оправдать, ссылаясь на опыт работы в кино: очень плохо, если эпизод на лишнюю секунду затянут. Я воевал даже с превосходными актерами, которые знают, какими и где должны быть паузы, но в театре пауза иначе функционирует и вполне может быть более долгой. Самое серьезное замечание, которое я сделал Холубеку, звучало: «Гутя, быстрее». Это было на съемках «Лавы». Он закончил довольно большой фрагмент монолога и спрашивает: «Ну как?» Я говорю: «Гутя, быстрее, очень уж поэтические у тебя паузы». Он возмутился: «Чего ты мне рассказываешь, я же чувствую!» Я говорю: «И все-таки попробуй, доставь мне удовольствие, постарайся делать паузы покороче, это же экран». Повторяем сцену. «Ты был прав», — тихонько говорит он.

Кстати, о фильмах. Скоро годовщина Смоленска, будут митинги, демонстрации, боюсь, патриоты меня линчуют. Я ведь — и не один я — мог снимать кино только потому, что дело было в ПНР. Разве мне, с моей тематикой, с моими идеями, нашлось бы место в нормальной кинопромышленности? Какое там! А если бы я всё-таки любой ценой хотел делать фильмы, пришлось бы подстраиваться под массового зрителя и выполнять все его требования, а не осуществлять свои капризы. Ни один из моих фильмов в нормальную рыночную кинематографию не вписался бы. Вижу, вы меня осуждаете и вы правы: ради удовлетворения своих нездоровых амбиций я не стеснялся жировать на несчастьях ПНР. Рядом множество патриотов страдали, а я исполнял свои прихоти. Неприятно в этом признаваться, но, увы, так было.

Смóтрите с неодобрением... ладно, скажу еще кое-что, чтобы вас позлить. Так вот, я что хотел, то сделал. Цензура... знаю, но я ухитрялся выбирать такие моменты, когда она ослабляла хватку. Возможно, чтобы высказать все, следовало бы изобрести более изощренный художественный (назовем это так) аппарат, но я высказывался, как умел. Коллеги-литераторы, судя по их теперешним воспоминаниям, в ПНР страшно мучились, а я — нагло заявляю — и в кино, и в литературе сказал то, что хотел сказать. И не имею права жаловаться: мол, черная дыра, загубленная жизнь...

На это вы можете заметить, что сказать мне было не так уж и много. А я вам кое в чем признаюсь — надеюсь, у вас пропадет охота продолжать разговоры перед этим подозрительным устройством для подслушивания. Я пишу не так, как некоторые мои коллеги, сообщающие (я это читал), что носят в себе уйму материала, готового для перенесения на бумагу. Многие изучают себя, но никак до конца не изучат, у них целый космос для описания. Я же, к сожалению, что хотел сказать, уже сказал, просто я слишком долго живу. Не то чтобы стал импотентом — не испытываю потребности писать. Это я ради вас напрягаю последние силы: хочу показаться оригинальным.

— Себя вам «изучать» вообще не нужно.

— Ужасно хотелось бы сказать, что я всю жизнь себя изучаю, да так полностью и не разобрался. Но вот уже лет пятьдесят я знаю себя как облупленного.

Мы наделены поразительными свойствами: у нас есть мозги, работающие всё исправнее, есть интуиция, подсознание, то, что мы называем душой. Но наше существование, наше бытие некоторым образом ограничено. Личность, сознание, мозг не имеют ограничений. Нас ограничивает наш организм, физические данные, опыт — такой, какой возможен на нашей планете, которую мы очень любим... Вы любите, пан Пшемек?

— Очень!

— О! Я-то уже в годах, чувства слегка увяли, поэтому не скажу: «очень» — я ее просто люблю. Итак, на этой маленькой, нервной, капризной планете обитает почти семь миллиардов *homo sapiens*. Семь миллиардов. Знаете народную поговорку: и слепая курица порой зерно находит? Превосходная метафора — не мной придуманная, я только по-дилетантски ее исследую. Что это значит? Представьте: гигантская свалка, величиной с пирамиду — или еще больше, с десятков пирамид, — и семь миллиардов кур, то есть мы, роются в мусоре. Согласно закону больших чисел какая-то курица может найти на этой свалке золотое кольцо. Думаю, авторы поговорки это имели в виду: что все мы роемся в мусоре. Судя по вашей презрительной мине, лично вы не роетесь. А вот и нет, роетесь, роетесь на свалке нашей жизни, что-то там ищете: смысл, успех, удовлетворенность.

Это я — весьма неуклюже — подбираюсь к прекрасному понятию «человеческий гений». Последнее время я много читал об астрономии: по меньшей мере половина открытий — случайности. Слепой курице неожиданно попало зерно.

Заметим: копание в мусоре приобрело промышленный размах. Раньше был пустой луг, и вдруг на нем кто-то что-то соорудил, а теперь — муравейник, в котором каждый день совершаются какие-то открытия, появляются какие-то изобретения. В частности, аппаратура вроде той, что вы принесли и тут разложили: эти штучки размером с почтовую марку. В 50-е годы ламповый радиоприемник был верхом роскоши, шедевром современной техники; помню, как благодаря протекции тестя мы купили гэдээровский аппарат, кажется, даже шестилампный — чудо, сенсация! А сейчас полно изобретений, которые сто лет назад прогремели бы на весь мир, и хоть бы кто заметил! Есть какие-то конторы для регистрации изобретений, но это связано с деньгами, с тантьемами.

Иными словами, ситуация с гениальностью сейчас похуже. Да и вообще понятие «гений» как будто стало условным. Мы можем договориться: это гениально, а это — нет. Не хочу приводить конкретные примеры — боюсь нарваться на неприятности: усомнишься в каком-нибудь проявлении гениальности, даже не усомнишься, а просто отнесешь к разряду нормальных вещей, — берегись, тут и покалечить могут. Впрочем, это естественная реакция: людям нужно, чтобы время от времени что-то сверкнуло — хотя бы для бодрости, для улучшения самочувствия. А то мы вечно ноем: всё не так, всё плохо! — достижения огромные, но мы постоянно недовольны, поэтому любые способы поднятия духа хороши.

(...)

— Что такое, по-вашему, правда в искусстве?

— Однозначно ответить трудно: все зависит от личности. Например, агрессивное внутреннее эго способно заставить человека искажать «объективную» правду. А у кого-то стремление к правде может стать навязчивой идеей, подчас приобретающей маниакальные масштабы. Боюсь, я мало что могу сказать. О о очень уж это сложная штука. От слишком многих факторов зависит.

Вам, вероятно, случалось слышать, как о ком-то говорят: у него своя правда. Если человек до последнего борется за свою правду, пусть даже окружающие не уверены в его правоте, вмешиваться нельзя — это его личное дело. К тому же, с годами жизненный опыт корректирует то, что я смею назвать инстинктом правды.

По-моему, даже провозглашая неправду, человек может искренне считать себя единственным выразителем истины.

Неслучайно в разговоре с вами я ссылался на собственный авторитет. К старости он стал мне казаться единственно достоверным. (...)

Правду — ту самую, с заглавной буквы, если она существует, — подстерегает множество опасностей. Есть такое понятие «услужливая память»: человек невольно забывает вещи, бросающие тень на его правду. Взять хотя бы меня: я — образец благородства, и сердце у меня доброе, и душа полна любви к людям, однако вы то и дело приводите какие-то факты из моей жизни, отчего я прямо-таки теряю дар речи. Мало того, что они кажутся мне искаженными, — я отказываюсь верить, что мог так написать, сказать, поступить или о ком-то так отозваться. И, зная за собой такое, стараюсь свою услужливую память держать в узде.

Но вообще-то я помню все случаи, когда вел себя не ахти как. И не просто помню. Сидит это во мне, сидит занозой. Можно, впрочем, утешаться тем, что есть у тебя на счету мелкие порядочные поступки, о которых никто не знает, которые ты совершаешь для себя, ради собственного извращенного удовольствия.

А еще очень любопытно, каким тебя видят окружающие. Вот, например, я, человек, ничем не примечательный, заметил, что у всех, кто со мной сталкивался, составилось обо мне разное представление — как будто у каждого своя правда о моей судьбе, моей жизни, моем поведении. И каждый раз я готов согласиться (не скажу, что без оговорок), что меня и таким можно видеть. Тут даже выстраивается литературный сюжет: наведение порядка в собственной жизни с помощью подсказок нравственного характера. Что-то меня потянуло на банальности... дайте мне, пожалуйста, импульс, чтобы я изрек что-нибудь возвышенное и патетическое.

— «Изрядная часть жизнь складывается из стыда. Остальная — из угрызений совести». Знаете, кто это сказал?

— Кто?

— Ваш отец в фильме «Как далеко отсюда, как близко».

— Интересно... потому я и спрашиваю.

Уверены, что оттуда? А то я начинаю подозревать, что вы немного перекраиваете модель — мой образ, мои поступки — на свой лад. Большею частью с наилучшими намерениями, только смотрите, как бы мне это не повредило.

Ну а если отец так сказал, значит, он сказал тому, кто должен это понять.

— Он сказал своему сыну.

— Да, сыну, который выбрал такую жизнь. Из чего вовсе не следует, что другие идут подобным путем. Всем нам, дорогой пан Пшемек, вынесен приговор, но путей от начала к концу на этой планете, к счастью, страшно много. Учтите, всё, что я говорю, относится только ко мне, давать категорические оценки ближним я не уполномочен. Хотя не слишком умные мысли на этот счет порой мелькают. Например, вижу я некрасивого человека, который вдобавок ведет себя по-идиотски. И думаю: ладно, он же не виноват, что его так экипировали для пребывания на этой самой Земле, которую вы, пан Пшемек, искренне любите. Конечно, я говорю наивные вещи, но ведь никто за пределами этого мира заранее его не спросил, каким он хочет быть. И он рождается обремененным генами-шменами, какими-то ферментами, с какими-то изъянами мозга, нервной системы. Короче, я не считаю себя вправе сурово кого-то судить. Хотя и понимаю: вот этот может быть невыносим или неприятен. Но разве человек виноват, что он некрасив? Мне бы тоже хотелось быть похожим на Анджея Лапицкого, но я выгляжу так, как выгляжу, приходится как-то управляться, я и старался, когда имел дело с дамами (если такое случилось).

В общем, как есть, так есть. Очень бы хотелось под конец сказать что-нибудь позитивное. Мир прекрасен, а человек, как говорил Горький, это звучит гордо.

— Горький...

— А может, не Горький. Хотя очень на него похоже. Я не эрудит (смеется), возможно, сам это когда-то придумал, а потом уже другие повторяли за мной как пародию на убогое философствование.

— Но вам нравится этот писатель, особенно драматургия, да?

— Я не специалист по Горькому.

— Но вроде как пропагандист.

— Я?!

— Вы же поставили его пьесу — или я ошибаюсь?

— А-а-а. Знаете, обстоятельства тогда были особые. Я бы не хотел считаться строптивцем: слишком уж маленькая роль, и было бы немного унизительно, — но внезапные проявления общественного психоза вызывают у меня протест. Вдруг все начинают дудеть в одну дуду! Поэтому я и взялся за... как пьеса называлась?

— «Егор Булычов».

— ...взялся за «Егора Булычова»^[3]. Во-первых, посмотрите на тогдашнюю ситуацию: я был одним из первых, кто вернулся к русской — хуже того, советской — драматургии. Тогда это рассматривалось как дерзкая выходка. Во-вторых, что-то похожее происходило с президентом России господином Ельциным, его дни, как и Булычова, были уже сочтены. Мне казалось, спектакль позволит почувствовать атмосферу, сложившуюся у наших соседей за Бугом. Точнее, чуть подальше, между нами еще появились независимая Белоруссия и независимая Украина; в общем, у восточных соседей. Мне это было интересно; отчасти я поступил вопреки моде. В ущерб себе.

— Почему в ущерб?

— Наверно, попади я в модную струю, было бы лучше.

Но я был и вознагражден — опытом работы с актером. Работа в театре диаметрально отличается от работы на съемочной площадке. Было презабавно. Я репетирую, исполнители подобраны в соответствии с их духовными, артистическими и характерологическими возможностями. Всё идет хорошо, но, вижу, актеры чем-то озабочены, всё время рвутся затеять спор, непрерывно оттаскивают меня в сторонку. И понимаю: они разочарованы. Поскольку привыкли к тому, что последовало за переворотом в межвоенное двадцатилетие, когда Остерва с Лимановским^[4], видимо, подсознательно, из желания, чтобы театр стал чем-то больше, чем просто театром, ввели многомесячные репетиции. Я слышал и читал, что анализ текста мог продолжаться и полгода. Страшно была растянута подготовка спектакля.

— Это была перфекционистская театральная лаборатория, крайне идеалистическая.

— Вот-вот, это меня и раздражает. А если оглянуться на вторую половину XIX века? Возьмите Летний театр, так он, кажется, назывался — в Саксонском саду. Каждую неделю — премьера. Не уверен, но, возможно, и в других театрах так бывало. То есть

на анализ текста уходило не шесть месяцев, а шесть дней. И получались прекрасные спектакли. Вы удивлены? Не знали? Легенда о них жива до сих пор.

Что я этим хочу сказать? Что в искусстве спонтанность допустима — наряду с научным анализом. Научный подход к искусству у меня особого пиетета не вызывает. Все поставлено на научные рельсы: физика, медицина, стоматология, совокупление; куда ни глянь, всюду наука. И это хорошо, но искусство требует... или нет, уже не требует, но имеет право на некоторую спонтанность.

О том, что мы называем вдохновением. Это понятие уже давно высмеяли: «нечто вроде вдохновения»! Я, кстати, из чувства противоречия, проверил на себе. В одной из своих книжек позволил себе, не помню точно, страницу или две написать без подготовки, с бухты-барахты.

Поскольку наука признаёт, что мы знаем не всё и можно рассчитывать на неожиданные открытия и новый опыт, давайте и искусству дадим послабление и позволим полагаться на инстинкт, на то, что зовется вдохновением, а режиссер Занусси назвал «иллюминацией» — это, кажется, значит «озарение», да? Я не говорю, что искусство должно на этом базироваться: если у кого-то что-то смутно промелькнет в голове и тут же будет выставлено на продажу в качестве гениального творения, у меня это вызовет только раздражение. Нет, я имею в виду такой внезапный импульс, создающий особое настроение, вспышку поэзии. Когда мне, как потребителю, попадается что-то такое, я это хватаю и поглощаю с наслаждением.

(...)

В общем, так называемое искусство — своего рода великая авантюра. И нам не терпится пуститься в эту авантюру, желание заложено в нас помимо нашей воли, нам нужны в нашей обыденности искорки, проблески чего-то высшего. Чего-то, что... боюсь сказать, но скажу... помогает нам жить. Потому что полная бесплодность была бы невыносима, по крайней мере, для некоторых представителей homo sapiens.

Перевод Ксении Старосельской

-
1. Романы опубликованы в 1954 («Власть») и 1959 («Дыра в небе»).

2. Курсивом — по-русски в тексте.
3. Спектакль был поставлен на сцене театра «Атенеум» в 1994.
4. Юлиуш Остерва (1885-1947) — актер и режиссер, реформатор польского театра; Мечислав Лимановский (1876-1948) — геолог и театральный режиссер; вместе основали новаторский театр-лабораторию «Редута» (1919-1927).